№1080

В. Н. Терлецкій.

ОЧЕРКИ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ ПО СЕКТАНТСТВУ.

ВЫПУСКЪ I.

Общія понятія о сектантствѣ.

Духоборы и толстовцы.

Павловское „страшное дѣло".

Секта „іоаннитовъ".

ПОЛТАВА.
Электрическая типографія Г. И. Маркевича Панскій рядъ.
1911 г.

1г

BX
8942
63

Содержаніе.

Предисловіе.

Стран.

I. Общія понятія о сектантствѣ.

Введеніе. I. Идеализація сектантства: новый взглядъ свѣтской литературы на сектантство и его несостоятельность. II. Опытъ выясненія понятія о сектантствѣ и постановки научнаго изслѣдованія его. III. Психопатическія движенія въ сектантствѣ. IV. Общая схема сектантскаго движенія . . . 7—29

II. Духоборы и толстовцы.

Введеніе. I. Общій характеръ секты духоборцевъ. „Книга животная". Идеи пантеизма и дуализма въ ученіи духоборцевъ. Общественныя воззрѣнія и организація. Бытовыя особенности. II. Главные періоды въ исторіи духоборцевъ. Первые организаторы секты. Духоборцы на Молочныхъ водахъ. Духоборцы на Кавказѣ. Правленіе Лукерьи Калмыковой. Образованіе партій веригинцевъ и горѣловцевъ. III. Пропаганда толстовскихъ идей среди духоборцевъ. Образованіе партій воробьевской и веригинцевъ-постниковъ. Противленіе духоборцевъ-постниковъ „злу государственному". Торжественное сожженіе оружія. Разселеніе духоборцевъ-постниковъ. IV. Литературная агитація толстовцевъ въ пользу духоборцевъ въ Россіи и за-границею. Мысль о переселеніи духоборцевъ за-границу. Неудачное переселеніе на о. Кипръ. Переселеніе въ Канаду. V. Духоборцы въ Канадѣ. Мѣсто поселенія. Бѣдствія и невзгоды первыхъ лѣтъ. Попытка переселиться въ Калифорнію. Духоборческія хозяйства: частныя, временно-общинныя и общинныя. VI. Столкновеніе съ канадскими властями и вызванный имъ расколъ среди духоборцевъ. Уравненіе имущества и освобожденіе скота. «Виннипегскій походъ». Прибытіе въ Канаду П. Веригина. „Голое" путешествіе. Заключеніе . . . . . 30—141

III. Павловское „страшное дѣло".

Введеніе. Распространеніе въ с. Павловкахъ толстовскаго ученія княземъ Д. А. Хилковымъ. II. Павловскіе сектанты-толстовцы, ихъ религіозныя и соціально-политическія воззрѣнія и вліяніе на мѣстное населеніе. III. Миссіонерская дѣятельность приходскаго духовенства и отношеніе къ сектантамъ

Стран

власти свѣтской. Настроеніе павловскихъ сектантовъ наканунѣ „страшнаго дѣла". IV. Тодосіенко - проповѣдникъ малеванства. Исторія болѣзни. Его подвиги въ с. Я нахъ, Кіевской губерн. V. Проповѣдь Тодосіенко въ с. Павловкахъ. Разгромъ церкви-школы и нападеніе на православный храмъ. Судебный приговоръ. Заключеніе 142 183

IV. Секта „іоаннитовъ".

I. Секта „іоаннитовъ": ея происхожденіе, организація и главные пункты ученія. II. Распространеніе секты іоаннитовъ. II. Пьеса г. Протопопова „Черные Вороны". IV. Іоаннитскіе книгоноши и пріемы пропаганды. V. Обстановка и организація іоаннитскихъ пріютовъ. VI. Отношеніе къ сектѣ о. Іоанна Кронштадтскаго. Сужденія о ней IV всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда. Опредѣленіе Св. Синода. VII. Положеніе дѣтей въ іоаннитскихъ пріютахъ. Закрытіе пріютовъ и отобраніе дѣтей. VIII. Послѣднія событія въ сектѣ іоаннитовъ . . 184 255

Предисловіе.

По условіямъ служебной дѣятельности, автору, какъ преподавателю расколо-сектантства въ семинаріи, часто приходилось имѣть дѣло и вращаться въ мірѣ раскола и сектъ. Приходилось знакомиться съ этимъ оригинальнымъ и своеобразнымъ міромъ и теоретически, путемъ изученія существующей литературы, и практически, входя въ непосредственное общеніе съ нимъ.

Нѣкоторыя событія изъ новѣйшей исторіи сектантства останавливали на себѣ преимущественное вниманіе автора и, побуждая его взяться за перо, намѣчали собою темы для литературныхъ работъ.

Такъ составился рядъ очерковъ и статей по сектантству, которые авторъ и предположилъ издать въ свѣтъ въ формѣ выпусковъ подъ общимъ заглавіемъ: «Очерки, изслѣдованія и статьи по сектантству».

Выходящій въ свѣтъ первый выпускъ содержитъ въ себѣ: I. Общія понятія о сектантствѣ. II. Духоборы и толстовцы. III. Павловское «страшное дѣло» и IV. Секта «іоаннитовъ».

Подобнаго рода изданіе представляется благовременнымъ въ виду того живого интереса, какой замѣтно пробужденъ нынѣ въ нашемъ обществѣ къ вопросамъ сектовѣдѣнія. И если автору удастся своимъ изданіемъ пойти на встрѣчу и, хотя бы отчасти, содѣйствовать удовлетворенію этого интереса, то цѣль его будетъ достигнута.

Авторъ.

Общія понятія о сектантствѣ.

Введеніе. I. Идеализація сектантства: новый взглядъ свѣтской литературы на сектантство и его несостоятельность. II. Опытъ выясненія понятія о сектантствѣ и постановки научнаго изслѣдованія его. III. Психопатическія движенія въ сектантствѣ. IV. Общая схема сектантскаго движенія.

Въ послѣднее время у насъ въ значительной степени пробужденъ интересъ къ изученію сектантства. О сектантствѣ много пишутъ, много говорятъ. Однако, въ сужденіяхъ о немъ разногласятъ: разногласятъ и въ вопросѣ о происхожденіи этого явленія, и въ опредѣленіи его сущности, и въ оцѣнкѣ его значенія.

Одни видятъ въ сектантствѣ явленіе заносное, продуктъ иноземнаго вліянія. Другіе же, наоборотъ, настаиваютъ на самобытномъ его происхожденіи, выводя изъ условій исключительно внутреннихъ, мѣстныхъ.

Одни смотрятъ на сектантство, какъ на фактъ жизни церковно-религіозной. Другіе же религіозную сторону считаютъ внѣшней оболочкой факта, знаменемъ, подъ которымъ скрываются иныя, дѣйствительныя намѣренія и чаянія сектантовъ характера экономическаго и соціально-политическаго.

Одни видятъ въ сектантствѣ явленіе свѣтлое, свидѣтельствующее о прогрессивномъ движеніи нашего народа и высказываются противъ всякихъ внѣшнихъ ограничительныхъ мѣръ въ отношеніи къ сектантамъ. Другіе же, наоборотъ, признаютъ это явленіе болѣзненнымъ, а по-

тому опаснымъ и вреднымъ, угрожающимъ серьезными затрудненіями церкви и государству, и настаиваютъ на принятіи рѣшительныхъ энергическихъ мѣръ противъ сектантовъ.

Такая противоположность во взглядахъ и сужденіяхъ о сектантствѣ, помимо мотивовъ чисто личнаго, субъективнаго свойства, въ значительной степени объясняется отсутствіемъ научной разработки сектантства. Интересъ къ изученію сектантства у насъ возникъ сравнительно въ недавнее время, и сектантство представляетъ собою явленіе еще мало изслѣдованное.

Въ виду этого возникаетъ необходимость для всякаго, приступающаго къ изслѣдованію въ области сектантства, заняться прежде всего выясненіемъ общихъ понятій о сектантствѣ.

Необходимо разобраться среди существующихъ противоположныхъ толковъ и сужденій о сектантствѣ, разсмотрѣть и показать несостоятельность ходячихъ неправильныхъ мнѣній о немъ и установить опредѣленныя общія понятія, на которыхъ будетъ базироваться и которыми будетъ опредѣляться дальнѣйшій ходъ изслѣдованія.

I.

Въ наше время, время переоцѣнки всякихъ цѣнностей когда такъ часто бѣлое представляютъ чернымъ, а черное—бѣлымъ, нисколько неудивительно, если въ извѣстной части свѣтской литературы высказывается совершенно превратный взглядъ на сектантство.

По этому взгляду, сектантство есть явленіе свѣтлое, симпатичное, свидѣтельствующее о прогрессивномъ движеніи народной мысли, о творческой, продуктивной дѣятельности духа народнаго. Сектанты—это люди передовые, это «культурные піонеры», они пробудились отъ

той религіозной спячки, въ которой пребываютъ православные, и идутъ впередъ; они стремятся къ свѣту, «алчутъ и жаждутъ правды», и устрояютъ жизнь свою на евангельскихъ началахъ—равенства, любви и братства.

Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ защитники этого взгляда, посмотрите на жизнь сектантовъ, она гораздо выше и лучше, чѣмъ жизнь православныхъ: сектанты грамотны, честны, трудолюбивы, не пьютъ, не курятъ, не бранятся, помогаютъ другъ другу, однимъ словомъ, это самые симпатичные люди. Если такъ, за что же ихъ преслѣдовать? Не преслѣдовать и искоренять сектантство надо, а наоборотъ—радоваться и содѣйствовать его распространенію. Если сектанты порываютъ связь съ церковью, то въ этомъ виновата сама же церковь, это только указываетъ на слабость и безсиліе церкви удовлетворить пробудившимся религіознымъ потребностямъ народа. Въ церкви православной, говорятъ, господствуетъ бездушный формализмъ, она не въ состояніи отвѣтить на запросы развившагося религіознаго сознанія народа, поэтому лучшіе передовые люди изъ народа, не находя удовлетворенія въ церкви, уходятъ въ сектантство. Увлекшись такимъ взглядомъ, нѣкоторые писатели впадаютъ въ паѳосъ и разсыпаются въ восторженныхъ похвалахъ сектанству, въ сектанствѣ видятъ залогъ силы и величія русскаго народа, залогъ его свѣтлаго будущаго, шлютъ по адресу сектантовъ всяческія благожеланія, поютъ имъ панегирики.

Таковъ новый, принятый обычно въ свѣтской литературѣ и достаточно распространенный въ свѣтскомъ обществѣ, взглядъ на сектантство. При нервомъ поверхностномъ отношеніи къ нему, взглядъ этотъ можетъ, пожалуй, показаться заманчивымъ и привлекательнымъ. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи его, ясно обнаружится его полная несостоятельность.

Не трудно видѣть, что взглядъ этотъ представляетъ собою крайнюю *идеализацію* сектантства. Сущность сектантства здѣсь не понята, значеніе его безмѣрно преувеличено, секганты возведены на пьедесталъ, имъ не подходящій, окружены ореоломъ величія, имъ не принадлежащимъ,—здѣсь все раздуто, разукрашено яркими красками, представлено въ блестящемъ, но фальшивомъ, ложномъ свѣтѣ. Чтобы яснѣе видѣть несостоятельность этого взгляда, обратимъ прежде всего вниманіе на то, когда и при какихъ условіяхъ онъ возникъ.

Новый взглядъ на сектантство впервые былъ высказанъ писателями—народниками въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Извѣстно, что 60-тые годы—знаменательное время въ исторіи нашего народа,—то было горячее время реформъ. Великая освободительная крестьянская реформа произвела большое оживленіе и движеніе въ обществѣ, обратила взоры всѣхъ къ народу и вызвала много толковъ о немъ, толковъ разнообразныхъ до полной противоположности. Одни говорили: «не разнуздывайте звѣря, не давайте народу свободы, онъ не съумѣетъ воспользоваться ею: для его же блага покрѣпче натягивайте возжи!» Другіе, наоборотъ, увѣрждали: «сбросьте позорное иго рабства съ народа, дайте ему возможность быть человѣкомъ, онъ прекрасно воспользуется дарованной ему свободою, потому что въ груди своей онъ таитъ скрытыя, могучія, жизненныя силы, служащія ручательствомъ дальнѣйшаго преуспѣванія, дайте свободу этимъ силамъ—и народъ быстро двинется впередъ по пути прогресса». И, какъ обычно бываетъ при этомъ, тѣ и другіе впали въ крайность. Если одни видѣли въ народѣ звѣря, то другіе воспылали самыми горячими симпатіями къ нему. Народъ чуть не боготворили, предъ нимъ благоговѣли и преклонялись, въ немъ видѣли таинственнаго, непонятнаго сфинкса, скрывающаго въ себѣ могучія жизненныя силы. Подъ вліяніемъ такого

настроенія обращаются къ изученію народнаго быта, къ разгадкѣ таинственнаго сфинкса; появляются изслѣдованія различныхъ сторонъ народной жизни. Журналы наполняются изслѣдованіями, разсказами, очерками, романами изъ народнаго быта, мужикъ занялъ видное мѣсто въ салонахъ народнической беллетристики, его разбирали, какъ говорится, чуть не покосточкамъ—и что ѣстъ, и какъ пьетъ, во что одѣвается и проч. Конечно, все это имѣло свое значеніе и принесло большую пользу, такъ какъ содѣйствовало изученію народной жизни. Но вмѣстѣ съ пользой былъ и вредъ. Вредъ происходилъ оттого, что изслѣдованіе народной жизни велось не безпристрастно. Оно было вызвано чрезмѣрнымъ увлеченіемъ народомъ и велось въ пылу увлеченія, подъ вліяніемъ предзанятой идеи, что народъ таитъ въ себѣ могучія жизненныя силы. Этихъ силъ искали всюду, во всѣхъ явленіяхъ народной жизни, поэтому нѣкоторыя изъ нихъ были поняты и освѣщены неправильно. Такъ именно случилось съ сектантствомъ. Съ точки зрѣнія предзанятой народнической идеи на сектантство посмотрѣли, какъ на продуктъ самостоятельной творческой дѣятельности духа народнаго, какъ на выраженіе того процесса творческой дѣятельности, который незримо совершается въ тайникахъ народнаго духа и служитъ ручательствомъ самостоятельнаго, самобытнаго развитія народа. Въ сектанствѣ народники увидѣли подтвержденіе своей предзанятой идеи, поэтому признали это явленіе свѣтлымъ, симпатичнымъ. А между тѣмъ не обратили вниманія на то, что самодѣятельность духа народнаго, которой всюду искали и которою такъ восхищались, въ сектантствѣ проявляется въ созданіяхъ грубыхъ, нерѣдко чудовищно-уродливыхъ, (какъ, напримѣръ, бѣгуны, скопцы, хлысты и др.).

Такимъ образомъ, высказанный свѣтской литературою, новый взглядъ на сектантство имѣетъ источникъ свой въ томъ крайнемъ, чрезмѣрномъ, и постольку ошибочномъ,

увлеченіи народомъ, которое охватило наше общество въ 60-хъ годахъ. Подъ вліяніемъ этого увлеченія въ народѣ видѣли одно лишь хорошее, одни свѣтлыя стороны. Неудивительно, поэтому, если и въ сектантствѣ,—явленіи по существу своему болѣзненномъ, нездоровомъ увидѣли явленіе свѣтлое, идеализировали его, разукрасили яркими красками, представили въ красивомъ эффектномъ, но ложномъ свѣтѣ.

Однако, защитники разсматриваемаго нами взгляда не голословно высказываютъ его. Въ подтвержденіе правильности своего взгляда они ссылаются на жизнь сектантовъ и говорятъ: «дерево познается по плодамъ, не можетъ дерево худое приносить плодовъ добрыхъ, жизнь сектантовъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ, и въ экономическомъ отношеніи стоитъ гораздо выше, чѣмъ жизнь православныхъ, поэтому сектантство нельзя не признать явленіемъ свѣтлымъ, симпатичнымъ»...

По поводу этого, повидимому, столь несокрушимаго аргумента можно сказать слѣдующее. Прежде всего не нужно быть легковѣрнымъ, нужно осторожно относиться къ восторженнымъ отзывамъ и похваламъ по адресу сектантовъ, которыя щедрою рукою разсыпаются идеализаторами сектантства. Наблюденіе надъ жизнью сектантовъ —дѣло очень трудное, такъ какъ сектанты скрытны и крайне лицемѣрны, и въ этомъ случаѣ легко можно обмануться и впасть въ ошибку.

«Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные» (Мѳ. VII, 15). Въ этихъ словахъ Спасителя кратко выражена самая сущность сектантскаго типа. По-истинѣ, всегда и всѣ—сектанты таковы.

При первомъ поверхностномъ знакомствѣ, они кажутся благочестивыми, кроткими, смиренными людьми, которые стремятся расположить свою жизнь и дѣятельность по заповѣдямъ Евангелія. Внѣшняя показная сторона ихъ

жизни представляется вполнѣ благоприличной, даже привлекательной, такъ что первое впечатлѣніе легко получается въ ихъ пользу. Всякаго новаго посѣтителя, особенно если онъ человѣкъ интеллигентный, сектанты примутъ очень любезно, заведутъ рѣчь объ оскудѣніи вѣры въ людяхъ, выскажутъ немало укоровъ и упрековъ православнымъ, сопровождая ихъ смиренно-лукавымъ замѣчаніемъ, что «это-де говорится не въ укоръ, не въ осужденіе», не забудутъ пожаловаться на тѣ мнимыя гоненія, которымъ они подвергаются со стороны православныхъ за свою вѣру, за то-де, что они не посѣщаютъ съ ними кабаковъ, не хотятъ пьянствовать и т. п. Неудивительно, поэтому, если случайный посѣтитель, пробывъ у сектантовъ лишь день—другой, выйдетъ очарованный ихъ любезностью, здравою, сознательною вѣрою, внѣшнею показною добропорядочностью и, дѣлясь своими впечатлѣніями съ публикой, выскажетъ радость по поводу того, что «среди мрачной, грязной жизни нашихъ крестьянъ встрѣчаются дорогіе перлы»...

Но если поближе познакомиться съ сектантами и пожить среди нихъ подольше, если войти въ довѣріе и проникнуть въ ихъ закулисную жизнь, то окажется, что видимая привлекательная оболочка скрываетъ нравственный обликъ очень невысокаго достоинства. Въ дѣйствительности, въ жизни сектантовъ можно встрѣтить много фальши, лицемѣрія, внѣшняго показнаго благочестія, много гордости, киченія и самохвальства, прикрытыхъ личиною смиренно-лукавства, много вражды и ненависти къ православнымъ и другихъ пороковъ, которые тщательно прячутся подъ маской внѣшняго благоприличія и добропорядочности. Поэтому нужно осторожно относиться къ восторженнымъ отзывамъ свѣтскихъ писателей о высоко-нравственной жизни сектантовъ, такъ какъ отзывы эти, въ большинствѣ случаевъ, основаны на недоразумѣніи, и авторы ихъ легко могли быть введены въ заблужденіе.

Однако, было бы несправедливо безусловно порицать сектантовъ и не признавать того хорошаго, что они имѣютъ. Въ отзывахъ свѣтскихъ писателей о жизни сектантовъ есть, конечно, доля истины, но нужно только очистить ее отъ примѣси ложной идеализаціи и представить въ настоящемъ ея видѣ.

Факты показываютъ, что нерѣдко православные, переходя въ сектантство, испытываютъ какъ бы нѣкоторое перерожденіе, круто измѣняя прежній порочный образъ жизни, бросаютъ пить водку, учатся грамотѣ, читаютъ Евангеліе и т. д. Въ молодыхъ сектантскихъ общинахъ, дѣйствительно, замѣчается повышенное настроеніе религіознаго чувства, сопровождающееся болѣе строгимъ образомъ жизни и выгодно выдѣляющее сектантовъ изъ среды ихъ православныхъ односельцевъ. Сами превославные иногда хорошо отзываются о сектантахъ, какъ о людяхъ работящихъ честныхъ, на слово которыхъ можно положиться.

Но тѣ же факты говорятъ, что такое настроеніе бываетъ въ сектантскихъ общинахъ только на первыхъ порахъ и продолжается недолго: обычный у юныхъ неофитовъ религіозный пылъ скоро остываетъ, смѣняясь религіознымъ индифферентизмомъ и холодностью, высокія требованія нравственности ослабѣваютъ и подъ разными яко-бы благовидными предлогами нарушаются, оставаясь все же обязательными лишь въ видахъ пропаганды и для рекомендаціи, такъ сказать, сектантства. Интересы вѣры постепенно отходятъ на второй планъ, уступая мѣсто интересамъ практическимъ, житейскимъ; вырабатывается столь обычный въ сектантствѣ несимпатичный типъ кулака коммерческаго пошиба, который, начавъ проповѣдью о незаконности платы за требы и обвиненіемъ православныхъ пастырей въ корыстолюбіи и мздоимствѣ, оканчиваетъ тѣмъ, что съ ловкостью стрижетъ своихъ овецъ... Прикрытые маской благоприличія, прежніе пороки снова проникаютъ въ среду сектантовъ, умножая собою количество новыхъ.

Такое явленіе, наблюдаемое обычно въ жизни сектантскихъ общинъ, станетъ понятнымъ, если обратить вниманіе и прослѣдить его внутренній психическій генезисъ.

Происхожденіе сектантства почти всегда стоитъ въ связи съ недостатками и пороками, наблюдаемыми въ жизни православныхъ и представляетъ собою протестъ противъ нихъ. Выступая съ протестомъ, сектанты, естественно, на первыхъ порахъ стараются удаляться и избѣгать тѣхъ недостатковъ и пороковъ, какіе они замѣчаютъ и порицаютъ въ жизни православныхъ. И насколько они этого достигаютъ, насколько, дѣйствительно, имъ удается осуществить въ жизни своей Евангельскія начала, настолько, конечно, сектантство не можетъ не вызвать къ себѣ нѣкоторыхъ симпатій.

Но дѣло въ томъ, что всякій протестъ имѣетъ значеніе лишь тогда и постольку, поскольку онъ основывается на положительныхъ данныхъ и имѣетъ подъ собою реальную почву. Между тѣмъ, начатый сектантами протестъ не удерживается въ должныхъ границахъ. Все болѣе и болѣе увлекаясь и руководясь духомъ оппозиціи, сектанты, погрѣшая противъ правилъ логики, отъ *части* дѣлаютъ заключеніе къ *цѣлому*, отъ недостатковъ и пороковъ, наблюдаемыхъ въ жизни православныхъ, они заключаютъ, что и вся церковь православная, какъ состоящая изъ людей порочныхъ, есть церковь неистинная. Несправедливо, такимъ образомъ, обвиняя всю церковь въ томъ, въ чемъ повинны лишь нѣкоторые ея члены, сектанты отдѣляются отъ церкви и порываютъ съ нею всякую связь. Теперь протестъ, доведенный до крайности, теряетъ подъ собою положительную реальную почву, переходитъ въ одно голое, чистое отрицаніе и принимаетъ характеръ явленія болѣзненнаго, ненормальнаго.

Отдѣлившись отъ церкви и отвергнувъ тотъ широкій прочный авторитетъ обще-церковнаго сознанія, на кото-

ромъ они доселѣ утверждались, сектанты лишаются твердой точки опоры, теряютъ устойчивость и вступаютъ на скользкій путь субъективизма. Не легко, не сразу происходитъ это отдѣленіе отъ церкви, тяжелою внутреннею борьбою сопровождается оно. Естественное при всякой перемѣнѣ религіозныхъ убѣжденій возбужденіе религіознаго чувства сопровождается болѣе строгимъ образомъ жизни, въ которомъ сектанты, отдѣлившись отъ церкви и лишаясь ея освящающихъ благодатныхъ дѣйствій, стараются найти для себя якорь спасенія. И вотъ, взволнованное, тревожное, колеблющееся религіозно-нравственное чувство отщепенцевъ достигаетъ сильной степени напряженія и даетъ пышный цвѣтъ. Но—это напряженіе ненормальное, болѣзненное, и потому скоропреходящее. Этотъ цвѣтъ напоминаетъ собою красивый цвѣтъ румянаго яблока, сердцевину котораго подтачиваетъ червь. Это—пустоцвѣтъ, который, не успѣвъ расцвѣсть, увядаетъ...

Такова тайна жизни сектантовъ, столь прославленной многими свѣтскими писателями. Здѣсь же объясненіе той противоположности, какая существуетъ во взглядахъ и сужденіяхъ о ней. Двуликая, подобно Янусу, жизнь сектантовъ представляется разнымъ наблюдателямъ съ разныхъ сторонъ: одни останавливаютъ свой взоръ на румяномъ цвѣтѣ яблока, и видятъ въ сектантствѣ явленіе свѣтлое, симпатичное; другіе же идутъ дальше, берутъ глубже, и за красивой, обольстительной внѣшней оболочкой усматриваютъ одну лишь пустую червоточину...

Итакъ, при внимательномъ разсмотрѣніи новаго взгляда свѣтской литературы на сектантство, ясно обнаруживается его несостоятельность: взглядъ этотъ представляетъ собою крайнюю идеализацію сектантства, вытекаетъ изъ источника нечистаго, опирается на основаніи непрочномъ. Правда, по своей новизнѣ и видимой заманчивости этотъ взглядъ получилъ большую распространенность

среди свѣтскаго общества. Но, какъ взглядъ неправильный, произвелъ лишь путаницу въ понятіяхъ о сектантствѣ и нисколько не подвинулъ впередъ дѣла изученія его.

Что же такое сектантство и какъ оно должно быть изучаемо?

II.

Сектантство можетъ быть разсматриваемо и опредѣляемо съ двухъ сторонъ: внѣшней и внутренней. Съ внѣшней стороны, сектантство (отъ лат. seco-отсѣкаю, отдѣляю) есть отдѣленіе отъ церкви, уклоненіе отъ общаго движенія церковно-религіозной жизни. Съ внутренней же стороны оно предсталяетъ собою отклоненіе въ развитіи религіознаго сознанія и чувства.

Отдѣленіе отъ церкви всегда стоитъ въ причинной связи и указываетъ на происшедшее въ религіозномъ сознаніи и чувствѣ отдѣлившихся нѣкоторое измѣненіе, уклоненіе отъ нормы. Поэтому, сектантство должно быть отнесено къ разряду явленій болѣзненныхъ, патологическихъ.

Какъ въ жизни тѣлеснаго организма человѣка нерѣдко бываютъ болѣзненныя явленія, нарушающія правильность процессовъ и отправленій физіологическихъ, такъ и въ жизни духа. Сектантство представляетъ собою именно болѣзненное явленіе въ одной изъ важнѣйшихъ областей духовной жизни, въ области жизни религіозной. Секты— это отклоненія отъ общаго нормальнаго движенія церковно-религіозной жизни, это болѣзненныя, нездоровыя теченія, ложныя пути, ложныя направленія въ развитіи религіознаго сознанія и чувства.

Подобнаго рода патологическія явленія, наблюдаемыя

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общества любителей Академии Наук СССР

въ развитіи религіознаго сознанія и чувства, и сопровождающіяся уклоненіемъ и нарушеніемъ въ процессѣ церковно-религіозной жизни, представляютъ собою самостоятельную группу явленій настолько интересныхъ и важныхъ, что они могутъ составить *предметъ* особой науки о сектахъ.

Но болѣзненныя явленія въ тѣлесномъ организмѣ человѣка не представляютъ собою чего-либо случайнаго, отрывочнаго, безсвязнаго: каждая болѣзнь имѣетъ свои причины, имѣетъ законы, по которымъ совершается ея теченіе, и на которыхъ основывается возможность ея лѣченія. То же нужно сказать и о болѣзненныхъ явленіяхъ въ области религіозной жизни. Отклоненія и нарушенія, какія бываютъ въ правильномъ теченіи этой жизни, аномаліи и разстройства, наблюдаемыя въ области религіознаго сознанія и чувства, происходятъ въ силу извѣстныхъ причинъ и совершаются по извѣстнымъ законамъ.

Сектантство нельзя разсматривать изолированно отъ общаго движенія и внѣ связи съ развитіемъ исторической жизни народа; происхожденіе его стоитъ въ тѣсной связи съ извѣстными условіями и направленіями исторической жизни народа какъ церковной, такъ и государственной. Сектантство нельзя также трактовать, какъ собраніе отрывочныхъ, безсвязныхъ, безсмысленныхъ ученій, столь разнообразныхъ, сколь разнообразны и многочисленны названія сектъ. При множествѣ названій, всѣ секты по содержанію своему могутъ быть сведены къ немногимъ общимъ группамъ или типамъ, въ основаніи которыхъ лежатъ общія основныя, хотя и ложныя, идеи —плодъ неправильно продуктирующаго религіознаго сознанія и ложно настроеннаго религіознаго чувства.

Выясненіе причинъ и условій, при которыхъ происходятъ болѣзненныя явленія или нарушенія въ процессѣ

церковно-религіозной жизни, описаніе этихъ явленій, классификація ихъ, указаніе законовъ, по которымъ они совершаются,- -можетъ составить *задачу* науки о сектахъ.

Предметомъ и задачею науки опредѣляется и *методъ* ея. Такъ какъ сектантство захватываетъ собой область явленій жизни внутренней, духовной то къ изученію его долженъ быть примѣненъ по преимуществу методъ *психологическій.*

Психологическій анализъ долженъ играть здѣсь главную роль,—анализъ всего сложнаго комплекса идей эмоцій и настроеній, изъ котораго слагается духовный обликъ сектанта. При этомъ для расширенія поля научнаго изслѣдованія необходимо пользоваться методомъ *сравнительно-историческимъ.*

Психологическій анализъ, примѣненный къ изученію сектантства, опираясь на данныя, добытыя путемъ сравнительно—историческаго изслѣдованія, можетъ привести къ признанію особаго сектантскаго психическаго или, лучше сказать, *психо-патологическаго типа*, лежащаго въ основѣ подлежащей изученію группы патологическихъ явленій.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ секты, не смотря на ихъ разнообразіе, сходятся между собой на *одной* почвѣ, имѣютъ *одну* общую основу, которую представляетъ собою *особый психо-патологическій типъ* сектанта. Существованіе этого типа легко можетъ подмѣтить всякій, кому приходится знакомиться и наблюдать надъ сектантами. Общія, основныя черты этого типа сказываются и въ общихъ пріемахъ сектантскаго *изворотливаго мышленія*, и въ общемъ *повышенномъ тонѣ* сектантскаго настроенія, и въ общемъ *лицемѣрномъ характерѣ* сектантскихъ дѣйствій и поступковъ, и даже во внѣшнемъ обликѣ сектанта, преимущественно въ смиренно-лукавомъ выраженіи сектант-

ской физіономіи и тонкой, коварной игрѣ пронырливыхъ, быстрыхъ, бѣгающихъ, иногда же остро воспаленныхъ, блуждающихъ сектантскихъ глазъ.

Этотъ психо-патологическій типъ данъ въ самой природѣ человѣка слабой, несовершенной, поврежденной грѣхомъ, которая со времени печальнаго факта грѣхопаденія утратила цѣлостность и гармонію природы первозданнаго и стала склонна къ разнаго рода заболѣваніямъ. Онъ данъ и всегда существуетъ въ смыслѣ возможности, или же склонности, предрасположенности человѣческой природы къ ненормальностямъ и отклоненіямъ въ своемъ развитіи. Но подобно тому, какъ заболѣванія тѣлеснаго организма происходятъ лишь при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, такъ и психо-патологическій сектантскій типъ изъ состоянія потенціи, такъ сказать, вызывается къ бытію, какъ-бы оживаетъ при извѣстныхъ благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, представляя собою ту внутреннюю основу, ту общую почву, на которой нарождается и развивается сектантство.

Всестороннее изученіе сектантскаго психо-патологическаго типа, выясненіе тѣхъ условій, при которыхъ онъ развивается, выясненіе какъ общихъ, основныхъ чертъ его, такъ и его разновидностей, должно составлять конечную идеальную *цѣль* науки сектовѣдѣнія.

III.

Сектантство, какъ выше сказано, представляетъ собою явленіе болѣзненное. Но извѣстно, что теченіе болѣзни бываетъ различное. Иногда болѣзнь протекаетъ тихо, спокойно, «болѣзнь идетъ, какъ говорятъ, правильно». Иногда же теченіе ея бываетъ бурное, сопровождающееся глубокими и рѣзкими измѣненіями въ организмѣ человѣка, которыя нерѣдко отражаются и на его психикѣ.

Нѣчто аналогичное наблюдается и въ сектантствѣ. Исторія сектантства показываетъ, что спокойное теченіе

жизни сектантовъ нерѣдко прерывается и нарушается взрывами грубаго ожесточеннаго фанатизма, или же дикими визгами религіозной экзальтаціи, граничащей съ нервнымъ разстройствомъ и переходящей иногда въ полное религіозное помѣшательство.

Не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать движеній сектантскихъ съ движеніями въ собственномъ смыслѣ психопатическими. Это два явленія различнаго порядка, и смѣшеніе ихъ можетъ сопровождаться печальными практическими послѣдствіями. Благодаря недоразумѣнію, основанному на подобнаго рода смѣшеніи, легко можетъ случиться что паціенты, вмѣсто клиникъ, очутятся на скамьѣ подсудимыхъ, предстанутъ предъ трибуналомъ судей, вмѣсто консиліума врачей, и будутъ приняты мѣры карательныя тамъ, гдѣ требуются врачебныя и здраво-охранительныя.

Однако же, нерѣдко, какъ показываетъ исторія, на почвѣ сектантскихъ движеній возникаютъ и развиваются движенія въ собственномъ смыслѣ психопатическія, носящія всѣ признаки нервно-психическихъ эпидемій.

Происходитъ это вслѣдствіе того, что сектантство возникаетъ всегда на почвѣ возбужденнаго религіознаго чувства и потому представляетъ собою среду, удобную для воспріятія и развитія всякаго рода идей и движеній мистическихъ, которыя при благопріятныхъ условіяхъ легко и незамѣтно принимаютъ характеръ психопатическихъ эпидемій.

Обычно болѣзненныя измѣненія въ тѣлесномъ организмѣ человѣка вызываютъ повышеніе температуры и сопровождаются жаромъ. И сектантство, представляющее собою отклоненіе въ развитіи религіознаго сознанія и чувства, зарождается всегда въ атмосферѣ общаго неспокойнаго, возбужденнаго состоянія духа, вызываетъ повышенную напряженную дѣятельность религіознаго сознанія и чувства, и несетъ съ собою источникъ постоян-

ныхъ душевныхъ треволненій и смятеній.

Отдѣлившись отъ церкви, сектанты вырабатываютъ свои особыя религіозныя вѣрованія, у нихъ складывается свое религіозное міровоззрѣніе, формируется свой строй религіозныхъ чувствъ. Ихъ религіозныя понятія, удаляясь отъ чистыхъ возвышенныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, отличаются узкостью, односторонностью, темнотою, спутанностью и нерѣдко приближаются къ воззрѣніямъ языческимъ. Ихъ религіозное чувство, выйдя изъ колеи спокойнаго нормальнаго теченія, отличается повышеннымъ, возбужденнымъ настроеніемъ, звучитъ сильно приподнятымъ тономъ. Здѣсь слышны бываютъ иногда и скорбныя нотки сожалѣнія о потерянномъ, когда то столь дорогомъ, прошломъ, и тревога въ виду неизвѣстнаго будущаго, чаще же всего преобладаетъ крикливый тонъ озлобленныхъ фанатиковъ, до ослѣпленія преданныхъ новому ученію, принятому ими за истинное, и этимъ старающихся заглушить и заполнить образовавшійся, послѣ отдѣленія отъ церкви, въ ихъ внутреннемъ складѣ глубокій душевный надрывъ... Поэтому-то религіозная страстность, горячность, религіозный пылъ, фанатизмъ— составляютъ существенную доминирующую черту сектантскаго настроенія, которое особенно замѣтно бываетъ на первыхъ порахъ появленія секты.

Естественно, что при отсутствіи здравыхъ религіозныхъ понятій, при общемъ возбужденномъ, состояніи духа продолжительное и односторонне сосредоточеніе религіознаго сознанія на одной какой-либо идеѣ, и такое же будированіе религіознаго чувства, можетъ повести къ нарушенію равновѣсія психической дѣятельности и, доведя нервную систему до крайней степени напряженія, разрѣшиться болѣзненнымъ кризисомъ въ формѣ психопатической эпидеміи.

Такъ близокъ переходъ отъ движеній сектантскихъ къ

движеніямъ въ собственномъ смыслѣ психопатическимъ.

Вполнѣ понятно, что наиболѣе благопріятную среду для развитія движеній психопатическихъ представляютъ собою секты мистическія. Вожаки этихъ сектъ, подвергаясь медицинскому изслѣдованію, почти всегда оказываются страдающими paranoia religiosa. Но такъ какъ сектантство возникаетъ всегда на почвѣ возбужденнаго религіознаго чувства и мистическій элементъ въ большей или меньшей степени присущъ каждой сектѣ, то психопатическія движенія наблюдаются не только въ сектантствѣ мистическомъ, но и въ раціоналистическомъ, а также и въ расколѣ. Для примѣра можно указать на факты массовыхъ самосожженій, имѣвшихъ мѣсто въ исторіи раскола, на замурованіе раскольниковъ въ Терновскихъ плавняхъ, на факты постояннаго появленія въ сектахъ раціоналистическихъ толковъ мистическихъ и т. п. Не простираясь въ глубь вѣковъ, вспомнимъ, напр., это образное движеніе, принявшее характеръ психопатической эпидеміи въ сектѣ малеванцевъ, которое было изслѣдовано и описано извѣстнымъ врачемъ-психіатромъ проф. Сикорскимъ. Вспомнимъ столь громкое недавнее «Павловское побоище», когда послѣдователи анархической секты толстовцевъ, подъ вліяніемъ душевно-больного малеванца Тодосіенко, съ кольями и дручьями, но въ тоже время съ пѣніемъ и молитвою, громили православную церковь, разоряя «неправду» и насаждая толстовскую «правду». Вспомнимъ, наконецъ, знаменитый «походъ на Виннипегъ» имѣвшій мѣсто среди переселившихся въ Канаду духоборовъ, въ которомъ американскія газеты видѣли «умопомраченіе странной секты». Всѣ указанныя движенія въ современномъ сектантствѣ носятъ несомнѣнный и рѣзко выраженный психопатическій оттѣнокъ.

Такимъ образомъ, сектантство, какъ отклоненіе въ развитіи религіознаго сознанія и чувства, есть явленіе болѣзненное и, какъ таковое, представляетъ собою благо-

пріятную почву и удобную среду для возникновенія и развитія движеній психопатическихъ.

IV.

Съ признаніемъ *сектантскаго психо-патологическаго типа* сектантство корнями своими углубляется до внутреннихъ основъ человѣческой природы, поврежденной грѣхомъ и склонной ко всякаго рода болѣзнямъ, ненормальностямъ и отклоненіямъ въ своемъ развитіи. Но здѣсь же вмѣстѣ съ этимъ представляется возможность усмотрѣть общій основной законъ, управляющій сектантскимъ движеніемъ и объясняющій происхожденіе двоякой разновидности сектантскаго типа.

Сектантство, какъ сказано выше, представляетъ собою отклоненіе въ развитіи религіознаго сознанія. Главный вопросъ, рѣшеніе котораго всегда предстоитъ религіозному сознанію человѣчества, это вопросъ объ отношеніи человѣка къ Богу, о томъ, каково должно быть правильное отношеніе къ Богу, въ чемъ должно состоять истинное поклоненіе и служеніе Богу. Въ рѣшеніи этого вопроса могутъ быть двѣ крайности, обусловливаемыя двойственностью природы человѣка духовной и тѣлесной. Такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, то въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи къ Богу могутъ быть колебанія между духомъ и тѣломъ, какъ началомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, при чемъ чашка вѣсовъ можетъ склониться въ ту или другую сторону. Именно, можно обращать главное вниманіе на внѣшнюю сторону религіи и полагать спасеніе въ выполненіи обрядовъ, но можно перевѣсъ давать внутренней сторонѣ, стремясь служить Богу духомъ и истиною. Первое сопровождается пренебреженіемъ и забвеніемъ послѣдняго, второе—отрицаніемъ перваго, какъ ненужнаго и излишняго. Приверженность къ внѣшней обрядовой сторонѣ религіи заслоняетъ духъ

религіи и вырождается, какъ вѣра въ мертвую букву; съ другой стороны, ложное стремленіе служить Богу духомъ и истиною приводитъ къ полному отрицанію всей внѣшней обрядовой стороны религіи, причемъ отрицается многое, имѣющее существенное значеніе въ дѣлѣ спасенія. Это колебаніе между духомъ и тѣломъ, какъ началомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, порождающее двѣ противоположныя крайности въ рѣшеніи вопроса объ истинномъ поклоненіи и служеніи Богу, наблюдается всегда и вездѣ, гдѣ происходитъ отдѣленіе отъ церкви, гдѣ религіозное сознаніе уклоняется отъ русла сознанія обще-церковнаго, вселенскаго, и потому можетъ быть отмѣчено, какъ *общій основной законъ*, управляющій сектантскимъ движеніемъ. Возьмемъ, напримѣръ, западныя исповѣданія—латинское и протестантское; здѣсь замѣтны явленія аналогичныя, представляющія отклоненія въ развитіи религіознаго сознанія въ ту и другую сторону. Латинство склоняется къ первой крайности, тяготѣетъ къ внѣшнему усвоенію христіанской истины; здѣсь царство Божіе обращено въ царство человѣческое, элементъ внѣшній, человѣческій заслонилъ сторону внутренную, духовную, папа заслонилъ Христа. Протестантство представляетъ противоположную крайность, оно даетъ перевѣсъ внутренней сторонѣ религіи и, проповѣдуя оправданіе одною вѣрою, отрицаетъ всякое внѣшнее посредство въ дѣлѣ спасенія, какъ то—церковь, іерархію, таинства и проч.

Церковь православная избѣгаетъ этихъ крайностей потому что въ рѣшеніи вопроса объ истинномъ поклоненіи и служеніи Богу остается вѣрной хранительницей преданія церкви древней вселенской и на этомъ стоитъ твердо. Здѣсь вопросъ объ истинномъ поклоненіи и служеніи Богу рѣшается въ смыслѣ гармоническаго сочетанія души и тѣла въ отношеніяхъ человѣка къ Богу. Такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, то въ служеніи Богу, по ученію церкви православной, должны

принимать участіе и душа и тѣло, причемъ служеніе духомъ имѣетъ главное, существенное значеніе, служеніе же тѣломъ, т. е. вся внѣшняя сторона религіи, имѣетъ значеніе второстепенное, служебное, именно постольку, поскольку оно необходимо для выраженія служенія внутренняго духовнаго. Апостолъ говоритъ: *прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божіи* (1 Кор. VI, 20). Церковь наша потому и православна, что въ ней два элемента, изъ которыхъ слагается религія, двѣ стороны ея—внутренняя и внѣшняя взаимно уравновѣшиваются и гармонически сочетаются. Но сектанты, отдѣлившись отъ церкви, отвергаютъ предлагаемый ею путь спасенія, и въ суемудрыхъ поискахъ своихъ собственныхъ путей, теряютъ равновѣсіе и неизбѣжно впадаютъ въ одну изъ указанныхъ выше крайностей. Отсюда и наше сектантство представляетъ собою два основныхъ типа, двѣ группы сектъ: одни полагаютъ сущность религіи во внѣшней обрядовой сторонѣ, отождествляя обрядъ съ догматомъ, другіе же отрицаютъ обрядъ и мнятъ служить Богу духомъ и истиною; по своимъ основнымъ существеннымъ чертамъ первые могутъ быть названы *обрядовѣрными* (расколъ старообрядческій), вторые—*мнимо духовными* (секты раціоналистическія и мистическія).

Однако же, дѣйствіе общаго закона, управляющаго сектанскимъ движеніемъ, не ограничивается образованіемъ двухъ главныхъ типовъ сектантства. Законъ дѣйствуетъ непрерывно и является роковымъ для сектантства, производя въ немъ постоянныя дробленія; за первичнымъ дѣйствіемъ слѣдуетъ вторичное, потомъ третичное и т. д. Послѣ главнаго дѣленія слѣдуетъ частнѣйшія раздѣленія каждаго типа на толки, причемъ наблюдается то же колебаніе между духомъ и тѣломъ и отклоненіи къ той или другой крайности. Такъ, группа сектъ мнимо-духовныхъ дѣлится на два разряда—раціоналистическихъ и мистическихъ. Различіе происходитъ вслѣдствіе того, что отдѣлившись отъ церкви и отвергая ея авторитетъ, сектан-

ты единственнымъ руководствомъ и авторитетомъ своимъ признаютъ Слово Божіе; но въ вопросѣ о томъ, гдѣ же находится Слово Божіе и гдѣ искать его, они раздѣляются.

Одни признаютъ Слово Божіе *внѣшнее*, выраженное во внѣ, въ буквѣ, въ св. Писаніи, и при этомъ, останавливаясь на буквѣ, нерѣдко доходятъ до грубаго буквализма, который сближается ихъ съ раскольниками—обрядовѣрами [1]). Другіе же признаютъ не *внѣшнее*, мертвое (по ихъ словамъ), писанное буквами въ книгѣ, слово, а слово *внутреннее*, живое, написанное въ сердцахъ, слово, представляющее плодъ непосредственнаго внутренняго откровенія и исходящее изъ устъ пречистой плоти, въ которой обитаетъ Божество.

Первые, признавая на словахъ св. Писаніе, на самомъ дѣлѣ, при толкованіи его, руководствуются личнымъ пониманіемъ, разумѣніемъ (ratio), поэтому называются, хотя и неточно, *раціоналистическими*; вторые, какъ признающіе начало внутренняго, непосредственнаго откровенія и озаренія, называются *мистическими*. Таково вторичное дѣйствіе общаго закона, управляющаго сектантскимъ движеніемъ.

Далѣе можно указать и третичное его дѣйствіе. Каждая изъ указанныхъ группъ въ свою очередь дѣлится на частные толки, при чемъ наблюдается то же колебаніе и отклоненіе въ сторону начала внутренняго или внѣшняго. Возьмемъ, напримѣръ, раціоналистическія секты молоканъ, штундистовъ и пашковцевъ. Среди тѣхъ и другихъ происходятъ раздѣленія совершенно аналогичнаго характера: одни стараются удержать основной типъ секты

[1]) На самомъ дѣлѣ между раскольникомъ и штундистомъ нѣтъ такой большой разницы, какъ обыкновенно принято думать. Есть общая, довольно характерная черта, которая сближаетъ того и другого, это—*буквоѣдство;* разница только въ томъ, что раскольникъ уставился въ букву книгъ старопечатныхъ, а штундистъ привязался къ буквѣ текста библейскаго, но изъ-за буквы нерѣдко, въ пылу оппозиціи, какъ показываютъ факты, ни тотъ ни другой ничего не хотятъ ни видѣть, ни знать.

чисто духовныхъ, мнящихъ служить Богу духомъ и истиною, и отвергаютъ всякій обрядъ; другіе же принимаютъ обрядъ и вводятъ его въ большей или меньшей степени, по усмотрѣнію вожаковъ. Такъ среди молоканъ появляются толки: *старый молоканскій* или *уклеинскій* который, оставаясь вѣрнымъ завѣтамъ Сёмушки (Уклеина) отвергаетъ всякій обрядъ, и толкъ *донской*, который ввелъ у себя довольно сложную обрядность. Среди штундистовъ образовались толки—старо и младо-штундистовъ или же *штунды плотской*, принявшей баптизмъ съ его обрядомъ, и *штунды духовной*, отвергающей обрядъ.

Срѣди пашковцевъ также можно наблюдать подобное раздѣленіе: одни изъ пашковцевъ, принимая баптизмъ, совершаютъ крещеніе водою и преломленіе, другіе же несоглашаются съ этимъ.

Тотъ-же мотивъ, съ присоединеніемъ личныхъ эгоистическихъ побужденій, лежитъ и въ основѣ раздѣленія главнѣйшихъ двухъ фракцій современнаго раціоналистическаго сектантства—баптистовъ и, такъ называемыхъ, «евангельскихъ христіанъ.»

Итакъ, внутренняя основная причина сектантства кроется въ слабости, поврежденности человѣческой природы, которая со времени печальнаго факта грѣхопаденія, утративъ цѣлостность и гармонію дѣвственной природы первозданнаго, стала подвержена всякаго рода болѣзнямъ ненормальностямъ и отклоненіямъ въ своемъ развитіи. Двойственностью человѣческой природы, какъ состоящей изъ духа и тѣла, обусловливается двойственный характеръ отклоненій въ развитіи религіознаго сознанія, дающій начало двоякой разновидности сектантскаго типа и составляющій общій законъ (дифференціаціи), управляющій сектантскимъ движеніемъ.

Пребываніе въ церкви Христовой, этой спасительной врачебницѣ, предохраняетъ отъ подобнаго рода отклоненій и, освящая естественныя силы падшаго, содѣйствуетъ

гармоническому ихъ развитію. Отдѣленіе же отъ церкви влечетъ за собою потерю равновѣсія, нарушеніе гармоніи и по скользкому пути субъективизма неизбѣжно ведетъ къ крайностямъ и односторонностямъ въ развитіи религіознаго сознанія и чувства.

Вышеприведеными замѣчаніями лишь въ самыхъ общихъ чертахъ намѣчается путь и обрисовывается желательная постановка дѣла изученія сектантства. Думается, что такая постановка опредѣляется самымъ существомъ дѣла и потому будетъ не безплодна.

Духоборы и Толстовцы.

Введеніе. I. Общій характеръ секты духоборцевъ. „Книга животная". Идеи пантеизма и дуализма въ ученіи духоборцевъ. Общественныя воззрѣнія и организація. Бытовыя особенности. II. Главные періоды въ исторіи духоборцевъ. Первые организаторы секты. Духоборцы на Мопочныхъ водахъ. Духоборцы на Кавказѣ. Правленіе Лукерьи Калмыковой. Образованіе партій веригинцевъ и горѣловцевъ. III. Пропаганда толстовскихъ идей среди духоборцевъ. Партіи воробьевская и веригинцевъ-постниковъ. Противленіе духоборцевъ-постниковъ „злу государственному". Торжественное сожженіе оружія. Разселеніе духоборцевъ-постниковъ. IV. Литературная агитація толстовцевъ въ пользу духоборцевъ въ Россіи и за границей. Мысль о переселеніи духоборцевъ за границу. Неудачное переселеніе на о. Кипръ. Переселеніе въ Канаду. V. Духоборцы въ Канадѣ. Мѣсто поселенія. Бѣдствія и невзгоды первыхъ лѣтъ. Попытка переселиться въ Калифорнію. Духоборческія хозяйства: частныя, временно-общинныя и общинныя. VI. Столкновеніе съ канадскими властями и вызванный имъ расколъ среди духоборцевъ. Уравненіе имущества и освобожденіе скота. „Виннипегскій походъ". Прибытіе въ Канаду П. Веригина. „Голое" путешествіе. Заключеніе.

Со времени переселенія русскихъ сектантовъ духоборовъ въ Канаду, во многихъ заграничныхъ газетахъ стали появляться сообщенія о печальной участи и тяжеломъ, бѣдственномъ положеніи, которое имъ пришлось тамъ испытывать.

Между прочимъ въ газетѣ «Figaro» помѣщена была статья подъ заглавіемъ «Толстовщина и духоборы», въ которой безпристрастно излагалось положеніе духоборовъ въ Россіи и Канадѣ, гдѣ пришлось принять аналогичныя мѣры для прекращенія пропаганды фанатиковъ, и дѣлался выводъ, что толстовщина въ состояніи сыграть опасную роль и имѣетъ разлагающее вліяніе.

Въ виду того вниманія, какое удѣляетъ заграничная пресса русскимъ духоборамъ въ Америкѣ, а также въ виду живого интереса, какой естественно возбуждается въ нашемъ обществѣ подобнаго рода сообщеніями изъ-заграницы, благовременнымъ представляется привести на память прошлую исторію секты духоборцевъ и познакомиться съ ея теперешнимъ положеніемъ. Поэтому, послѣ краткаго понятія о сектѣ и общаго обзора первоначальной ея исторіи, остановимъ наше вниманіе на послѣднихъ событіяхъ въ жизни этой секты, вызванныхъ агитаціей толстовцевъ среди духоборцевъ и представляющихъ собою безпримѣрную въ исторіи, цѣлую «духоборческую эпопею».

I.

Секта духоборцевъ принадлежитъ къ разряду сектъ мистико-раціоналистическихъ. Вмѣстѣ съ сектами раціоналистическими, духоборцы отвергаютъ авторитетъ Церкви, іерархію, таинства и всю внѣшнюю обрядовую сторону религіи—иконы. посты, крестное знаменіе и т. д. Вмѣстѣ съ сектами мистическими, они признаютъ руководящимъ началомъ въ дѣлѣ вѣры и въ жизни внутреннее непосредственное откровеніе, внутреннее просвѣщеніе отъ Бога Слова, обитающаго въ душѣ каждаго духоборца. Названіе свое духоборцы понимаютъ и объясняютъ въ томъ смыслѣ, что, отрицая религіозную внѣшность, они являются поборниками духа, борцами за духъ. «Иже духомъ Богу служимъ, хвалимся мы о Христѣ Іисусѣ, говорится въ одномъ изъ духоборческихъ псалмовъ, духа забрали, отъ духа беремъ, духомъ и бодрствуемъ».

Противники всего внѣшняго, духоборцы не имѣютъ никакихъ *писаній*; не признаютъ ни Евангелія, ни Библіи, ни книгъ св. отцовъ православной Церкви. Все это, говорятъ они, отъ человѣка, а все, что отъ человѣка, не-

совершенно. Въ противоположность Библіи, какъ состоящей, по ихъ словамъ, изъ мертвыхъ буквъ, духоборцы основываютъ свое вѣроученіе на живомъ, устномъ преданіи, которое «возвѣстили имъ отцы» (Пс. 43, ст. 1.) и которое хранится въ памяти и сердцахъ всѣхъ духоборцевъ. Преданіе это, по вѣрованію духоборцевъ, есть плодъ внутренняго откровенія и просвѣщенія отъ Бога Слова; оно составляетъ, такъ называемую, «книгу животную», которая состоитъ изъ духоборческихъ псалмовъ. Псалмы духоборческіе составлены частью изъ отрывочныхъ стиховъ и словъ псалмовъ Давида, изреченій св. Писанія, молитвъ и ирмосовъ православной Церкви, большею же частью изъ собственныхъ духоборческихъ вымысловъ. Псалмы эти, называемые ими *Давыдовыми*,—единственые молитвы, общеупотребительныя у духоборцевъ, они читаются во время ихъ молитвенныхъ собраній. Такъ какъ духоборческіе псалмы передаются въ семействахъ, отъ отца къ сыну, только *устно*, то не удивительно, что при совершенной безграмотности народа, многія слова и цѣлыя фразы искажены и обезсмыслены до смѣшного. Духоборцы же увѣрены, что каждое слово этихъ псалмовъ идетъ по преданію отъ самого Псалмопѣвца; они всецѣло и слѣпо вѣрятъ въ божественное достоинство своей «животной книги», несмотря на встрѣчающіяся въ ней противорѣчія, нелѣпости и безсмыслицу. Зазубривая наизусть слова псалмовъ, они часто не понимаютъ ихъ смысла, и, когда ихъ просятъ объяснить, большею частью отвѣчаютъ такъ: «кто жъ его знаетъ, премудрость Божія, не достигнешь всего этого», или: «такъ родители наши читывали, такъ и мы читаемъ; такъ маленькихъ пріучили —Господь знаетъ, что тамъ и къ чему», «не наше дѣло разсуждать объ этомъ, довольно вѣрить тому, что передано отъ отцовъ.» [1])

[1]) О. Новицкій. Духоборы, ихъ исторія и вѣроученіе. Кіевъ. 1882 г. стр. 243. Верещагинъ. Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. 1900, стр. 6—7, 12.

Кромѣ мистическаго начала, положеннаго въ основу ученія духоборцевъ, въ духоборчествѣ замѣтно еще отраженіе идей пантеизма (въ ученіи о Богѣ) и дуализма (въ ученіи о человѣкѣ).

Богъ, по воззрѣніямъ духоборцевъ, представляется не самостоятельнымъ существомъ, лично и самобытно существующимъ, но какъ бы слитно и нераздѣльно пребывающимъ въ мірѣ и въ ихъ избраномъ духоборческомъ родѣ: «Богъ единъ, но въ трехъ лицахъ», говорятъ духоборцы и поясняютъ троичность въ смыслѣ проявленія различныхъ силъ въ природѣ и въ человѣкѣ. «Тройца въ природѣ: Отецъ—свѣтъ, Сынъ—движеніе, Духъ—покой; въ человѣкѣ: Отецъ память, Сынъ разумъ, Духъ—воля; Богъ—тройца едина». Такимъ образомъ, Богъ пребываетъ въ человѣкѣ, какъ память, разумъ и воля, и Тройца Божественная не имѣетъ бытія самостоятельнаго, она существуетъ въ родѣ человѣческомъ, и особенно пребываетъ въ родѣ избранныхъ и праведныхъ т. е духоборцевъ.

Объ Іисусѣ Христѣ у духоборовъ нѣтъ яснаго и опредѣленнаго ученія. Одни, не признавая Іисуса Христа личнымъ и ипостаснымъ существомъ, считаютъ Его силой божественной, проявляющейся въ природѣ и въ людяхъ праведныхъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ въ патріархахъ, пророкахъ и другихъ благочестивыхъ людяхъ, а въ Новомъ Завѣтѣ—въ духоборцахъ. Онъ раждается, страдаетъ, умираетъ и воскресаетъ въ сердцѣ каждаго вѣрующаго. Другіе говорятъ, что Христосъ былъ Сыномъ Божіимъ въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ и духоборы называютъ себя «сынами Божіими». «Наши старики, говорятъ духоборы, знаютъ еще больше, чѣмъ Христосъ».

Цѣль страданій Христа состояла въ томъ, чтобы подать примѣръ страданія за истину. Распяли Христа жиды т. е. православные. Это видно изъ того, что Христа распяли первосвященники и книжники, а православ-

ные имѣютъ у себя священниковъ, умѣющихъ читать книги, слѣдовательно, они то и есть потомки первосвященниковъ и книжниковъ, распявшихъ Христа. Потомъ они одумались, сознали свою вину и, чтобы загладить ее, стали покланяться Христу мертвому т. е. кресту и иконамъ. А живой Христосъ, скрывшись отъ нихъ, переселился въ избранный родъ духоборческій. [1])

Души человѣческія, по ученію духоборцевъ, существовали до творенія міра видимаго и пали вмѣстѣ съ другими павшими тогда духами. Причиною паденія была гордость человѣка и его стремленіе къ славѣ. Послѣ своего паденія человѣческія души стали посылаться на землю и облекаться плотію, именно, въ наказаніе за это паденіе. Такимъ образомъ, внѣшній видимый міръ и тѣло—это темница души. Сюда душа посылается для того, чтобы чрезъ стремленіе къ добру получить прощеніе грѣховъ, или же чрезъ стремленіе ко злу подвергнуться осужденію на цѣлую вѣчность. Такъ какъ земныя тѣла, въ которыя облекаются падшія души, не долговременны, то духоборцы полагаютъ, что души, по смерти одного тѣла, переходятъ въ другое: души добрыя переселяются въ души другихъ людей, а души злыя—въ животныхъ. По переселеніи души ничего не помнятъ изъ прежней жизни, потому что «дни человѣка, какъ трава,—какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ; пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его». (Пс. 102, 15—16).

Будущая жизнь будетъ заключаться не въ воскресеніи бренныхъ тѣлъ, а въ воскресеніи падшаго духа. Міръ не окончится, а останется вѣчно, при кончинѣ вѣка грѣшники истребятся съ лица земли.

Церковь, по ученію духоборцевъ, есть собраніе тѣхъ, кого самъ Богъ выдѣлилъ изъ среды людей мірскихъ. Сіи избранные не отличены никакимъ особеннымъ сим-

[1]) Новицкій, тамъ-же, стр. 222, 229—231.

воломъ, не соединены въ одно отдѣльное общество съ опредѣленнымъ ученіемъ и богослуженіемъ, они разсѣяны по всему міру и принадлежатъ къ разнымъ исповѣданіямъ.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подъ церковью духоборы разумѣютъ именно самихъ себя. «Мы живые храмы Божіи, престолы, сѣдалища Бога. Церковь это мое личное я». Въ каждомъ духоборцѣ воплощается св. Тройца онъ есть и священникъ, и жертвенникъ, и жертва: сердце есть алтарь, воля жертва, священникъ душа. Изъ такого опредѣленія само собою слѣдуетъ, что въ церкви не можетъ быть особыхъ лицъ іерархическихъ. «Богослужебные обряды всѣхъ наружныхъ церквей въ мірѣ, говорятъ духоборы, различныя учрежденія, одежды и дѣйствія вымышлены послѣ апостоловъ, сами по себѣ они мертвые знаки, дѣйствія безразличныя и для чадъ Божіихъ не нужныя». [1])

Молитвенныя собранія духоборцевъ происходятъ такимъ образомъ. Собравшись въ просторную горницу, располагаются мужчины съ одной стороны, женщины—съ другой; постарше лѣтами сидятъ на лавкахъ, остальные стоятъ. Засѣдающій въ переднемъ углу начинаетъ читать псаломъ (наизусть) по собственному выбору; послѣ него читаетъ свой псаломъ сосѣдъ перваго, и такимъ образомъ идетъ чтеніе псалмовъ поочередно сначала въ мужскомъ ряду, потомъ въ женскомъ. Хотя псалмы читаются по собственному выбору, но повторяться не должны. Если кто ошибется, его тотчасъ поправляютъ: „не такъ ты говоришь!»—«Какъ не такъ, какъ же еще?»—«А вотъ какъ»... и, въ свою очередь, ошибается—опять со всѣхъ сторонъ раздаются поправки. Чтеніе псалмовъ продолжается довольно долго, пока не истощится весь запасъ ихъ, или, что бываетъ въ рабочую тяжелую пору, пока не начнетъ сказываться въ присутствующихъ уста-

[1] Ивановскій. Рук. по ист. и обл. старобрядч. раск. ч. 2. стр. 175—176.

лость, послышатся съ угловъ и укромныхъ мѣстечекъ всхрапыванія. Тогда кто-нибудь приглашаетъ собраніе перейти къ пѣнію. «А что, господа, тяжко (душно) что-то, не выдти-ли на дворъ попѣть-то?»

Всѣ отправляются на дворъ, гдѣ мужчины опять становятся на одну сторону, женщины въ другую. Обычай становиться мужчинамъ и женщинамъ однимъ противъ другихъ строго соблюдается; этимъ исполняется заповѣдь: имѣть предъ собою во время молитвы *образъ Божій*. Поютъ также довольно долго, на одинъ и тотъ же заунывный и такой грустный напѣвъ, что непривычному тоскливо дѣлается. Впереди мужчинъ всегда стоитъ запѣвало, который и начинаетъ *выпѣваніе* псалма, «зачинаетъ псаломчикъ», какъ говорятъ духоборцы. Только запѣвало и, можетъ быть, еще нѣсколько человѣкъ при пѣніи слѣдятъ за словами, остальные просто вторятъ *воемъ*. Передъ окончаніемъ собранія становятся полукругомъ и начинаютъ кланяться и цѣловаться другъ съ другомъ; мужчины обходятъ поочередно всѣхъ мужщинъ, женщины—женщинъ. Взявшись за правыя руки и поклонившись одинъ другому два раза, цѣлуются, затѣмъ еще два раза кланяются; послѣдній поклонъ, особенно низкій, обращенъ со стороны мужчинъ къ женщинамъ и къ мужчинамъ—съ женской стороны. Поклоны отвѣшиваются какъ то неуклюже и немного въ сторону. Во все время поклоновъ пѣніе не прерывается. Въ этомъ обрядѣ, по мнѣнію духоборцевъ, заключается поклоненіе Богу, такъ какъ человѣкъ созданъ по образу Божію, и они называютъ это поклоненіемъ „неоцѣненному живому лику Божію». [1])

Кромѣ религіознаго элемента, въ ученіи духоборцевъ довольно явственно выраженъ и элементъ соціально-политическій. По мнѣнію духоборцевъ, не нужно быть на землѣ никакимъ властямъ, ни духовнымъ, ни свѣт-

[1]) В. Верещагинъ, тамъ-же стр. 10—11. Новицкій, стр. 256—257.

скимъ, потому что всѣ люди между собою равны. Власти, если и необходимы, то для сыновъ міра сего, чтобы злые не истребили другъ друга. Но чада Божіи т. е. духоборцы исполняютъ сами, что слѣдуетъ, безъ принужденія; поэтому, власти для нихъ не нужны. И судебныя расправы не нужны для сыновъ Божіихъ: на что тому суды, говорятъ они, кто самъ не захочетъ кого-либо обидѣть? Не позволительна, по ихъ мнѣнію, и клятва, не позволительно носить оружіе и сражаться противъ враговъ,—что они и показали на дѣлѣ, въ составѣ вологодскаго полка бросивъ оружіе подъ Перекопомъ въ первую турецкую войну. При встрѣчѣ съ начальствующими лицами духоборцы не имѣютъ обыкновенія снимать шапокъ и въ разговорѣ вмѣсто титуловъ употребляютъ: «господинъ» или «почтенный».

Внутренняя организація духоборческихъ общинъ состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ духоборцы раздѣляются между собой на особыя единицы, которыя называются у нихъ «фагонъ». Въ каждомъ такомъ «фагонѣ» находится тридцать человѣкъ, считая мужчинъ, женщинъ и дѣтей. У каждаго «фагона» есть свой представитель, который заботится о нуждахъ этой тридцатидушной ячейки, блюдетъ ея интересы и является своего рода «старшимъ» въ этой частичной организаціи. Въ такой «фагонъ» обыкновенно соединяются нѣсколько семей, по большей части связанныхъ узами родства или свойства. Иногда цѣлая семья вмѣщается въ «фагонъ». Старшимъ въ «фагонѣ» обыкновенно выбираютъ старшаго по семейному положенію, «старичка». Общественныя дѣла рѣшаются «мірскою сходкою» старичковъ древни, для рѣшенія же особо важныхъ дѣлъ созывается «съѣздка» всѣхъ «старичковъ» духоборческихъ деревень. [1])

[1]) В. Ольховскій. Духоборы въ канадскихъ преріяхъ. „Образованіе“ 1903 г. Апрѣль стр. 59—60. О. Новицкій. Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. стр. 260.

Въ семейномъ быту духоборцевъ замѣчается одна особенность, которая основывается на ихъ религіозномъ воззрѣніи. Актъ рожденія самъ по себѣ не можетъ служить основаніемъ какого-либо союза. Душа, образъ Божества, не знаетъ земнаго отца. Рожденіе физическаго тѣла, заимствованнаго изъ вещества, устанавливаетъ развѣ такое только родство, какое существуетъ между зерномъ и почвой, на которой оно выросло. Для души безразлично, въ какомъ тѣлѣ приходится ей обитать. Унея одинъ только отецъ Богъ и одна мать природа или земля. По этому духоборцы не называютъ отцомъ или матерью виновниковъ своей жизни. Отецъ, если онъ молодъ, называется просто собственнымъ именемъ „Иванъ“, или чаще уменьшительнымъ «Ваня», а если старъ «старичкомъ». Молодую мать называютъ «няней», а старуху—«старушкою». Такія названія имѣютъ у нихъ простой житейскій смыслъ: старикомъ и старушкой отецъ и мать называются потому, что стараются,или обязаны стараться о счастьи своихъ дѣтей, и няней потому что мать обыкновенно выняньчиваетъ своихъ дѣтей, когда они находятся еще въ младенчествѣ. Родители не говорятъ о дѣтяхъ «мои», а «наши». мужья называютъ своихъ женъ сестрами, а жены мужей—братьями. [1])

Въ этнографическомъ отношеніи духоборы представляютъ смѣсь всевозможныхъ племенъ Европейской Россіи, Среди нихъ можно встрѣтить и великоросса, и малоросса, и мордвина, и донского козака. Представители отдѣльныхъ народностей удержали нѣкоторыя типичныя свои черты, какъ въ наружности, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, хотя общность секты, совмѣстность жизни чрезвычайно сгладила особенности характера каждаго и переродила самый внѣшній обликъ духобора, въ которомъ много прямо не русскихъ чертъ и есть свой особый отпечатокъ и въ чертахъ лица и особенно въ манерѣ.

Вообще духоборы—народъ рослый: средній ростъ муж-

[1]) Новицкій, тамъ же, стр. 261.

чинъ 2 арш. 7 вершк. Лицо полное, раскраснѣвшееся и расплывшееся отъ жиру, глаза темно-сѣрые и свѣтло-голубые, носъ правильный, цвѣтъ лица, какъ и волосъ, отъ темнаго до свѣтло-бѣлаго всѣхъ оттѣнковъ, хотя преобладающій элементъ—блондины.

Волосы духоборы обязательно стригутъ наголо и только по краямъ оставляютъ узкую полоску волосъ подлиннѣе. По всѣмъ вѣроятіямъ, это составляетъ одинъ изъ догматовъ духоборческаго ученія, какъ и бритье бороды, такъ какъ бородатаго духобора, или съ нестриженными волосами нигдѣ не встрѣтишь. Выраженіе лица серьезное съ оттѣнкомъ угрюмости, самоувѣренное, походка твердая, рѣшительная. Выступаетъ духоборъ прямо. Въ выраженіи лица, въ походкѣ, въ манерѣ говорить проглядываетъ какая-то гордость, упрямство, настойчивость и лукавство.

Духоборка роста почти такого же, какъ мужчины, сложена на-диво прочно и устойчиво; обладаетъ достаточной физической силой, работая наравнѣ съ мужикомъ. На ея наружность болѣе повліялъ югъ съ его солнцемъ, черные глаза, замѣтная смуглость лица, черные волосы. Красотою духоборки, впрочемъ, похвалиться не могутъ; незамужнія духоборки, до 17—18 лѣтъ, отличаются полными румяными щеками и свѣжестью лица и, дѣйствительно, очень миловидною внѣшностью, но это только до замужества. На 25 году онѣ глядятъ старухами, что нужно приписать усиленному физическому труду, раннему замужеству (въ 14 лѣтъ), частымъ родамъ и злоупотребленію въ былое время спиртными напитками; не мало также подрываетъ здоровье духоборки стирка бѣлья, производимая, не смотря ни на какой холодъ, на берегу рѣчки по колѣна въ водѣ.

Въ одеждѣ духоборцевъ много оригинальнаго; по увѣреніямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, ее будто—бы духоборы переняли отъ основателя секты Капустина, а онъ многое заимствовалъ отъ первыхъ проповѣдниковъ духоборческаго ученія квакеровъ, таковъ, напр., синій цвѣтъ одежды, брадобри-

тіе и стрижка волосъ, кокарды на козырькахъ. По словамъ духоборцевъ, они должны одѣваться такъ, какъ ни кто въ мірѣ, т. е. своею одеждою выдѣляться среди всѣхъ племенъ и національностей. На головѣ у духобора лѣтомъ картузъ—шапка съ плисовымъ околышкомъ и бѣлыми или желтыми кантами. Зимою картузы замѣняютъ барашковыми шапками съ краснымъ верхомъ. Какъ на посягательство на самобытность духоборческаго костюма, слѣдуетъ указать на маленькія барашковыя же шапочки казачьяго фасона съ чернымъ верхомъ, вводимыя въ послѣдніе годы въ употребленіе.

Рубаха большею частью изъ холста домашняго приготовленія, воротникъ широкій загнутый, вокругъ котораго обвязывается галстухъ бѣлый шелковый, гарнитуровый или бумажный платокъ, концы галстуха, какъ у нѣмецкихъ пасторовъ, спускаются на грудь. Поверхъ рубахи носятъ лѣтомъ «бешметъ» —куртка, изъ сукна домашняго приготовленія, окрашеннаго непремѣнно въ синій цвѣтъ, спереди застегивается на крючкахъ до верху, сзади со сборомъ. Бешметъ замѣняетъ также архалукъ, перенятый у туземцевъ, изъ ластика, составляющій признакъ состоятельности; такую же роль играетъ гарнитуровый жилетъ съ разными пришивками на груди. Зимою носятъ шубы изъ бараньихъ шкуръ, которыя вырѣзываютъ сами; шубы накрываютъ бязью синяго цвѣта. Шаровары широкіе изъ синяго цвѣта сукна или холста всовываются въ сапоги съ голенищами во время работъ, а на молитву шаровары выпускаются на сапоги, это своего рода форма и обычай.

Одежда духоборки оригинальнѣе и сложнѣе. Длинная холщевая или бумажная рубаха на подолѣ оторочена красною вышитою каймою; воротникъ и рукава разукрашены узорами изъ черныхъ нитокъ; пришиваютъ также покупныя кружева. Корсетъ съ рукавами и безъ—

малороссійскій «жерсетъ» подобіе двухъ бортнаго жилета изъ гарнитура или плиса, по краямъ верхняго ворота пришивается одна двѣ, иногда и три разноцвѣтныя шелковыя ленты съ узорами. Душегрѣйка, широкій поясъ изъ разныхъ матерій со складками, напоминающими патронташъ, зимою носятъ также шубы, крытыя бязью. «Занавѣска»—передникъ дѣлается изъ разныхъ ситцевъ, къ нижней сторонѣ пришиваются ленты разныхъ цвѣтовъ и кружева. Юбка шьется изъ разныхъ ситцевъ яркихъ цвѣтовъ краснаго, желтаго, синяго. Обувь—«червяки» башмаки съ низкими каблуками. Оригинальнѣе всего головной уборъ, онъ состоитъ изъ шапки, имѣющей форму колпака, шьется изъ войлока, внутри ситцевая подкладка; снаружи покрыта гарнитуромъ или шелковой матеріей, по бокамъ головы идутъ ленты темносиняго цвѣта, а впереди, посрединѣ, кружокъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ; поверхъ шапки носятъ платки ситцевые и шерстяные съ красивыми узорами. Дѣти одѣваются такъ же, какъ, взрослые. [1])

II.

Вопросъ о происхожденіи и первоначальная исторія секты духоборцевъ остаются доселѣ еще неразъясненными. Секта духоборцевъ дѣлается исторически извѣстною сравнительно поздно, около половины XVIII в., при чемъ она является въ это время въ видѣ сформировавшагося общества съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ вѣроученіемъ.

Въ исторіи духоборческой секты ярко выражовываются свои грани, которыя дѣлятъ всю исторію на четыре періода.

Первый періодъ со времени появленія духоборческой секты продолжается до переселенія духоборцевъ на Молочныя воды въ началѣ XIX в. Въ этомъ періодѣ секта духоборцевъ существуетъ въ видѣ отдѣльныхъ сектантскихъ об-

[1]) В. Скворцовъ. „Мис. Обозр.“ 1899 г. Мартъ 331 334 стр.

щинъ, разсѣянныхъ въ разныхъ губерніяхъ, преимущественно въ губ. Харьковской, Екатеринославской и Тамбовской. Первыми извѣстными организаторами и главными вожаками духоборческихъ общинъ являются—Силуанъ Колесниковъ среди Екатеринославскихъ духоборцевъ и Иларіонъ Побирохинъ и Савелій Капустинъ среди Тамбовскихъ.

Власть и начальническія права этихъ вожаковъ основывались первоначально на ихъ выдающихся личныхъ дарованіяхъ. Это были люди крѣпкаго ума, сильной воли, всѣ они обладали хорошимъ даромъ слова, а нѣкоторые отличались и внѣшнею представительностью, импонировавшею ихъ подчиненнымъ. Но благодаря мистическому элементу, привходящему въ ученіе духоборцевъ, власть ихъ получила и религіозную санкцію. По ученію духоборцевъ, душа Іисуса Христа обитаетъ въ ихъ „избранномъ родѣ" и воплощается въ отдѣльныхъ личностяхъ. Какъ и всякая человѣческая душа по смерти тѣла переселяется въ другое тѣло, такъ и душа Іисуса Христа, въ силу закона переселенія, переходитъ постепенно отъ одного избраннаго и праведнаго человѣка въ другого. Такими избранными въ средѣ духоборцевъ и оказались ихъ вожаки—сначала крестьянинъ села Никольскаго, Екатеринославской губ. Силуанъ Колесниковъ, потомъ богатый крестьянинъ, торговецъ шерстью, Тамбовской губ. Иларіонъ Побирохинъ.

Побирохинъ, выдавая себя за Сына Божія, избралъ изъ своихъ послѣдователей 12 апостоловъ, которыхъ назвалъ „архангелами", и затѣмъ еще 12, такъ называемыхъ, „смертностныхъ ангеловъ", первые помогали ему въ распространеніи ученія, а обязанностью послѣднихъ было преслѣдованіе тѣхъ, которые, принявъ ученіе, измѣняли ему и отступали отъ духоборчества. Народъ, плѣненный ученіемъ Побирохина, называлъ его пророкомъ и кормильцемъ, питающимъ духовною пищею. Со временемъ онъ сталъ слишкомъ самоувѣреннымъ, гордымъ, такъ что о немъ говорили: «старикъ задурилъ». Смѣлая пропаганда и край-

нія выходки Побирохина обратили на него вниманіе начальства и онъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Второй періодъ въ исторіи духоборческой секты начинается со времени поселенія духоборцевъ на Молочныхъ водахъ и продолжается до переселенія ихъ въ Закавказье, въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. По распоряженію Императора Александра I, послѣдовавшему въ 1802 г., всѣ содержащіе духоборческое ученіе собираются воедино и водворяются въ Таврической губ., въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, гдѣ по теченію рѣки Молочной имъ отводится обширная, плодородная, но незаселенная мѣстность, носившая названіе Молочныхъ водъ. Переселеніе духоборцевъ происходило при весьма льготныхъ для нихъ условіяхъ: на каждую душу отводилось по 15 десятинъ земли, каждому семейству выдавались заимообразно подъемныя деньги въ количествѣ 100 р. и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ переселенія духоборцы освобождались отъ платежа всякихъ повинностей. Переселеніе совершились постепенно и правильно: сначала переселились духоборцы Слободо украинской (нынѣ Харьковской) и Екатеринославкой губ. затѣмъ духоборцы Воронежской и Тамбовской губ. и наконецъ духоборцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, даже изъ Сибири и Финляндіи

Переселяемые изъ разныхъ мѣстъ на Молочныя воды. духоборцы, при правительственномъ пособіи, скоро устроились здѣсь очень хорошо, и основанныя ими по теченію рѣки Молочной поселенія, носившія названія: Богдановка Спасское, Троицкое, Горѣлое, Терпѣніе, Тамбовка и др. приняли видъ цвѣтущихъ колоній.

Во главѣ переселившихся духоборцевъ сталъ Савелій Капустинъ, который взялъ въ свои руки управленіе всѣми дѣлами духоборческаго общества, какъ „пророкъ“ и духоборческій „христосъ“. Личность Савелія Капустина въ исторіи духоборцевъ имѣетъ огромное значеніе и стоитъ на такой высотѣ, до которой не поднимался ни одинъ изъ духоборческихъ вожаковъ. Отставной капралъ гвардіи, это былъ мужчина высокаго роста, атлетическаго сложенія,

осанка его была величественна, походка и взглядъ внушали невольное уваженіе; брюнетъ, бороду и усы брилъ по военному. Онъ говорилъ краснорѣчиво и увлекательно и, по словамъ духоборцевъ, зналъ наизусть всю Библію и помнилъ все, что когда-либо читалъ. Капустинъ особенно извѣстенъ, какъ организаторъ общества духоборцевъ жившихъ на Молочныхъ водахъ, которые здѣсь подъ верховнымъ управленіемъ Капустина образовали собой какъ-бы особое „духоборческое государство“ въ государствѣ.

Въ 1805 г. Тамбовскіе духоборцы, подъ руководствомъ Капустина, переселились въ Таврическую губ. и основали свободу „Терпѣніе„. Здѣсь находилось духоборческое волостное управленіе и общественный, такъ называемый, «Сиротскій домъ», который духоборцы именовали между собой Сіономъ. Явившись сюда съ признаннымъ уже авторитетомъ «пророка» и «христа», Капустинъ для того, чтобы еще больше возвысить свой авторитетъ въ глазахъ духоборцевъ, окружилъ себя, между прочимъ, таинственностью. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, состоялъ изъ двухъ этажей, въ верхнемъ—находилась на лицевой сторонѣ галлерея, на которую въ извѣстные дни выходилъ Капустинъ и показывался духоборцамъ, во множествѣ собиравшимся передъ домомъ. При каждомъ такомъ выходѣ духоборческаго пророка и царя, всѣ собравшіеся падали на колѣна и съ благоговѣніемъ выслушивали его рѣчь. Капустинъ же, чтобы укрѣпить вѣру духоборцевъ въ себя, какъ Сына Божія, говорилъ: «я дѣйствительно Христосъ, вашъ Господь. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что небо простерто надъ моей головой, и что землю попираю своими ногами. Итакъ, падите ницъ предо мною и обожайте меня»! И всѣ падали и молились ему. Иногда Капустинъ сидѣлъ у себя на верху, въ залѣ, причемъ собравшіеся духоборцы входили къ нему—въ одну дверь мужчины, въ другую женщины,—и всѣ благоговѣйно принимали благословеніе отъ него.

Укрѣпивъ подобными средствами свою власть надъ духоборцами, Капустинъ распоряжался всѣми дѣлами безконтрольно и управлялъ деспотически. Высшее, хотя и негласное, управленіе всѣмъ духоборческимъ обществомъ, собравшимся на югѣ Россіи, сосредоточивалось въ рукахъ пророка—Капустина. Правда, въ каждой отдѣльной слободѣ духоборческой была своя общественная сходка, въ которой участвовали всѣ взрослые мужчины и которая рѣшала всѣ дѣла, касавшіяся цѣлаго общества; но всѣ такія сходки бывали обыкновенно слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ дальновиднаго и опытнаго царя-пророка. Тайныя указанія и распоряженія его всѣми исполнялись безпрекословно, а малѣйшее сопротивленіе ему впослѣдствіи стало караться обыкновенно смертною казнью, причемъ осмѣлившіеся дѣлать это исчезали безслѣдно. Высшій судъ надъ духоборцами принадлежалъ также царю-пророку, рѣшеніе котораго считалось, окончательнымъ и безаппеляціоннымъ. Пользуясь неограниченною властью въ дѣлахъ религіозныхъ, Капустинъ присвоилъ себѣ такую же власть и въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Обративъ все состояніе духоборцевъ въ одно общественное хозяйство, Капустинъ неограниченно и безконтрольно распоряжался имъ и одинъ получалъ съ него доходы. Впослѣдствіи какъ-будто утомившись экономическими распоряженіями, онъ продалъ общественный скотъ, оставивъ общинѣ только часть его, изъ прочаго достоянія часть раздѣлилъ между духоборцами, а важнѣйшую удержалъ у себя и, такимъ образомъ, оставилъ своему роду богатое состояніе. Дѣлежъ былъ самовольный, нѣкоторые считали у себя до 1000 штукъ скота, а получили сотню, но роптать никто не осмѣлился.

Въ помощь себѣ онъ установилъ особый совѣтъ, состоявшій изъ 30 лицъ, изъ которыхъ 12 исполняли обязанности апостоловъ. Управленіе совѣта, руководимаго Капустинымъ, было построено всецѣло на системѣ страха,

шпіонства и крайняго деспотизма. Желая власть свою закрѣпить за своимъ потомствомъ, Капустинъ воспользовался ученіемъ о переселеніи души Іисусовой и сталъ учить, что душа Іисуса Христа переходитъ преемственно отъ отца къ сыну въ одномъ и томъ же избранномъ родѣ, именно, въ родѣ Капустина. Вслѣдствіе этого въ духоборческомъ обществѣ явилась наслѣдственная верховная правительственная власть, которая въ теченіе почти столѣтія принадлежала священному роду Капустиныхъ-Калмыковыхъ.

По смерти Савелія Капустина (ок. 1820 г.), должность пророка и высшее управленіе духоборцами перешли къ сыну его Василію, принявшему съ цѣлью лучшаго укрывательства отъ гражданской власти фамилію нареченнаго отца Калмыкова. Василій Калмыковъ былъ совсѣмъ непохожъ на своего отца, не отличался ни умомъ, ни силою воли, кромѣ того, онъ былъ развратный человѣкъ и алкоголикъ. Тѣмъ не менѣе, духоборцы безпрекословно признали его власть надъ собою, и онъ полновластно и деспотически управлялъ духоборцами въ теченіе 12 лѣтъ. Послѣ смерти Василія (1832 г.), мѣсто его занялъ сынъ его Иларіонъ Калмыковъ, который пошелъ по слѣдамъ своего отца, предался пьянству и распутству. Вслѣдствіе этого въ духоборческой общинѣ водворились большіе безпорядки и она лишалась того цвѣтущаго состоянія, въ которомъ находилась прежде. Сиротскій домъ сдѣлался мѣстомъ возмутительныхъ оргій. При жизни Савелія Капустина, въ сиротскомъ домѣ содержалось нѣсколько престарѣлыхъ мужчинъ и женщинъ для пропитанія и нѣсколько дѣвицъ подготовлялись въ запѣвалы. Но при Калмыковыхъ дѣвицы вытѣснили изъ сиротскаго дома всѣхъ стариковъ и старухъ и содержались тамъ съ предосудительною цѣлью. Совѣтъ 30 сталъ гнѣздомъ преступленій и обратился въ трибуналъ жестокой и кровавой инкви-

зиціи. Домъ, въ которомъ происходили засѣданія этого судилища, назывался «рай и мука». Достаточно было легкаго подозрѣнія въ измѣнѣ духоборчеству, чтобы подвергнуться самой жестокой пыткѣ. Комиссія, назначенная правительствомъ и производившая разслѣдованіе съ 1835 по 1839 г., при всемъ упорствѣ духоборцевъ и умѣньи ихъ скрывать тайныя злодѣянія, обнаружила 21 убійство. Оказались люди, погребенные за-живо, трупы обезглавленные и изуродованные. Воды р. Молочной не разъ выбрасывали кости убитыхъ и утопленныхъ; земля и Азовское море покрыли другихъ вѣчнымъ молчаніемъ.

По окончаніи правительственнаго разслѣдованія, открывшаго множество злоупотребленій и страшныхъ преступленій, послѣдовало въ 1839 г. Высочайшее повелѣніе, «чтобы всѣ духоборцы переселены были изъ Молочныхъ водъ и водворены въ закавказской провинціи» подъ строгій надзоръ [1]).

Переселеніе духоборцевъ за Кавказъ происходило отдѣльными партіями и продолжалось съ 1841 по 1845 г. Съ этого времени начинается третій періодъ въ исторіи духоборцевъ, который продолжается до смерти послѣдней правительницы изъ рода Калмыковыхъ Лукерьи Васильевны (1886 г.).

Въ теченіе почти полустолѣтія спокойно, мирно и привольно жили духоборы въ Закавказьѣ, имѣя свои поселки главнымъ образомъ въ губерніяхъ Тифлисской, Елисаветпольской и Карской. Здѣсь такъ же, какъ и на Молочныхъ водахъ, они представляли собою особое «духоборческое государство» въ государствѣ. Верховная власть въ этомъ государствѣ принадлежала потомкамъ наслѣдственной «священной династіи» Калмыковыхъ—сначала Иларіону Калмыкову, скончавшемуся вскорѣ послѣ переселенія, потомъ сыну его Петрушкѣ Калмыкову, а послѣ его смерти (1864 г.) женѣ его «богороцицѣ» Лукерьѣ Васильевнѣ.

[1]) Новицкій, тамъ же, стр. 83—85, 142—146. Пр. Ѳ. Титовъ. Секта духоборцевъ. „Миссіонерск. Обозр." 1897 г. Дек. кн. 1, стр. 1105—1108.

евнѣ, которую духоборцы обычно титуловали «ихъ милость» Луша. Резиденцію свою духоборческіе управители имѣли въ с. Горѣломъ, въ такъ называемомъ, «Сиротскомъ домѣ», который сосредоточивалъ въ себѣ и отправлялъ всѣ функціи духоборческаго государственнаго учрежденія. Сиротскій домъ--это огромное въ центрѣ села подворье, обнесенное стѣною, заключающее въ себѣ множество всевозможныхъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ. Все это созидалось и поддерживалось на общественный счетъ всего духоборчества и считалось «Сіономъ» и «Лаврой» духоборчества. Сиротскому дому въ пользованіе управителей выдѣлено было духоборами до 1,500 десятинъ общественной земли. Въ Сиротскомъ домѣ при управителяхъ Калмыковыхъ, отличавшихся разгульной жизнью, свита была болѣе женская, при Лушѣ же—мужская. Главный домоправитель и хозяинъ назывался *атаманомъ* Сиротскаго дома. На эту должность Лукерья Васильевна, по вступленіи въ управленіе, назначила Ваню Батурина, который долгое время завѣдывалъ «духоборческимъ Сіономъ». Другимъ важнымъ лицомъ при дворѣ «ея милости» Лукерьи Васильевны Калмыковой состоялъ Алеша Зубковъ. На Зубкова была возложена трудная обязанность—быть старшиною духоборческой волости и вести всѣ сношенія съ административными органами власти, носящими у духоборовъ названіе «халдеевъ». Все искусство его «внѣшней политики» заключалось въ умѣньи поставить дѣло такъ, чтобы власть была духоборами всегда довольна и поменьше всматривалась и вмѣшивалась въ ихъ внутреннюю автономную жизнь. Въ теченіе 30 лѣтъ безсмѣнно Зубковъ былъ старшиной и въ тоже время правой рукой и главнымъ совѣтникомъ правительницы Луши. Мѣстная интеллигенція мѣтко называла его «духоборческимъ Бисмаркомъ», и это названіе, характеризуя общественное значеніе Зубкова въ духорчествѣ, вполнѣ подходило къ нему

и по внѣшнему сходству чертъ лица Зубкова съ обликомъ германскаго канцлера.

Съ начальствомъ Зубковъ удивительно умѣло ладилъ и считался образцовымъ старшиною. Подати, которыя духоборы называли «данью», онъ взносилъ за полгода ранѣе срока, заимствуя ихъ изъ общественнаго капитала, а послѣ собиралъ взнесенную сумму по своей уже раскладкѣ, причемъ бѣдные освобождались отъ подушныхъ повинностей. И губернская и уѣздная власти не могли нахвалиться исправностью духоборовъ и ихъ старшины, за что дѣлались всякія льготы и попущенія этому «образцовому» въ краѣ населенію. Проѣзжающихъ черезъ Горѣлое гостей, военныхъ и должностныхъ лицъ—«пословъ русскаго царя», по выраженію духоборовъ,—Зубковъ умѣлъ всегда принять, какъ нельзя лучше. Всѣ военные высшіе и низшіе чины, которымъ нерѣдко приходилось слѣдовать по этому тракту въ Карсъ, особенно же во время войны, отлично знали Зубкова, его удивительную смѣтливость и всегда толковую распорядительность и предупредительность. Въ Сиротскомъ домѣ путешествующіе военные и гражданскіе чины находили и столъ, и домъ, и чудный винный погребъ съ шампанскимъ включительно. Духоборческая управительница и сама любила соревновать съ офицерами въ количествѣ выпитаго шампанскаго, причемъ, съ восторгомъ вспоминаютъ духоборы, какъ офицеры всѣ «ужъ выпивши, а у ея милости и въ глазу ничего нѣтъ». Во время послѣдней русско-турецкой войны, Зубковъ посовѣтовалъ Лукерьѣ Васильевнѣ не колеблясь исполнить просьбу высшей военной власти—предоставить духоборческіе фургоны для перевозочныхъ надобностей военнаго времени. Въ однѣ сутки Зубковъ скомандовалъ снарядить 600 парныхъ фургоновъ, и духоборы въ этомъ отношеніи оказали, дѣйствительно, важную услугу дѣйствующей въ Закавказьѣ нашей арміи. Правда, и сами они хорошо въ это время заработа-

ли, получивъ отъ казны за перевозочныя средства около $1^1/_2$ милліона.

Благодаря хитрой, ловкой политикѣ Зубкова, духоборы пріобрѣли особое благоволеніе власти и массу вольностей. Такъ, напримѣръ, управительница ихъ Луша завела свой вооруженный конвой, въ нѣсколько десятковъ всадниковъ, въ костюмѣ чуть не конвоя Его Величества. Конвой этотъ мчался за духоборческой правительницей всегда и вездѣ, по городамъ и селамъ, даже когда она появлялась въ Тифлисѣ, на глазахъ у высшей власти. 1)

Время управленія духоборчествомъ Лукерьи Васильевны и Зубкова считается духоборами цвѣтущей эрой во всѣхъ отношеніяхъ. При кутилѣ Петрушѣ Калмыковѣ духоборы очень распустились, облѣнились и много пили. При похоронахъ напр., Петруши духоборами закуплено было и выпито до 3000 ведеръ водки, такъ что въ окружности въ этотъ день нигдѣ въ духанахъ (кабакахъ) нельзя было найти и полуштофа водки. Лукерья съ Зубковымъ принялись за исправленіе нравственности духоборъ. Пьяныхъ крѣпко поролъ на конюшнѣ Сиротскаго дома самъ Зубковъ.

Судъ и расправу чинили не по законамъ волостнаго управленія, а по кодексу духоборческихъ законовъ; утверждала же рѣшенія суда сама правительница. При всякомъ случаѣ уклоненія отъ установившагося режима примѣнялась система жестокихъ наказаній: кошки, плеть, подземелья. Духоборовъ пороли, какъ нигдѣ въ мірѣ, но жаловаться никто не смѣлъ и въ силу вѣрованій въ непогрѣшимость власти правителей, и въ силу страха подпасть большимъ наказаніямъ. Къ своему суду и расправѣ духоборы допускали даже и туземцевъ, имѣвшихъ какія-либо столкновенія съ сектантами.

---

1) «Миссіонерское Обозрѣніе» 1900 г. стр. 481—485

Вслѣдствіе этого естественно, что въ теченіе 50 лѣтъ не возникло ни одного дѣла по жалобамъ духоборовъ на своихъ членовъ ни въ административныхъ, ни въ судебныхъ учрежденіяхъ. Такое своеобразное поведеніе духоборцевъ, повидимому, нравилась мѣстной власти, возбуждало симпатіи и вызывало горячія похвалы спокойному, трудолюбивому духоборческому муравейнику,—какъ образцовымъ плательщикамъ податей (дани) и тихимъ скромнымъ людямъ, а того, какія жестокости производились въ подземельяхъ и на конюшнѣ Лукерьи Васильевны, никто и знать не хотѣлъ. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій духоборы привыкли слѣпо повиноваться своимъ правителямъ, вѣруя что душа Іисуса Христа преемственно переходитъ отъ отца къ сыну въ священномъ родѣ Калмыковыхъ. Строжайшая дисциплина, закрѣпленная еще на Молочныхъ водахъ терроризмомъ, отучила ихъ отъ собственной мысли и воли. Даровитые отъ природы дородные, рослые, здоровые, пріятные по характеру—это были дѣти природы, у которыхъ грамота и просвѣщеніе въ теченіе столѣтія подвергались остракизму ихъ вожаками. Поэтому, духоборцы представляли собою массу темную, слѣпую, суевѣрную. Какъ пчелы около своей матки, такъ и они группировались около своего «Сиротскаго дома», слѣпо и безпрекословно исполняя велѣнія своихъ правителей, какъ бы подъ часъ прихотливы, нелѣпы и даже прямо незаконны они ни были. Духоборцы привыкли жить, какъ автоматы, и даже не представляли себѣ возможности жить безъ высшей руководительной воли. 1)

Но вотъ въ 1886 году умираетъ обожаемая духоборцами правительница Лукерья Васильевна Калмыкова. Со смертью духоборческой «богородицы», какъ называлась Лукерья, наступило время смутъ и неурядицъ въ жизни духоборцевъ. Прямаго наслѣдника и преемника умершая

1) В Скворцовъ. Записка о духоборцахъ на Кавказѣ. 8—10 стр. Пр. Ѳ. Титовъ. Секта духоборцевъ „Мис. Обозр." 1897 г. 384—385 стр.

«богородицы» не оставила по себѣ. Изъ-за выбора новаго управителя духоборцы раздѣлились на двѣ партіи. Одна изъ нихъ признала своимъ правителемъ Петра Веригина, молодого духобора, секретаря и фаворита «ихъ милости Луши». Эта партія стала называться «писанной» или Веригинской, другая же партія не захотѣла записываться „подъ Веригина“ и стала называться „неписанной“.

Права свои на духоборческій престолъ Веригинъ, помимо своей близости къ Лушѣ, основывалъ на томъ, что мать его публично признала его сыномъ бывшаго управителя и главы духоборческаго Петра Калмыкова. Это обстоятельство чрезвычайно возвысило авторитетъ Веригина въ глазахъ темной духоборческой массы, и почти $^2/_3$ духоборцевъ признали его своимъ главой. Но болѣе благоразумное и—главное—вліятельное меньшинство духоборческаго общества рѣшительно отказалось ввѣрить свою судьбу тщеславному, самоувѣренному, молодому самозванцу. Это меньшинство составили преимущественно жители села Горѣлаго, въ которомъ находился «Сиротскій домъ» и которое служило какъ бы столицею духоборческаго Закавказскаго общества. Во главѣ меньшинства стоялъ Алеша Зубковъ, который всѣ усилія употреблялъ къ тому, чтобы не дать Веригину осуществить свое честолюбивое намѣреніе.

Еще при жизни Лукерьи, сдѣлавшись самымъ приближеннымъ къ ней человѣкомъ, фаворитъ—красавецъ Петръ Веригинъ неохотно мирился съ могучимъ вліяніемъ на свою поклонницу Алеши Зубкова. Зубковъ, въ свою очередь, не переваривалъ выскочки, недостойнаго претендента на духоборческій престолъ. Онъ ясно понималъ, что Веригинъ ничего, кромѣ зла, не принесетъ „духоборческой націи“. Началась глухая борьба между старымъ, травленнымъ честолюбцемъ—совѣтникомъ и молодымъ, заносчивымъ любимцемъ властительницы. Были моменты, когда Лукерья соглашалась съ Зубковымъ, что Веригина

надо удалить отъ себя и изъ Сіона. Разъ Петрушка, возвращаясь откуда - то съ пирушки, дорогой „дѣйствіемъ“ оскорбилъ „ея милость“, а пріѣхавши домой, началъ, какъ бѣшенный, стрѣлять въ потолокъ и стѣны изъ револьвера, чѣмъ страшно перепугалъ „богиню“. По настоянію Зубкова, на другой день Лукерья Васильевна приказала Веригину собираться въ ссылку въ Славянку, и все было уже готово къ его отъѣзду. Зубковъ торжествовалъ свою побѣду. Но, оказалось, не надолго. Какъ только ушелъ грозный Зубковъ, Веригинъ успѣлъ вымолить у своей обожательницы прощеніе, и былъ яко-бы временно оставленъ при „Сіонѣ“. Зубковъ съ досады долгое время не являлся „ко двору“.

Послѣ смерти Лукерьи, которая поразила духоборцевъ своею неожиданностью (она умерла 46 л.), началась открытая борьба Зубкова съ узурпаторомъ Веригинымъ. Послѣдній, въ теченіе шести недѣль поминокъ, успѣлъ составить себѣ многочисленную партію и открыто хвастался, что онъ, вступивъ на престолъ, „освѣжуетъ“ Зубкова, шкуру спуститъ съ него— халдея. Веригинъ для этого уже приготовилъ было длинную ременную плеть съ дорогой рукояткой и составилъ стихи: „плети длинныя навяжемъ, путь невѣрнымъ мы укажемъ“. [1])

Боязнь за себя, за свою власть, за благоденствіе духоборческой націи вынудила Зубкова прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—донести правительственной власти о намѣреніи Веригина сдѣлаться „ царемъ духоборческимъ“. Поэтому, когда Веригинъ пожелалъ было силою овладѣть «Сиротскимъ домомъ» и, такимъ образомъ, захватить въ свои руки общественное достояніе и капиталы, а вмѣстѣ съ ними и верховную власть надъ духоборцами, то меньшая партія во главѣ съ старшиною с. Горѣлаго Алешей Зубковымъ обратилась за помощью къ правительственной власти, прося у нея защиты отъ насилія Петра

1) „Миссіонерское обозрѣніе“ 1900 г. 485—486 стр.

Веригина съ его сообщниками. Гражданскія власти, дѣйствительно, не допустили насильственныхъ дѣйствій Петра Веригина и самъ Веригинъ, какъ виновникъ внутреннихъ смутъ и волненій въ средѣ духоборцевъ, открыто выдававшій себя за пророка и называвшій—«царемъ надъ царями», былъ высланъ въ административномъ порядкѣ въ Архангельскую губернію, въ г. Шенкурскъ.

Духоборцы и особенно люди, понимающіе среди нихъ, скоро увидѣли, какую ошибку сдѣлали они, давъ возможность гражданскому начальству проникнуть въ ихъ внутреннюю жизнь, но было уже поздно. Большинство возненавидѣло «Горѣловцевъ», которые первые обратились къ правительству за содѣйствіемъ и, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія духоборческой явились измѣнниками. Веригинцы Зубкову посылали проклятія, открыто заявляя, что Алеша Зубковъ «предалъ отечество». Тогда духоборцы окончательно перессорились и раздѣлились на двѣ партіи: большую «Веригинскую» и меньшую «Горѣловскую», или, какъ называли ее въ насмѣшку члены первой партіи, «правительственную». Между послѣдователями той и другой партіи установились крайне враждебныя отношенія и полная разобщенность.

И вотъ, начинаются восьмилѣтнія скитанія духоборовъ той и другой партіи по судамъ изъ-за Сиротскаго дома и общественнаго капитала, безъ всякихъ понятій о сложной процедурѣ судебной тяжбы,—сто тысячные расходы съ той и другой стороны на адвокатовъ, которые, по выраженію духоборовъ, „подправляли дѣло“. По опредѣленію суда Сиротскій домъ и общественные капиталы перешли Губанову, какъ наслѣдство послѣ смерти его сестры. Послѣ судебнаго рѣшенія о присужденіи династическаго капитала Калмыковыхъ въ пользу Губановыхъ, Веригинская партія сей часъ же начала производить сборы денегъ для составленія, въ противовѣсъ Горѣловской, особаго капитала, и образовалось 108 тысячъ „изъ по-

ловинокъ", т. е. каждый по совѣсти давалъ половину наличной суммы на образованіе общественнаго „ столба" партіи. Далѣе, послѣ проигрыша дѣла въ судебной палатѣ о постройкахъ Сиротскаго дома, Веригинская партія, не теряя надежды на возвращеніе Петруши, выстроила за общественный счетъ въ Карской области, на усадьбѣ отца Веригина, въ с. Терпѣніи, свой обширный Сиротскій домъ (стоимостью до 8 тысячъ), въ которомъ духоборы этой партіи и стали собираться на молитву.

Большіе расходы несла также партія Веригинцевъ на содержаніе роскошнаго Петруши въ ссылкѣ, куда ему посылались деньги тысячами изъ общественнаго капитала, лошади (между прочимъ, бѣлый конь, съ котораго снята карточка и хранится у духоборовъ); есть даже указанія, что услужливые поклонники Петруши отправляли для удовольствія своего „вожака" и невинныхъ дѣвушекъ—духоборокъ. Дорого стоила также посылка Веригину „ходаковъ и вѣстниковъ", которые цѣлыми фалангами курсировали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ между крайнимъ сѣверомъ и Кавказомъ. Расходы по этой статьѣ (въ томъ числѣ и по пріобрѣтенію отъ уѣзднаго начальства запрещенныхъ губернаторомъ къ выдачѣ паспортовъ, отъ 200 до 500 р.) приняты были духоборами на свой счетъ.

Во все время пребыванія въ Шенкурскѣ Веригинъ поддерживалъ живыя связи чрезъ „пословъ" и оттуда издавалъ повелѣнія темной массѣ духоборовъ. Духоборы всячески старались добиться возвращенія Веригина изъ ссылки и утѣшали себя надеждою, что имъ возвратятъ ихъ „царя". Особено эта надежда ожила среди нихъ, когда, по случаю радостныхъ событій въ Царствующемъ Домѣ объявлялись русскому народу разныя милости. Но надежда духоборцевъ не осуществилась, и это немало содѣйствовало возбужденію и озлобленію среди Веригинцевъ, и еще болѣе оттолкнуло ихъ отъ правительства.

Къ этому, между тѣмъ, присоединилось другое, болѣе важное обстоятельство. Въ убѣжденіяхъ самого Веригина произошла крутая перемѣна,—онъ былъ совращенъ въ толстовство. Находясь въ ссылкѣ, Веригинъ сошелся съ нѣкоторыми лицами, которые познакомили его съ толстовскими идеями. Воззрѣнія Толстого плѣнили «царя» духоборцевъ, и онъ увлекся ими. Чрезъ депутатовъ, которые по временамъ являлись къ нему отъ духоборцевъ изъ Закавказья, онъ передавалъ свои убѣжденія и этимъ послѣднимъ. Подъ вліяніемъ новыхъ идей и новыхъ вѣяній среди Веригинцевъ произошло раздѣленіе. Нѣкоторые начали усвоять новыя идеи Веригина, т. е. идеи толстовскія, и выдѣляться въ особую партію. Образованію этой партіи особенно помогла энергичная пропаганда толстовства, начавшаяся среди духоборовъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія административно поселенными въ Закавказьѣ толстовцами. Толстовщина совершенно выбила изъ колеи духоборческую массу Веригинской партіи и послужила источникомъ позднѣйшихъ безпорядковъ и волненій. [1])

III.

Въ 1891 г. въ духоборческомъ селѣ Башкичетахъ поселены были административно высланные за религіозно соціалистическую пропаганду среди крестьянъ с. Павловки Харьковской губ., князь Д. А. Хилковъ, а также дворянинъ Бодянскій—ярые толстовцы. Князь Хилковъ, который уже ранѣе былъ знакомъ съ духоборцами (во время военной службы на Кавказѣ въ русско-турецкую войну), обратилъ особенное вниманіе на секту духоборческую, началъ изучать ея религіозныя и моральныя воззрѣнія, собирать псалмы и письменно работать надъ этимъ дѣ-

[1]) Пр. Титовъ. „Миссіонерское Обозрѣніе“. 1897 г. 385—387 стр. В. Скворцовъ. „Зап. о духоб. на Кавк.“ 12—13 стр.

ломъ. Онъ дружески сошелся съ мѣстнымъ населеніемъ, благодаря леченію духоборцевъ, пчеловодству и сельскохозяйственнымъ работамъ совмѣстно съ ними. Записавъ исповѣданіе вѣры духоборческой и нашедши его крайне извращеннымъ, а религіозное сознаніе духоборцевъ и нравственное поведеніе низко упавшимъ, Хилковъ и Бодянскій принялись за исправленіе духоборческаго катихизиса и издали его въ новой исправленной редакціи, подъ названіемъ „Исповѣдная пѣснь христіанина“. Авторы, примѣняясь къ прежней духоборческой формѣ изложенія и распорядку вопросовъ, ввели въ духоборческій символъ толстовское толкованіе религіозныхъ истинъ и внесли ядро новыхъ соціально - политическихъ вопросовъ, на которые отвѣты даны въ духѣ чистой анархіи. Есть основаніе предполагать, что къ этому дѣлу приложилъ свою руку и графъ Л. Н. Толстой, такъ какъ въ 1892 г. онъ велъ переписку съ Хилковымъ о духоборцахъ, по поводу неутѣшительныхъ наблюденій послѣдняго надъ нравственной жизнью сектантовъ.

„ Исповѣдная пѣснь“ была издана во многихъ экземплярахъ на ремингтонѣ, и изданія эти во множествѣ распространялись среди духоборцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ толстовцы раздавали духоборцамъ изданія фирмы „Посредникъ“, и „Царствіе Божіе внутрь васъ“. Распространеніе толстовскаго ученія, помимо книжной пропаганды, велось, главнымъ образомъ, путемъ устной проповѣди. Для этой цѣли въ Башкичетахъ съ Хилковымъ проживали толстовцы—сумской мѣщанинъ Прокопенко, студентъ Дудченко; въ качествѣ рабочихъ нанимались къ духоборамъ за 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ бывшій студентъ университета Романовъ, крестьянинъ Харьковской губ. Сѣражъ и др. Не имѣя, какъ поднадзорный, большой свободы для разъѣздовъ по сектантскимъ селеніямъ, князь Хилковъ часто принималъ у себя въ Башкичетахъ духоборовъ изъ другихъ мѣстъ и велъ съ ними бесѣды,

такъ что, можно сказать, почти всѣ духоборы знали князя, и рѣдко кто изъ наиболѣе активныхъ дѣятелей послѣдняго періода жизни духоборья не посѣтилъ „милаго человѣка“ князя „Митю“, какъ называли его духоборцы.

Входя въ общеніе съ духоборами, толстовцы старались прежде всего воздѣйствовать на лицъ болѣе вліятельныхъ среди веригинской партіи и развитыхъ, которые въ тоже время болѣе другихъ были ожесточены противъ правительства. Къ таковымъ принадлежала многочисленная родня ссыльнаго главы партіи Петра Веригина и его сообщниковъ. И вотъ, скоро въ толстовство совращаются братья Веригины Василій и Иванъ, Конкинъ, Верещагинъ, Обѣдковъ, Худяковъ и другіе. Прежде чѣмъ открыто начать проповѣдь новаго ученія, эти вожаки веригинской партіи путешествуютъ сначала въ Москву и Петербургъ, какъ бы на выучку къ толстовцамъ, и въ Архангельскую губ. къ Веригину, повидимому, за совѣтами. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ они нѣсколько мѣсяцевъ проживали въ кругу послѣдователей графа Толстого, познакомились и съ самимъ гр. Толстымъ. Послѣдній, какъ это видно изъ переписки его съ друзьями, остался въ восторгѣ отъ духоборовъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что ему „ удалось войти въ сношеніе съ Петромъ Веригинымъ и видѣть его брата и друга“. „ Люди эти, пишетъ восхищенный графъ, имѣютъ внѣшность необыкновенно образованныхъ людей, они одѣты по-европейски, вѣжливы, торжественны въ пріемахъ. Веригинъ человѣкъ глубоко-религіозный“ и т. д. [1])

Послѣ полуторагодового странствованія по Россіи, въ концѣ 1893 г., упомянутые духоборы возвратились на родину ярыми толстовцами и съ выработанною программой дѣйствія. Особенно выдавался изъ нихъ Конкинъ, который тотчасъ же по возвращеніи повелъ открытую проповѣдь толстовскихъ идей среди духоборцевъ и требо-

[1]) В. Скворцовъ, тамъ же, 15—17 стр.

валъ подчиненія имъ отъ имени повелителя Петра. При этомъ, онъ внушалъ темной массѣ духоборцевъ, что ученіе это не новое, а исконное духоборческое, но лишь забытое за суетою мірскою и грѣховностью, въ которыя впали духоборы. Конкинъ проповѣдывалъ съ необычайнымъ фанатизмомъ, какъ вѣрующій толстовецъ, обливался слезами во время проповѣдей. Явился на родину Конкинъ преобразившимся совершенно и по внѣшнему виду.

Вопреки духоборческому обычаю, онъ отпустилъ по плечамъ длинные волосы, костюмъ его тоже былъ иной (духоборы всѣ коротко стриженные и бритые, носятъ свой традиціонный синяго цвѣта костюмъ). Не уступали Конкину въ усердіи проповѣдывать толстовщину и братья Веригины, Верещагинъ, Объѣдковъ, Новокшеновы и другіе.

Агитаторы объѣзжали всѣ духоборческія селенія Тифлисской, Карской и Елисаветпольской губерній, вездѣ устраивали богомоленія, послѣ которыхъ велись продолжительныя увѣщанія и проповѣдь новыхъ, хотя во многомъ сродныхъ, а во многомъ и прямо пріятныхъ духоборцамъ воззрѣній, особенно въ томъ, что шло противъ ненавистнаго правительства. Читались письма и наказы яко-бы отъ Петра, устная проповѣдь подкрѣплялась чтеніемъ Новаго Завѣта и книгъ толстовскихъ, „вычитывали въ смыслахъ“, какъ выражались духоборы. Проповѣдники проживали по недѣлямъ въ каждомъ селѣ, безпрерывно по утрамъ, днемъ и вечеромъ собирались для молитвъ и бесѣдъ.

Назойливая, настойчивая, экзальтированная проповѣдь эта повергла въ ужасъ темное духоборье, поразила, какъ громъ, породила въ суевѣрной массѣ цѣлый рядъ легендъ о наступленіи послѣднихъ временъ, о новомъ царствѣ, гдѣ будетъ „пища неистощимая, рубахи неизносимыя“, въ царство это скоро введетъ ихъ Петруша, явившись на бѣломъ конѣ. Возражать и критиковать новыя

идей некогда было, ибо событія—одно за другимъ—шли быстро и, притомъ, никто не смѣлъ возражть, такъ какъ новое ученіе толпѣ выдавалось, какъ заповѣди сосланнаго, злопострадавшаго отъ беззаконнаго правительства, вождя этого ученія.

Фанатическая одушевленная проповѣдь новаго ученія, преподаваемая „ послѣднимъ ангеломъ“ (какъ называли духоборы Конкина) воплотившагося ихъ Бога—Петра, съ неимовѣрною быстротой завладѣвала умами и сердцами духоборовъ. И неудивительно, если духоборы—веригинцы, предоставленные сами себѣ, лишенные твердой и сильной власти, съ которою они такъ свыклись въ теченіе вѣковой жизни своей общины, озлобленные до безумія, экзальтированные до неистовства, стадно ринулись въ омутъ новаго ученія, подобно тому, какъ въ ночную пору бабочки кидаются на зажженную свѣчу и здѣсь погибаютъ...

Нельзя, однако, не замѣтить, что пропаганда велась съ хитрою постепенностью, отправляясь отъ болѣе знакомыхъ духоборцамъ коммунистическихъ началъ. Сначала стали заводиться артельныя мастерскія,—кузницы, швальни и др., затѣмъ введена была артельная запашка и уборка полей, далѣе послѣдовало запрещеніе заниматься извознымъ промысломъ и торговлей, бабамъ запрещено ходить въ лавку, мужикамъ въ кабакъ, запрещено наниматься въ услуженіе и имѣть у себя слугъ.

Потомъ рѣшено было, что не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ среди духоборцевъ, и потому, надо—внести всѣ долги за членовъ Веригинской партіи, что и сдѣлано было съ общаго согласія и изъ общиннаго (поло виночнаго) капитала. Далѣе, вожаки потребовали продать весь скотъ лишній и уравнять хозяйство и деньги. И рѣшено было, но уже не единодушнымъ большинствомъ,—оставить лишь дойный скотъ и рабочій, послѣдній въ количествѣ потребномъ для прокормленія семьи и производ-

ства работъ и примѣнительно къ числу душъ дома; вырученныя деньги должны быть внесены въ общую кассу. [1])

Съ этого момента начались уже протесты со стороны болѣе зажиточныхъ и здравомыслящихъ духоборъ, которые увидѣли и поняли, что новое ученіе, выдаваемое какъ заповѣди Веригина, слишкомъ уже явно пошло въ разрѣзъ съ традиціонными воззрѣніями и бытовыми обычаями собственно духоборчества и угрожало полнымъ разореніемъ. Когда агитаторы толстовскаго ученія потребовали слишкомъ тяжелой жертвы въ пользу коммуны: уравненія имущества и распродажи скота, то въ средѣ веригинской партіи произошелъ расколъ. Въ главѣ отколовшейся партіи сталъ умный развитой духоборецъ Алеша Воробьевъ, другъ Веригина, самъ путешествовавшій къ нему въ Шенкурскъ. Представители этой воробьевской (какъ она стала называться) партіи построили на слѣдующихъ соображеніяхъ свою оппозицію фанатическому увлеченію веригинцевъ: «по нашему духоборческому ученію Христосъ можетъ воплотиться только въ духоборца, а такъ какъ Веригинъ принялъ новое ученіе, то онъ уже не духоборецъ; слѣдовательно, и Христосъ не могъ въ него воплотиться, а разъ онъ не Христосъ, то и повиноваться ему не слѣдуетъ». Мысль эта, какъ совершенно съ точки зрѣнія духоборческаго ученія послѣдовательная и логичная, заставила многихъ оглянуться, одуматься и, отдѣлившись отъ веригинцевъ, образовать особую партію. [2])

Какъ выше замѣчено, заповѣдь объ уравненіи денежныхъ средствъ и о неимѣніи ничего своего оттолкнула многихъ духоборовъ. Нѣкоторые, не рѣшаясь выложить все свое имущество, многими годами и трудами нажитое, предлагали внести въ общую кассу двѣ—три тысячи. Но агитаторы требовали непремѣнно все и немедленно выло-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 18—19.

[2]) Тамъ-же, стр. 30.

жить на столъ, а непокорявшимся предлагали тутъ-же выйти изъ состава партіи, говоря: «вы не наши братья», причемъ, единомышленникамъ приказывалось прекратить съ протестантами всякое общеніе. Большинство покорилось. Нѣкоторые имѣли тысячи и сотни головъ мелкаго и рогатаго скота, но должны были лишиться всего въ нѣсколько дней. Иванъ Конкинъ съ лихорадочной торопливостью спѣшилъ въ этомъ отношеніи разорить своихъ духоборцевъ,—онъ какъ бы боялся, чтобы послѣдователи его не одумались и не остановились на полдорогѣ; онъ понималъ, что, покончивъ съ имуществомъ, хозяйствомъ, духоборы далѣе уже пойдутъ на все, хотябы и на смерть... И вотъ многіе хозяева тысячи головъ мелкаго скота (баранты) распродали въ два—три базарныхъ дня. Когда нѣкоторые неохотно повиновались заповѣди о немедленной ликвидаціи «съ лишнимъ скотомъ и имуществомъ», то вожаки назначили «опекуновъ» для распродажи скота, согнали съ горъ всю баранту, раздѣлили на два—три гурта, и скотъ, поганный на рынки туда и сюда, опекуны должны были въ теченіе нѣсколькихъ назначенныхъ дней (3—5) распродать, за что-бы ни пришлось. Большинство скота продано было за невозможно дешевую цѣну, дорогіе тонкорунные бараны шли за безцѣнокъ—по 2—3 руб. пара, и тогда то ловкіе армяне отлично воспользовались чудачествомъ духоборъ. Изъ вырученныхъ денегъ вожаки составили общинную кассу, въ которую всѣ члены партіи должны были взнести всѣ наличныя деньги; кто не хотѣлъ, тѣхъ исключали, и они переходили въ другую партію.

Тогда же духоборы—арендаторы поотказались отъ съемныхъ земель, рѣшивъ обрабатывать столько, сколько нужно для прокормленія семьи. Поля засѣвались и обрабатывались артелью, урожай дѣлили мѣрами по числу ѣдаковъ, т. е. душъ въ семьѣ. Впослѣдствіи касса была подѣлена по-семейно, причемъ, каждая семья получила

по числу душъ, несмотря на то, кто что далъ: кто далъ 2 р. и кто далъ двѣ тысячи—пользовались равными паями, такъ что многіе духоборы потеряли на этой игрѣ въ коммуну значительныя суммы.

Но вотъ Конкинъ скоро былъ высланъ. Однако же, начатое имъ дѣло пропаганды не остановилось; его усердно продолжали другіе, особенно же Василій Веригинъ. Послѣдній, объѣзжая селенія, собиралъ духоборовъ и читалъ имъ уже письма Конкина, въ которыхъ предписывались все новыя и новыя правила о томъ, что надо бросить. ѣсть мясо, по заповѣди «не убей», прекратить брачное сожитіе, чтобы убить плодъ и прекратить родъ (Крейцерова соната), ибо наступаютъ времена, когда не женятся и не выходятъ замужъ. Далѣе, требовалось бросить службу двумъ господамъ, а служить одному Богу, т. е. не повиноваться начальству и не дѣлаться «рабами человѣковъ», отказаться отъ взноса податей, сначала мелкихъ, напр., на сельскую администрацію, не исполнять подводной повинности, а затѣмъ уже и не взносить подушныхъ и поземельныхъ налоговъ, ибо земля Божія, и, наконецъ, не давать рекрутовъ, ибо война—зло и убійство. Все это подкрѣплялось неслышаннымъ ранѣе духоборами и отвергнутымъ ученіемъ Евангелія, которое теперь появилось уже у всякаго грамотнаго духобора веригинской партіи.

Естественно, изложенныя жестокія заповѣди не могли быть приняты массою съ легкимъ сердцемъ, безъ коренной ломки семейной и бытовой жизни духоборовъ, безъ трагическаго потрясенія всѣхъ основъ секты.

Между тѣмъ, отъ словъ переходили къ дѣлу.

Для объединенія въ дѣйствіяхъ представители общины устроили съѣзды въ Тифлисѣ, при участіи толстовцевъ чѣмъ и объясняется удивительная солидарность во всемъ духоборьѣ, разъединенномъ между собою пространственно. Съ 8 Ноября 1894 года въ одинъ день во всѣхъ духобор-

ческихъ селеніяхъ Закавказья послѣдователи новаго ученія, какъ одинъ человѣкъ, прекратили употребленіе мясной и рыбной пищи, чаепитіе, водкопитіе, куреніе табаку и сожитіе съ женами. Послѣдняя заповѣдь и вегетеріанство отразились страшнымъ потрясеніемъ семьи: отецъ возсталъ на сына, дѣти на родителей, жены на мужей и — наоборотъ; происходили потрясающія сцены совершавшейся въ духоборьѣ трагедіи. «Постники»—такъ стала называться партія, принявшая всю до мелочей толстовскую теорію съ вегетеріанствомъ включительно,—перестали имѣть общеніе съ тѣми, которые ѣли мясо, плевали вслѣдъ ихъ, жены скрывались отъ мужей, оставляя ихъ безпомощными съ грудными младенцами; если ребенокъ поѣстъ мяса съ отцомъ, мать не приметъ его, какъ нечистаго; беременныхъ не допускали въ моленную, а мясниковъ не хоронили на одномъ кладбищѣ; были случаи, что постники не допустили въ домъ родныхъ сыновей (мясниковъ) попрощаться съ умершимъ отцомъ или матерью. Въ каждомъ селѣ находилось по нѣскольку десятковъ семействъ, совершенно разбитыхъ; обыкновенно страдающими въ этомъ движеніи болѣе являлись мужья. Многіе, пробившись мѣсяца два безъ хозяйки, уступали фанатизму бабъ и записывались въ постническую партію Особенно цѣпко ухватились за новый бракоборный принципъ женщины, на которыхъ тяжелымъ бременемъ ложились раннее, чуть не съ самаго юнаго дѣтства, замужество и многочисленное дѣторожденіе, а равно и безстыдная половая распущенность здоровыхъ мужей. Женщины, какъ болѣе вѣрующія въ божество сосланнаго Веригина, приняли всѣ воззрѣнія новаго ученія—тупо, слѣпо, но съ необычайнымъ фанатизмомъ. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ въ постнической партіи не было случаевъ заключенія браковъ, рожденія бывали, но въ самомъ минимальномъ процентѣ. Всѣ женщины постнической партіи еще въ началѣ движенія распродали всѣ серебряныя вещи и

украшенія, сняли съ кичекъ шелковые банты, мужчины — галунъ съ бешметовъ, какъ лишнюю для христіанина суету и роскошь. [1])

Въ тоже время началось и пассивное, сначала робкое, молчаливое уклоненіе, а затѣмъ и открытое противленіе „злу государственному". Духоборы-постники стали демонстративно уклоняться отъ исполненія всякихъ повинностей: подводной, податной, воинской, отказывались отъ полицейской и всякой другой службы. Въ Іюлѣ 1894 г. духоборы д. Славянки не захотѣли дать лошадей слѣдователю и доктору, такой же отказъ въ поставкѣ лошадей офицеру имѣлъ мѣсто здѣсь же и въ Октябрѣ того же года; были подобные случаи и въ Карской области, гдѣ подобное поведеніе духоборъ, однако же, мѣстною администраціею не ставилось въ серьезъ.

Въ Августѣ 1894 г. въ Славянку пріѣхалъ Елисаветпольскій губернаторъ нарочито для увѣщанія и внушенія духоборамъ, уклонявшимся отъ исполненія подводной повинности. Но духоборы устроили стачку и не явились къ губернатору, заявивъ уряднику: „мы не признаемъ власти и, потому, не пойдемъ къ губернатору, пусть самъ явится, кого ему интересно видѣть..." Такъ и уѣхалъ генералъ-лейтенантъ кн. Нокашидзе ни съ чѣмъ, и дерзкое самовольство прошло безнаказанно къ торжеству духоборческихъ смутьяновъ. Позже (осенью 1895 г.) пріѣзжаетъ Карскій губернаторъ къ духоборамъ своей области, чтобы на мѣстѣ убѣдиться въ тревожныхъ слухахъ объ ихъ анархическомъ образѣ мыслей и поведеніи. Духоборы собрались, выстроились рядами. Подкатываетъ къ сборной избѣ генералъ-лейтенантъ Томичъ. Духоборы стоятъ въ своихъ шапкахъ, казацкихъ краснодонныхъ, какъ стѣна, опустивъ головы внизъ. „Губернаторъ ѣдетъ, шапки долой!"—кричатъ власти толпѣ... Духоборы не шевелятся, какъ бы не слышатъ окрика, улыбаются. Губернаторъ, который любилъ и цѣ-

[1]) Тамъ-же стр. 20—21.

нилъ духоборовъ, какъ надежнѣйшій колонизаціоннный элементъ, какъ свое дорогое насажденіе на границѣ имперіи, который не хотѣлъ допускать и мысли о подобномъ движеніи и еще въ Августѣ 1895 г. писалъ, что у него никакого броженія нѣтъ и не будетъ,—въ недоумѣніи вопрошаетъ: „что вы ребята, не узнаете меня, я вашъ губернаторъ!“—„Мы властей неправедныхъ не признаемъ, былъ ты ранѣе губернаторъ для насъ, а теперь такой же господинъ, какъ и каждый изъ насъ. Кто къ кому пріѣзжаетъ, тотъ первый и шапку скидаетъ; поклонись впередъ ты намъ, тогда и мы тебѣ“... отвѣчали какъ бы по заученному духоборы. Требуетъ губернаторъ лошадей по наряду для отъѣзда обратно въ Карсъ. Духоборы отвѣчаютъ: ‚не можемъ поддерживать насилія,—ты власть, служишь, насилію, нужны лошади,—грабь, самъ бери, вонъ лошади ходятъ, или вели чапарамъ(полиціи)“. [1])

Тогда же духоборы отказали администраціи въ исправленіи дорогъ. При вызовѣ ихъ по наряду для исправленія дорогъ они не являлись; а когда понадобилось наскоро исправить дорогу для предстоящаго слѣдованія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ одинъ монастырь, духоборы нагло отвѣчали: „кому надо ѣхать, тотъ пусть и исправляетъ“. Была въ Закавказьѣ конская поперепись, но Карскіе духоборы не позволили ее произвесть у себя. Не смотря на многократный пріѣздъ коммиссіи, уговоръ и приказанія, духоборы ни за что не хотѣли привести своихъ лошадей,—такъ перепись и не состоялась въ Карскихъ духоборческихъ селеніяхъ.

Отказываясь исполнять какія-либо распоряженія власти, духоборы самымъ язвительнымъ образомъ издѣвались надъ мѣстной администраціей, и все это проходило для нихъ безнаказанно.

При восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, духоборы (Карской обла-

[1]) «Миссіонерское Обозрѣніе.» 1898 г. т. 1. 486 стр.

сти) никакъ не хотѣли подписать присягу и только, по настоянію участковаго начальника, рѣшились на подпись, подъ условіемъ, что будутъ вычеркнуты изъ присяги слова: «до послѣдней капли крови служить Царю и отечеству»; и начальство согласилось, уступая дерзости. Когда по волостямъ было приглашеніе о пожертвованіи на памятникъ въ Бозѣ почившему Императору Александру III, никто изъ духоборъ не подписалъ ни копѣйки. Царскіе портреты духоборы-постники повынесли всѣ изъ своихъ домовъ и пожгли.

Въ началѣ 1895 г. Ахалкалакскіе духоборы-постники заявили правительственному старшинѣ, что списка по воинской повинности составлять не надо, такъ какъ они рѣшили болѣе не признавать Царя и властей, и воинской повинности отбывать не будутъ. Власти и тутъ думали, что смирные, тихіе духоборы шутятъ. Но весной 1895 г. нѣкоторые изъ солдатъ-духоборъ сложили оружіе и стали выходить изъ рядовъ войскъ, а ополченцы сдавать свои билеты, за что и были заключаемы въ тюрьмы. Въ томъ же году избранный въ старшины духоборъ Поповъ заявилъ, что «неправедному кесарю» онъ служить не будетъ, дѣлъ волости не приметъ и никакой подписки не дастъ.

На содержаніе правительственныхъ старшинъ постники не взносили денегъ, а при взысканіи по суду, оказали въ Елисаветпольской губ. массовое сопротивленіе, выпроводивъ съ кольями полицію и судебнаго пристава, едва спасшихся отъ толпы «непротивленцевъ», что вызвало цѣлый уголовный процессъ.

Въ ночь на 29 Іюня (именины Петруши) духоборцы-постники всѣхъ трехъ губерній заранѣе условились сжечь всѣ находящіеся у нихъ въ домахъ виды и формы оружія и произнести торжественное отреченіе отъ убійства, войны и воинской повинности. Торжественное аутодафе оружія духоборцами произведено по иниціативѣ Петра Вери-

гина: онъ послалъ въ духоборье съ мѣста ссылки свое дорогое и любимое ружье (Веригинъ былъ страстный охотникъ), къ которому прикрѣпилъ печатью письмо съ наказомъ сжечь его ружье вмѣстѣ съ другими и дать обѣщаніе во всю жизнь никого не убивать и не воевать.

Таинственная, секретная подготовка къ обряду торжественнаго сожженія оружія страшно разожгла фантазію темной обезумѣвшей массы, породила разные суевѣрные толки и навела панику на все духоборье. Среди женщинъ ходили нелѣпые толки, что Кавказъ сгоритъ, что будетъ новое небо и грѣшная земля обновится, что Петруша появится на облакахъ, опустится на землю и будетъ возсѣдать среди трехъ царей и судить невѣрныхъ а для нихъ начнется съ 29 Іюня царствіе Божіе и благодатная райская жизнь на землѣ.

Ахалкалакскіе духоборцы запаслись бочками керосину, нѣсколькими пудами буры, чтобы при посредствѣ ея лучше расплавились металлы отъ многихъ сотенъ сожженнаго оружія и слились въ одинъ комъ, который будетъ служить монументомъ на память потомству объ отреченіи отъ «военнаго разбоя». Сожженіе оружія совершено было съ большою торжественностью. Горѣли ночью на горахъ (часовъ 11—12) облитыя керосиномъ кучи хвороста съ положеннымъ на него оружіемъ. Далеко видно было это зарево и въ тишинѣ ночной разносились громкій трескъ и выстрѣлы отъ заряженныхъ ружей и револьверовъ. Духоборы-постники, собравшись тысячами отъ мала до велика къ мѣсту сожженія оружія, въ праздничныхъ одеждахъ, стояли внизу горы, читали и пѣли псалмы всю ночь и совершали свою «литургію». Въ Карской области фанатическая толпа духоборовъ послѣ сожженія оружія болѣе сутокъ пребывала безъ пищи въ молитвѣ, ожидая какихъ то особыхъ чрезвычайныхъ явленій. Тоже было и въ Елисаветпольской губерніи, гдѣ духоборы-постники долго ждали чрезвычайныхъ явленій въ родѣ свѣто-

представленія; ложась спать, фанатики клали подъ подушку чистое бѣлье въ ожиданіи кончины вѣка.

Таинственное приготовленіе къ этому градіозному аутодафе породило вездѣ въ противной партіи страшную панику,въ Ахалкалакскомъ же уѣздѣ среди духоборъ Горѣльской партіи разнесся слухъ, что духоборы-постники хотятъ сдѣлать нападеніе на «домъ сиротскій». Толки эти послужили основаніемъ къ тревожному донесенію уѣзднаго начальства Тифлисскому губернатору о готовящихся безпорядкахъ въ духоборьѣ и къ вызову послѣднимъ въ духоборье казачьей сотни. Можно только пожалѣть, что губернаторъ избралъ этотъ неподходящій моментъ для непосредственнаго воздѣйствія на обезумѣвшую массу духоборовъ, явившись съ казаками во время моленія у священной пещеры нафанатизированной тысячной толпы. Происшедшіе здѣсь при встрѣчѣ безпорядки были крайне остраго анархическаго характера, такъ что казакамъ пришлось употребить въ дѣло нагайки. Духоборы нанесли оскорбленіе представителю власти князю Шервашидзе, бросая ему въ лице, въ спину и подъ ноги ополченскіе билеты, причемъ, публично оскорбляли бранными словами священную особу Государя Императора. Нужно сказать, что не знай князь-губернаторъ ранѣе духоборъ съ самой пріятной стороны, ему трудно было бы возздержаться, чтобы не пустить въ дѣло оружіе и не перебить безумцевъ во время Ахалкалакскихъ безпорядковъ,—такъ дерзко попиралась здѣсь власть правительственная. Духоборы, при этомъ, были такъ экзальтированы, что видѣли цѣлою толпою на небѣ видѣнье. Поднявъ глаза къ небу, они пали на колѣна и кричали: «вотъ Петруша, нашъ спаситель, вотъ онъ, батюшка»... Иллюзія до того была реальна, что и губернаторъ, и свита его тоже начали смотрѣть вверхъ и искать въ облакахъ «Петрушу». [1])

[1]) В. Скворцовъ. «Зап. о духоб. на Кавказѣ.» 23—25 стр. «Миссіонерское Обозрѣніе» 1902 г. 1 т. 30—32 стр.

Послѣ событій 29-го Іюня во всемъ духоборьѣ ополченцы начали производить сдачу свидѣтельствъ, бывшіе же въ рядахъ войскъ сложили оружіе къ ногамъ своихъ командировъ. За свое преступное поведеніе нѣсколько сотъ бунтовщиковъ были заключены подъ стражу и привлечены къ отвѣтственности по дѣлу о составленіи духоборами противоправительственнаго преступнаго сообщества. Скоро всѣ тюрьмы были переполнены, пришлось нанимать частныя помѣщенія для арестуемыхъ, а число духоборцевъ, жалавшихъ пострадать, все увеличивалось. Жены посылали своихъ мужей, матери—дѣтей, и не давали имъ покоя, пока тѣ не сдадутъ ополченскихъ свидѣтельствъ; провожая же, говорили: «чтобъ тебѣ не вернуться домой, пострадай, дитятко, за Христа». Объ арестованныхъ и заключенныхъ въ тюрьму женщины съ какою то болѣзненною, экзальтированною радостью говорили: «ну, и слава Богу, что сидятъ,—они себя Христу подарили», и тутъ же прибавляли: «не убойтесь убивающихъ тѣло, бойтесь убивающихъ душу... Мы теперь объ одномъ заботимся—о душѣ».

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ пропаганды толстовства, среди духоборцевъ выдѣлилась крайняя партія духоборъ-постниковъ. Рѣшительно отрицая государственность, постники составили преступное сообщество и вызывающе дерзко заявляли о своемъ непризнаніи царя, власти и законовъ, а затѣмъ скоро же демонстрировали свои анархическія воззрѣнія на цѣломъ ряцѣ преступныхъ противоправительственныхъ дѣяній. Имъ внушено было называть себя уже не духоборами, а особымъ именемъ «христіане всемірнаго братства».

Чтобы успокоить безпокойную, возбужденную, нафанатизированную толпу духоборъ-постниковъ, стадно ринувшихся въ омутъ анархіи, а также чтобы предохранить оставшуюся спокойною часть духоборческаго населенія, Кавказская администрація признала необходимымъ немед-

ленное удаленіе духоборъ мятежной партіи и разселеніе ихъ по губерніи маленькими группами по 2—3 семьи среди туземнаго населенія. Прежде, чѣмъ приступить къ исполненію этой суровой мѣры, Тифлисскій губернаторъ кн. Шервашидзе употреблялъ настойчивыя усилія, чтобы склонить духоборовъ къ повиновенію и соглашенію съ властью. Онъ призывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ лично знакомыхъ ему духоборъ-постниковъ, велъ съ ними откровенную бесѣду, увѣщевалъ ихъ бросить нелѣпыя затѣи и возвратиться къ прежнему мирному образу жизни. Но увѣщанія его не повели ни къ чему. Извѣстіе о переселеніи духоборы-постники встрѣтили съ проявленіемъ величайшей радости и просили только объ одномъ, чтобы ихъ скорѣе двинули въ путь. При объясненіи съ губернаторомъ они вели себя спокойно, относились къ его власти съ совершеннымъ почтеніемъ, но говорили, какъ люди вполнѣ убѣжденные, безповоротно принявшіе извѣстное рѣшеніе. Объясненія ихъ сводились къ слѣдующему: «мы пощады себѣ не просимъ, мы сдѣлали то, что намъ повелѣно свыше, мы служимъ одному царю, а вы другому; вы одни люди, а мы другіе, мы здѣсь болѣе жить не можемъ, возьмите насъ поскорѣе отсюда, здѣсь мы никого не будемъ слушать». Духоборы опасались, какъ бы правительство не отмѣнило своего распоряженія, и наперерывъ другъ предъ другомъ хлопотали попасть въ первую партію ссылаемыхъ, увѣряя, что они то и есть самые безпокойные. Находились нѣкоторые духоборы и духоборки второй партіи (воробьевской), внесенные по ихъ заявленіямъ въ особые списки, ни въ чемъ не замѣченные, просившіе о высылкѣ.

8-го Іюля, т. е. чрезъ недѣлю послѣ начала безпорядковъ, двинулась первая партія ссылаемыхъ. Желая еще разъ попытаться склонить духоборъ къ повиновенію, кн. Шервашидзе отправился къ каравану одинъ пѣшкомъ, какъ бы прогуливаясь, и снова уговаривалъ ихъ, но

тщетно. Ссылаемые въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ благодарили князя за вниманіе къ нимъ, за участіе къ дѣтямъ и просили не утруждать себя безпокойствомъ за ихъ судьбу, «тамъ живутъ люди, говорили они, слѣдовательно, и мы проживемъ; намъ будетъ тамъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ намъ никакъ нельзя болѣе оставаться». 1)

Такимъ образомъ, лѣтомъ 1895 г. около 4 тысячъ Ахалкалакскихъ духоборъ-постниковъ было разселено по туземнымъ селеніямъ Горійскаго, Душетскаго и Тіонетскаго уѣздовъ, Тифлисской губерніи. Туземное населеніе встрѣтило пришельцевъ съ гостепріимнымъ добродушіемъ, свойственнымъ грузинамъ. Духоборы, памятуя исконныя пропагандистскія традиціи своей секты, вначалѣ старались привлечь къ себѣ крестьянъ-туземцевъ путемъ ласки, отзывчивости, личнаго даровaго труда въ пользу бѣдныхъ и щедрой помощью послѣднимъ; такъ что въ первое время они даромъ молотили, убирали хлѣбъ, дарили бѣднымъ свое платье, отдавали недѣльный заработокъ. Въ г. Тіонетахъ, между прочимъ, имѣлъ мѣсто слѣдующій случай.

Вскорѣ по прибытіи въ Тіонеты, духоборы увидѣли, что среди мѣстнаго населенія очень много нищеты, крайне бѣдно одѣтой. Тогда они откупаютъ у еврея оптомъ за крупную цыфру небольшую лавченку съ краснымъ товаромъ и объявляютъ, чтобы всѣ, кто нуждается въ платьѣ, шли получать товары изъ лавки. Нахлынувшая толпа бѣдняковъ была, по возможности, удовлетворена и, конечно, восхваляла духоборцевъ, какъ посланныхъ самимъ небомъ ангеловъ свѣта и добра. Достойно вниманія, что духоборы явно и демонстративно предпочитали бѣдный народъ богатымъ и интеллигентнымъ людямъ. Такъ, напр., если кто давалъ за продаваемую духоборомъ лошадь 100 р., а бѣднякъ туземецъ 20 руб., то духоборъ тотчасъ отдавалъ послѣднему; офицерамъ ни за какую цѣну не хотѣли ничего своего продавать. Крестьянское населеніе на оста-

1) „Миссіонерское Обозрѣніе„. 1898 г. т 1. 849—850 стр.

валось въ долгу и старалось угождать духоборамъ всѣмъ, чѣмъ могло; главнымъ образомъ—предоставленіемъ своихъ домовъ подъ жилье духоборамъ, причемъ, гостямъ отдавалась лучшая часть дома, а хозяева-туземцы помѣщались въ худшихъ половинахъ. Но болѣе всѣхъ радо было поселенію духоборцевъ, стяжавшихъ извѣстность прекрасныхъ рабочихъ, земледѣльческое помѣстное дворянство,—въ лицѣ ихъ оно надѣялось найти дешевую полезную рабочую силу.

Однако же, духоборы не оправдали ничьихъ, возлагавшихся на нихъ надеждъ. И крестьяне, и помѣстые дворяне скоро разочаровались въ духоборахъ. Прежде всего духоборы въ теченіе двухъ лѣтъ разселенія упорно уклонялись отъ сельско-хозяйственныхъ работъ по найму у помѣщиковъ, несмотря на то, что нѣкоторые владѣльцы предлагали имъ обработку земли на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. На желѣзнодорожныя работы разселенные духоборы не хотѣли совсѣмъ идти, разсуждая такъ, что—де чугунка вещь вредная, такъ какъ она нужна главнымъ образомъ для войны и насилія, а потому—де имъ, духоборамъ, какъ истиннымъ христіанамъ, негоже поддержпвать то, что облегчаетъ торжество насилія. Затѣмъ скоро дали себя почувствовать туземцамъ соціалистическія тенденціи духоборъ-анархистовъ. Такъ, «христіане всемірнаго братства», занявъ даромъ представленныя имъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ квартиры, пользуясь пастбищами и огородами, не хотѣли оказывать взамѣнъ того рѣшительно никакихъ услугъ гостепріимнымъ владѣльцамъ: выказывали явное пренебреженіе къ титулу дворянъ, бековъ, князей, стараясь ронять въ глазахъ крестьянъ-туземцевъ престижъ владѣльцевъ. Трудъ свой они цѣнили страшно дорого, запрашивая противъ существующихъ цѣнъ двойную плату рѣшительно за все. Выпуская лошадей своихъ безъ разрѣшенія владѣльцевъ на луга, вырубая лѣсъ для топлива, духоборы не хотѣли ничего за это платить, го-

воря, что земля, вода и трава Божіи—для всѣхъ созданы. Эти же соціалистическія мысли духоборы начали проводить знающей по-русски дворнѣ владѣльцевъ. Нѣкоторые помѣщики скоро признали нежелательнымъ близкое сосѣдство духоборовъ и предложили безплатнымъ квартирантамъ оставить ихъ усадьбы. Установивъ гордый высокомѣрный взлядъ на все окружающее туземное населеніе, скоро также прекративъ прежнюю даровую помощь бѣднякамъ, духоборы впослѣдствіи вызвали значительное охлажденіе къ себѣ и въ простомъ народѣ. [1])

Конечно, не сладка была жизнь разселенныхъ духоборовъ, но все же положеніе ихъ не было столь бѣдственнымъ и отчаяннымъ, какимъ оно изображалось тогда во многихъ тенденціозныхъ корреспонденціяхъ съ Кавказа. Среди разселенныхъ все время существовала самая широкая взаимопомощь, которая не допускала, чтобы кто-либо терпѣлъ большую нужду. Многіе духоборы владѣли значительными средствами, частью вырученными при продажѣ своего хозяйства, частью изъ остатковъ отъ нажитыхъ капиталовъ; сами духоборы опредѣляли всю имѣющуюся у нихъ сумму въ 200—300 тысячъ. Кромѣ личныхъ средствъ, разселенные владѣли запаснымъ общиннымъ капиталомъ въ 53 тысячи, которыя были выдѣлены изъ такъ называемаго половиночнаго капитала большой Веригинской партіи. Этотъ запасной капиталъ оставался нетронутымъ и не расходовался на текущія нужды во время разселенія, а сохранялся на случай переселенія. Слѣдовательно, о какой-нибудь гнетущей нуждѣ не могло быть и рѣчи. Скоро освоившись съ своимъ новымъ положеніемъ, разселенные духоборы сплотились въ большія группы, завели чисто коммунистическій образъ жизни, составили общую кассу, завѣдываніе которой поручено было особымъ попечителямъ. Попечители снабжались

[1]) Тамъ-же 853—855 стр.

значительною суммою изъ общинной кассы (по 5—7 тысячъ при каждомъ выѣздѣ) и должны были періодически посѣщать разселенныхъ и помогать нуждающимся, выдавая по усмотрѣнію, кому на обувь, кому на одежду, кому на хлѣбъ. Обыкновенно, они закупали оптомъ все необходимое для содержанія разселенной массы и раздавали нуждающимся. Кромѣ того, изъ Карской области и Елисаветпольской губ., гдѣ духоборцы жили довольно зажиточно, постоянно направлялась къ разселеннымъ щедрая помощь хлѣбомъ, овощами, масломъ и деньгами. Изъ Карской области отправляли въ Тифлисъ партіи пшеницы цѣлыми вагонами. Сюда направлялись фургоны изъ мѣста разселенія съ представителями отъ каждаго кружка или коммуны; послѣдніе получали продукты и деньги соотвѣтственно числу ѣдоковъ. Продукты складывались у попечителей кружка, сюда за продуктами каждый день являлись стряпухи общественныхъ столовыхъ. Кружекъ составляли нѣсколько семействъ, которыя имѣли общую столовую и все общее, не исключая даже платья и бѣлья. Помимо братской помощи отъ своихъ единовѣрцевъ, духоборамъ оказывалась поддержка отъ русскихъ и заграничныхъ единомышленниковъ и покровителей; такъ, въ 1896 г. въ Тифлисъ прислано было на имя княжны Н-дзе (толстовки) для духоборъ-постниковъ 6 тысячъ руб. собранныхъ толстовцами.

По словамъ самихъ же духоборъ, у разселенныхъ, кромѣ мяса и отчасти молока, былъ во всемъ достатокъ, что требуется для вегетеріанскаго стола. Столъ разселенныхъ былъ скуденъ и невкусенъ, но не по недостатку продуктовъ, а вслѣдствіе слишкомъ суроваго вегетеріанскаго режима, въ силу котораго изъ пищи изгнаны были не только мясо, но и рыба, изъ напитковъ—не только вино, но и чай. Духоборы считали грѣхомъ ѣсть яйца, молоко, коровье масло и мясо и питались квасомъ

картофелемъ, борщемъ изъ овощей и постнаго масла. [1])

Ранѣе, какъ извѣстно, по ученію своей секты, духоборы не признавали постовъ и были вѣчными мясоѣдцами, любили жирно поѣсть и крѣпко покутить. Естественно, что круто измѣненный насиліемъ главарей бытъ вызвалъ изнуреніе и малярію. Особенно тяжело отражалось на дѣтяхъ это непривычное для организма питаніе, а также гибельно дѣйствовала сырая вода при запрещеніи пить чай. При знойномъ климатѣ Кахетіи употребленіе сырой воды порождало изнурительныя кавказскія лихорадки. На убѣжденія, что при лихорадкѣ нельзя пить сырую воду, ѣсть «тюрю изъ кислаго хлѣба и какихъ то лѣсныхъ злаковъ», духоборы упорно твердили: «чай истинные христіане пить не должны, а убоина запрещена шестою заповѣдью—«не убій». Уже тогда въ воспаленныхъ головахъ сектантовъ поднимались вопросы такого рода, что-де не грѣхъ ли и ѣздить на лошадяхъ, пользоваться шкурами для обуви и одежды? Главари съ горячностью доказывали, ссылаясь на слова ап. Павла, что «тварь въ свободу звана», а потому де скотина должна быть отпущена. «Мы—члены всемірнаго Христова братства не должны владѣть никакимъ живымъ Божіимъ созданіемъ, говорили духоборы, пусть другіе, невѣрующіе порабощаютъ твореніе Божіе, и лишь по неизбѣжной необходимости позволительно намъ держать самое ограниченное число животныхъ для услугъ по дому и полю лошадей». Отъ нѣкоторыхъ экзальтированныхъ фанатиковъ шли такія рѣчи: «вотъ доносимъ старые «коужих» и «чоботы», новыхъ шить ужъ больше не станемъ». Одна изъ вліятельныхъ духоборческихъ весталокъ уже тогда изгнала въ своемъ обиходѣ шерстяное и ходила во всемъ полотняномъ изъ простого бѣлаго холста; ее духоборы второй партіи прозвали «полунощной вѣдьмой». [2])

[1]) Тамъ-же, стр. 856—857.

[2]) «Миссіонерское Обозрѣніе» 1902 г. 2 т. 719—720 стр.

IV.

Въ то время, какъ духоборы несли законную кару за противленіе власти, виновники постигшихъ ихъ бѣдъ и разоренiй—толстовцы, желая возбудить сочувствіе общества къ невинно страждущимъ и яко-бы за вѣру гонимымъ духоборцамъ, подняли въ ихъ пользу довольно оживленную литературную агитацію. Въ теченіе двухъ лѣтъ разселенія на страницахъ русскихъ и заграничныхъ періодическихъ изданій то и дѣло раздавался вопль „о правительственномъ гоненіи“ духоборъ, объ окончательномъ разореніи многихъ тысячъ, объ ужасающей нищетѣ, болѣзняхъ и смертности среди нихъ, о голодѣ и морѣ якобы замученныхъ русскою властью за религіозныя убѣжденія совѣсти и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія шли изъ одного источника: они фабриковались интеллигентными просвѣтителями и покровителями духоборческой массы изъ передовыхъ послѣдователей графа Л. Толстого, при его одобреніи, и потому представляли факты въ тенденціозномъ освѣщеніи.

Какъ только духоборы-постники въ Іюлѣ 1895 года стронуты были съ мѣстъ своей осѣдлости и разселены по туземнымъ селеніямъ Кахетіи и Карталиніи, на театръ духоборческихъ дѣйствій явился эмиссаръ отъ толстовства, г. Бирюковъ, редакторъ изданій фирмы „Посредникъ“. А уже 10 Сентября 1895 г. изъ Ясной Поляны выпущена была пространная записка подъ заглавіемъ: „Гоненіе на христіанъ въ Россіи въ 1895 г.“, съ эпиграфомъ изъ евангельскихъ словъ „если Меня гнали, будутъ гнать и васъ“ (Іоан. XV, 20). „Гоненіе“ г. Бирюкова гр. Л. Н. Толстой, снабдивъ препроводительнымъ письмомъ, направилъ въ редакцію англійской газеты „Times“, которая хотя и напечатала трактатъ г. Бирюкова и письмо гр. Толстого, однако не похвалила въ своей передовой статьѣ

духоборъ за ихъ „безумное отрицаніе государственности и неповиновеніе властямъ".

Приняты были толстовцами мѣры къ широкому распространенію сенсаціонныхъ свѣдѣній о духоборческомъ движеніи въ русскомъ обществѣ, и среди власть имущихъ; направлены были творенія толстовцевъ и въ редакціи газетъ. Уже въ Августѣ мѣсяцѣ того же 1895 г. въ „Недѣлѣ" появился цѣлый рядъ корреспонденцій съ Кавказа (принадлежащихъ, вѣроятно, тому же г. Бирюкову, писалъ въ „Недѣлѣ" и сосланный духоборъ Конкинъ), въ которыхъ авторы изобразили трогательными въ эпическомъ стилѣ подробностями порядокъ разселенія духоборъ, прощанье „съ мать-родной землей", взаимныя лобзанія и проч.

Зимой 1896 г. выпущено было за подписью г.г. Черткова, Бирюкова и Трегубова, другое, уже совсѣмъ слезливое, повѣствованіе (отпечатано на ремингтонѣ) о духоборахъ подъ заглавіемъ „Помогите". Это—воззваніе къ русскому и заграничному обществу о денежной помощи разселеннымъ духоборамъ-постникамъ. „На Кавказѣ теперь совершается ужасное дѣло! (такъ торжественно начинается воззваніе). Болѣе четырехъ тысячъ людей страдаютъ и умираютъ отъ голода, болѣзней, истощенія, побоевъ, истязаній и другихъ преслѣдованій русскихъ властей" и т. д. Воззваніе это, повидимому, имѣло довольно широкое распространеніе, оно было напечатано заграницею и разсылалось всюду; его можно было встрѣтить и у великосвѣтскихъ пашковистокъ Петербурга, и у югозападныхъ штундистскихъ главарей. Зимою 1896 г. въ салонахъ столичныхъ сектофиловъ г. Бирюковъ велъ платныя въ пользу бѣдствующихъ духоборъ бесѣды объ ученіи и жизни закавказскихъ духоборъ.

Въ томъ же Декабрѣ мѣсяцѣ 1896 г. (датировано 28 числомъ) г.г. Бирюковъ и Чертковъ выпустили и распро-

страняли при помощи того же ремингтона новое твореніе свое подъ заглавіемъ: „Записка о положеніи духоборъ на Кавказѣ въ 1896 г.“ Записка эта имѣетъ характеръ апологетическій. Здѣсь защитники духоборъ негодуютъ на то, что оффиціальныя донесенія о духоборахъ содержатъ яко-бы самыя разнообразныя клеветы; сердятся, вопіютъ и бранятся по поводу того, что „факты, достовѣрно имъ извѣстные“, по оффиціальному разслѣдованію, оказались „совсѣмъ не достовѣрными“. Болѣе всѣхъ провинились предъ защитниками духоборъ Тифлисскій губернаторъ кн. Шервашидзе, семь лѣтъ изучавшій духоборческое движеніе, и „чиновникъ Скворцовъ“, дважды посылаемый въ качествѣ спеціалиста по сектантству для всесторонняго разслѣдованія этого сложнаго, запутаннаго дѣла. Эти то люди, по мнѣнію толстовцевъ, и довели свои ложные, доносы на духоборъ до крайнихъ предѣловъ фанатизма и нетерпимости. [1])

Въ началѣ 1897 г. все тѣже г.г. Бирюковъ и Чертковъ выступили съ новымъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ, „Краткая записка о необходимыхъ средствахъ облегченія участи духоборъ“ (помѣчено 25 Января). Записка предназначена для „стоящихъ у власти“ и заключаетъ предложеніе о тѣхъ необходимыхъ мѣрахъ, которыя могутъ хотя отчасти загладить многія ошибки и противозаконности, совершенныя правительственными лицами по отношенію къ духоборцамъ“. Мѣры эти сводятся къ тому, что правительство должно капитулировать предъ духоборами и санкціонировать ихъ анархическія претензіи по всѣмъ пунктамъ.

Въ 1897 г. въ „Биржевыхъ“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ выступилъ нѣкто г. Буланже съ цѣлымъ рядомъ статей о разселенныхъ духоборахъ, взывая о помощи послѣднимъ. При этомъ, Л. Н. Толстой не упустилъ слу-

---

[1]) „Миссіонерское Обозрѣніе“ 1898 г. 1 т. 833—839 стр.

чая и здѣсь приложить свою руку, написавъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей“ слѣдующее препроводительное письмо. „Очень прошу редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей“ напечатать прилагаемую статью о духоборахъ. Кромѣ значенія, которое имѣетъ статья, какъ распространеніе истинныхъ свѣдѣній о чрезвычайно важномъ явленіи въ Русскомъ народѣ, статья эта имѣетъ еще огромной важности и значеніе практическое,—даетъ возможность обществу помочь страдающимъ за вѣру и въ смертной опасности находящимся тысячамъ людей. Пожалуйста, напечатайте. Л. Толстой“. Нужно отдать справедливость г. Буланже: болѣе смѣлой защиты духоборъ и откровеннаго ворчанія на „утѣснителей“ ихъ, т. е. на власть, не появлялось въ русской печати, хотя либеральные органы во главѣ съ „Вѣстникомъ Европы“ не переставали до самаго послѣдняго времени напоминать „о бѣдствіяхъ духоборъ“.

Зимою 1897 г. Чертковъ издалъ отъ имени англійскаго братства издателей Croydon—брошюру о соціально-религіозныхъ воззрѣніяхъ и о борьбѣ съ насиліемъ „правительства“ „русскихъ духовныхъ борцовъ“. Восхваляя духоборъ, авторъ не жалѣетъ красокъ для изображенія варварства „царскихъ эмиссаровъ“, которые жестоки къ духоборамъ, подвергали ихъ разоренію и пыткѣ. Свѣдѣнія брошюры г. Черткова были популизированы въ англійскихъ и американскихъ газетахъ, въ статьяхъ подъ тенденціознымъ заглавіемъ: „Христіанское мученичество и расколъ въ Россіи“. Чтобы придать вѣсъ сочиненію неизвѣстнаго автора г. Черткова, Л. Н. Толстой снабдилъ брошюру и статью своимъ предисловіемъ, въ которомъ ничтожное само по себѣ, хотя и печальное послѣдствіями, Кавказское анархическое броженіе духоборческое ставитъ наравнѣ съ событіями величайшей важности, составляющими „поворотные пункты» въ исторіи, и сравниваетъ по значенію съ тѣмъ событіемъ, когда

„Галилеянинъ проповѣдывалъ новое ученіе“.

Однако, серьезные Англичане взглянули на противоправительственную агитацію духоборъ и опростившихся русскихъ баръ гораздо патріотичнѣе и трезвѣе нашихъ россійскихъ публицистовъ. Въ статьѣ „Расколъ въ Россіи“ журналъ „Bel Evening Telegraph“, изложивъ содержаніе „петиціи“ Черткова съ его похвалами духоборамъ и порицаніями варварскому правительству, основательно называетъ такое воззваніе къ чужестранцамъ безцѣльнымъ и высказываетъ опасеніе, чтобы „прокламаціи“ Черткова и Толстого въ пользу „духовныхъ борцовъ“, отрицающихъ власть и воинскую повинность, не подали вреднаго урока для народа Англіи, армія которой признается слишкомъ малой для государственныхъ нуждъ страны, что въ сознаніе англійскаго общества нужно проводить не антимилитарныя воззрѣнія, а наоборотъ—мысль объ обязательномъ наборѣ, что нужно позаботиться о привлеченіи къ военной службѣ людей способныхъ, исполняющихъ воинскій долгъ, какъ исповѣданіе. Журналъ считаетъ національнымъ бѣдствіемъ, если, когда прійдется прибѣгнуть къ введенію континентальной системы набора, и въ Англіи встрѣтятся такія же затрудненія, какія привели русскихъ духовныхъ борцевъ въ столкновеніе съ военными властями, къ волненіямъ и безпорядкамъ. Такъ зорко оберегаютъ интересы своего отечества заграничные патріоты!

Тѣ же воззванія о духоборахъ были пущены въ ходъ и въ Америкѣ, при посредствѣ газетъ и на религіозно-богослужебныхъ мнтингахъ разныхъ сектъ. Въ Америкѣ, повидимому, нашлось больше, чѣмъ въ Англіи, сочувствія къ духоборамъ среди послѣдователей сродныхъ имъ сектъ баптизма, квакерства и меннонитства.

Независимо отъ печатныхъ воззваній, просвѣщенные покровители духоборчества подняли на ноги и Евангели-

ческій союзъ, который съ нѣкотораго времени почему-то считаетъ наше сектантство подъ своимъ просвѣщеннымъ протекторатомъ.

Главная цѣль всей этой агитаціи заключалась въ томъ, чтобы вызвать, съ одной стороны, негодованіе въ общественномъ мнѣніи просвѣщенной Европы и тѣмъ оказать давленіе на „варварское“ русское правительство, а затѣмъ привлечь симпатіи и матеріальную помощь „несчастнымъ духоборамъ“, а также обезпечить возможность къ водворенію этихъ „чудныхъ“ работниковъ гдѣ-либо заграницею. [1])

Весною 1897 г. новымъ Кавказскимъ главноначальствующимъ, княземъ Голицынымъ, было объявлено разселеннымъ духоборамъ, чрезъ ихъ депутатовъ, чтобы они возвращались на свои прежнія мѣста, которыя оставались незанятыми, гдѣ дома и усадьбы ихъ сохранялись въ цѣлости. Князь Голицынъ требовалъ лишь не бунтовать и жить, какъ всѣ другіе, отбывать гражданскія обязанности, требуемыя отъ вѣрноподданныхъ царя и отечества. Этотъ призывъ новаго Кавказскаго администратора, на первыхъ порахъ, многихъ изъ духоборъ поколебалъ и значительная часть разселенныхъ склонна была возвратиться. Но вредное вліяніе главарей, постоянно вдохновляемыхъ интеллигентными толстовцами, удержало массу отъ этого единственно вѣрнаго и спасительнаго въ ихъ тогдашнемъ положеніи шага. Интеллигентные вдохновители духоборовъ поддерживали упорство и сопротивленіе массы, личными наѣздами и посланіями они поощряли разселенныхъ постниковъ продолжать свою пассивную „борьбу съ насиліемъ“, т. е. съ властью, увѣряя, что русское правительство уступитъ имъ, дастъ казенныя земли для поселенія въ Закаспійскомъ краѣ и позволитъ имъ устроить свою общину на „истинно-христіанскихъ нача-

[1]) Тамъ же, 704—707 стр.

лахъ", т. е. безъ признанія власти закона, государственности и безъ несенія всѣхъ гражданскихъ повинностей. При этомъ, они добавляли, что если Россійское правительство не дастъ имъ свободной земли, то въ любомъ государствѣ ихъ примутъ, какъ желанныхъ поселенцевъ. Тѣ изъ разселенныхъ, которые рѣшались было вернуться, немедленно подвергались осмѣянію,—такимъ въ слѣдъ плевали, при встрѣчѣ не снимали шапокъ (что у духоборовъ считается самымъ обиднымъ), отлучали отъ участія въ моленіи, даже въ пищѣ, какъ измѣнниковъ. Такіе протестанты не могли пропитаться съ семьей сами по себѣ, разъ все состояніе—лошади и скарбъ вложены были въ общинную кассу, не на что было и переѣзжать и обзаводиться вновь хозяйствомъ, а потому, приходилось съ волками жить—поволчьи и выть.

Однако, нашлось около 50 семей, которыя все-таки вернулись въ Ахалкалаки на старое пепелище, остальные продолжали упорствовать и ожидать обѣщаннаго интеллигентными покровителями переселенія „изъ русской халдейской земли въ обѣтованную землю, преизобильную свободой во всемъ и на все". [1])

Среди духоборческой темной массы неизвѣстно кѣмъ была пущена оригинальная легенда, которая поддерживала мечтанія и надежды духоборцевъ, чрезвычайно довѣрчивыхъ ко всякимъ нелѣпымъ баснямъ. Говорили, будто Екатерина II нѣкогда продала духоборческую главу (вожака) Шведскому королю, и на Россію тотчасъ посыпались разныя бѣды; тогда государыня поспѣшила исправить свою ошибку и возратила проданнаго главаря, какъ обладателя государственнымъ благополучіемъ. Императоръ Александръ I потому и одолѣлъ Наполеона въ 1812 г., что былъ милостивъ къ духоборамъ, а Николай I, наобо-

---

[1]) „Миссіонерское Обозрѣніе" 1900 г. 2 т. 524—525 стр.

ротъ, въ отмщеніе за переселеніе духоборъ въ Закавказье, потерпѣлъ пораженіе въ Севастопольскую войну. Англія и Америка нынѣ спорятъ за счастье обладать духоборами: та и другая съ великимъ удовольствіемъ желаютъ поселить у себя этихъ счастливцевъ, но русскій царь не хочетъ отпустить и все дѣло будетъ самъ пересматривать. Слушая и довѣряя подобнымъ баснямъ, духоборы проявляли удивительное упорство въ нежеланіи подчиниться требованіямъ власти и закона и отказывались возвращаться на прежнія мѣста жительства. „Мы знаемъ, что насъ примутъ заграницею, говорили они,— тамъ много единовѣрныхъ намъ—мы не одни, и въ Россіи за насъ хлопочутъ многіе сильные люди, которые одобряютъ новые порядки нашей праведной жизни".

Когда въ концѣ 1896 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что не осуществится желанная мечта и духоборцевъ и толстовцевъ—водвориться на казенный счетъ въ Закаспійскомъ краѣ, тогда интеллигентные попечители духоборцевъ остановились на мысли и стали агитировать въ пользу переселенія духоборцевъ за границу. Увлекающіяся, полныя болѣзненной мечтательности, головы хотѣли испробовать и показать міру на духоборческой массѣ толстовское царствіе Божіе на землѣ и вызвались съ своимъ проектомъ—устроить духоборцевъ заграницей, гдѣ они заживутъ своимъ „новымъ царствомъ Божьихъ людей", артелью, безъ собственности, безъ властей и законовъ, безъ повинностей и податей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь дѣйствовало и озлобленіе противъ правительства, которому толстовцы хотѣли „насолить", постаравшись выпроводить изъ Россіи тысячи полезныхъ работниковъ. Чувства эти раздѣляли и вожаки духоборъ,—озлобленные борьбою съ судомъ изъ-за Сиротскаго дома и съ властью изъ-за ссылки Веригина. Духоборческая темная толпа, искони покорная главарямъ своимъ, пріученная на все смотрѣть глазами своихъ верховодовъ, слѣпо отдалась

водительству духоборческихъ „Моисеевъ и Аароновъ".

Насколько извѣстно, самъ Л. Н. Толстой на первыхъ порахъ невполнѣ раздѣлялъ мысль о переселеніи. Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ называлъ эту мѣру измѣною принципу непротивленія злу государственности и малодушнымъ уклоненіемъ отъ идеала истиннаго христіанина, который долженъ быть терпѣливымъ страдальцемъ за „истинныя начала жизни". Послѣдователи основательно упрекнули въ бездѣйствіи и малодушіи своего учителя, восхищающагося, сидя въ барскомъ имѣніи, стоицизмомъ духоборовъ, выносящихъ на своей собственной шкурѣ всѣ житейскія невыгоды анархическихъ экспериментовъ его философіи. Графъ, повидимому, устыдился упрековъ и писалъ, что онъ радъ бы понести всѣ лишенія и превратности не завидной доли пострадавшихъ своихъ поклонниковъ, какъ нѣкое искупленіе за прежніе барскіе свои грѣхи, хотѣлъ бы лѣсъ и землю отдать крестьянамъ, какъ это сдѣлалъ кн. Д. А. Хилковъ, да всему помѣха—доля праотца Адама, искушеннаго Евой... [1])

Извѣстіе о переселеніи духоборцы встрѣтили съ радостью. Нужно замѣтить, что у духоборъ-постниковъ съ самаго начала духоборческаго движенія дорогою мечтою какимъ то болѣзненнымъ призракомъ была мысль о выселеніи куда-то на востокъ, въ невѣдомыя страны, чтобы тамъ составить свое царство подъ главенствомъ Петруши, который, по убѣжденію духоборъ, непремѣнно, когда придетъ время, долженъ явиться за ними на бѣломъ конѣ и освободить своихъ дѣточекъ „отъ плѣна русскаго", вывести подальше отъ земли халдейской, т. е. отъ ненавистной правительственной партіи духоборъ (Горѣловкой). Была составлена даже, молитва объ освобожденіи духоборъ отъ Вавилонскаго плѣна русскаго царя Навуходоносора; духоборки наивно просили послѣдователей противныхъ партій, чтобы и тѣ молились, чтобы Гос-

[1]) „Миссіонерское Обозрѣніе" 1898 г. 1 т. 702—703 стр.

подь помогъ имъ скорѣе выселиться „кучею“ и собраться всѣмъ „во едино ново мѣсто“, зажить тамъ своимъ царствомъ, при этомъ обѣщали, въ случаѣ скораго исполненія такихъ молитвъ, предоставить молящимся „объ исходѣ изъ Египта“ свои пожитки.

Насколько мысль о переселеніи куда-то на востокъ завладѣла умами духоборъ-постниковъ, являясь своего рода idee fixe, можно судить изъ слѣдующаго. Однажды въ д. Башкичетахъ какой-то шутникъ, зная, что сосѣди его постники помѣшались на ежеминутномъ ожиданіи появленія Петруши и переселенія на востокъ, такъ что бабы ложились даже и спать одѣтыя попраздничному,—ночью, одѣвшись въ бѣлый бешметъ и сѣвъ верхомъ на сѣраго коня (такъ ѣздилъ, обыкновенно, Петруша и у многихъ духоборъ къ такомъ видѣ имѣются фотографическіе снимки его), проскакалъ по слободѣ, а затѣмъ, подъѣхавъ къ дому самаго фанатичнаго постника, постучалъ въ окно и прокричалъ: „Вася, время на востокъ, спѣшите“! Съ этими словами шутникъ помчался въ горы. Мигомъ постники поднялись на ноги, сѣли кто верхами, кто на фургонахъ,—и помчались по направленію за бѣлымъ вѣстникомъ въ горы, гнались долго, запалили лошадей, пока не обнаружилась злая шутка... Въ массѣ ходили легенды, что тамъ, куда „христіане всемірнаго братства“ будутъ по Божьей милости, по Петрушину велѣнью, переселены,—манна-печеный хлѣбъ на деревѣ растетъ, тамъ одежды неизносимыя, и что послѣ нихъ Кавказъ будетъ горѣть, „неписанные“ (вторая партія) и халдеи горѣловцы (первая партія) почернѣютъ и будутъ скитаться, какъ тѣнь, пока не обновятся, т. е. не сдѣлаются постниками.

Большія надежды возлагали духоборы-постники на графа Л. Н. Толстого. На вопросъ, на какой счетъ они будутъ переселяться, они увѣренно отвѣчали, что русскіе и граничные братья могутъ доставить на 30 лѣтъ средствъ

содержанія, а „грахъ Толстовъ“ обѣщаетъ на свой счетъ перевезти всѣхъ заграницу. Гр. Толстой слылъ у духоборъ за друга и агента (ангела) Петруши. Послѣдній, находясь въ Москвѣ при переселеніи на востокъ (вѣроятно, при пересылкѣ изъ Шенкурска въ Обдорскъ) далъ яко-бы гр. Толстому наставленіе, какъ дѣйствовать; и вотъ, гр. Толстой и дѣйствуетъ,—онъ имѣетъ силу у всѣхъ государей... [1])

Съ восторгомъ принявъ мысль о переселеніи заграницу, духоборы поспѣшили испросить на этотъ новый шагъ разрѣшеніе правительства. Послѣднее, чтобы прекратить безцѣльную борьбу съ упорствомъ фанатизированной темной массы, а, главное, чтобы освободить спокойное населеніе духоборья отъ мятежной части, рѣшило не препятствовать заграничной эмиграціи духоборъ-постниковъ. При этомъ, духоборамъ было объявлено, что они, выѣхавъ заграницу, не могутъ уже послѣ возвращаться въ отечество, что земли, надѣленныя имъ отъ казны, ихъ усадьбы и дома, которые построены (въ Карской области) при пособіи правительства, остаются въ пользу казны. [2])

Заграницей съ энергіей вели дѣло пріисканія удобныхъ для поселенія духоборъ земель и потребныхъ средствъ кн. Д. Хилковъ и В. Чертковъ, поддерживаемые самымъ живымъ образомъ со стороны Л. Н. Толстого. Явленіе это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что толстовцы являются единственными виновниками всего пережитаго духоборцами переворота и цѣлаго ряда тяжелыхъ экономическихъ страданій.

Какъ только выяснилась возможность эмигрировать, духоборы выслали въ Англію, гдѣ проживали кн. Хилковъ и В. Чертковъ, двѣ семьи своихъ ходоковъ—Ивина и Махортова. Теперь началась лихорадочная, торопливая

---

[1]) „Миссіонерское Обозрѣніе“, тамъ же, 709—710 стр.

[2]) В. Скворцовъ. „Миссіонерск. Обозр.“ 1899 г. т. 1. 322 стр.

дѣятельность по устройству эмиграціи, какъ можно скорѣе. Возбужденная фантазія развивала многія плѣнительныя картины объ устройствѣ въ странѣ свободы общины по новѣйшей теоріи толстовства. Два друга—Хилковъ и Чертковъ заспорили о выборѣ страны: Хилкова тянуло въ Новый Свѣтъ, въ страну свободы, Чертковъ останавливался на Англіи. Рѣшено было водворить духоборовъ на островѣ Кипрѣ, который принадлежитъ англичанамъ. Главная выгода казалась въ томъ, что военная служба здѣсь не обязательна и, кромѣ того, Кипръ сравнительно гораздо ближе къ Кавказу, чѣмъ другія подходящія мѣста, и переѣхать туда стоитъ много дешевле, чѣмъ переѣхать, напр. въ Америку или въ Канаду. [1])

Но пока производились развѣдки, духоборы, страстно жаждая переселенія, просили торопиться съ водвореніемъ и грозили перейти границу въ Турцію и тамъ выжидать дальнѣйшаго. Это заставило пылкихъ, но легкомысленныхъ ходатаевъ поспѣшить, минуя формальности по сношенію съ мѣстною властью, съ наймомъ пароходовъ для разселенныхъ въ Кахетіи постниковъ. Такъ какъ денежныхъ средствъ для переселенія было недостаточно, то обратились всюду съ призывомъ къ пожертвованіямъ. На призывъ первыми отозвались квакеры, которые образовали комитетъ для переселенія духоборовъ и собрали около 50.000 руб. Тогда же отпечатаны были воззванія на англійскомъ языкѣ въ 8000 экз. и посланы въ каждое квакерское семейство въ Англіи. Л. Н. Толстой также выступилъ съ воззваніемъ о помощи въ одной англійской газетѣ; онъ же обращался въ Кіевъ къ извѣстнымъ милліонерамъ евреямъ съ любезнымъ письмомъ и просьбой о пожертвованіи. Кромѣ того, послали письма квакерамъ въ Америку, представителямъ меннонитскихъ колоній въ Соединенныхъ Штатахъ, прося ихъ сдѣлать извѣстнымъ положеніе духоборъ среди ихъ колоній.

[1]) Тамъ же, 323 стр.

У разселенныхъ духоборовъ, о которыхъ толстовцы плакались въ печати, какъ о голодающихъ, было собрано около 47 тысячъ р. Англичане, друзья Л. Н. Толстого, живущіе въ колоніи въ Эссексѣ, дали 5,000 р.; всего собрано было 102 тысячи.

Между тѣмъ, возбужденные духоборы приготовились къ выселенію и настойчиво домогались немедленнаго переѣзда. Измученные ожиданіемъ „земли обѣтованной“, неопредѣленностью и тяжестью своего соціальнаго положенія, разселенные духоборы рады были скорѣе пуститься въ путь на ново селье. „Хоть гірше, да инше,“ отвѣчали они на предупрежденія малороссійской поговоркой.

На совѣтъ „заморскихъ ходатаевъ“ быть терпѣливыми, духоборы отвѣчали: „зимовать намъ не причемъ, лошадей и фургоновъ нѣтъ, все распродано... Всѣ собраны къ желѣзной дорогѣ, (ст. Скра), по квартирамъ тѣснс, заработковъ мало. За паспорты деньги уплочены, въ ожиданіи первой очереди движенія“. [1])

Но вотъ, когда все было готово къ переѣзду Ахалкалакскихъ духоборъ, нанятъ пароходъ и партія переселенцевъ двинулась уже въ путь, неожиданно для ходатаевъ дѣло осложнилось и затормозилось. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ органовъ англійской печати, высказавшихъ опасеніе, чтобы анархизмъ духоборовъ не привелъ мѣстную власть къ тѣмъ столкновеніямъ съ новоселами, которыя испытали русскія власти, англійское правительство не разрѣшило произвести высадку духоборовъ, требуя предварительно внесенія гарантіи въ суммѣ около 250 р. за каждаго переселенца. Послѣ переговоровъ съ Кипрскимъ губернаторомъ, сумма эта была понижена до 150 р., но все же она тормозила дѣло и приводила въ бѣшенство непротивленцевъ. Между друзьями—Хилковымъ и Чертковымъ произошло серьезное недоразумѣніе и взаимное

[1]) Тамъ же, 325 стр.

обличеніе въ увлеченіи и легкомысліи. Въ такомъ критическомъ затрудненіи выручили духоборцевъ квакеры,— они поручились англійскому правительству за 1,100 духоборъ, бывшихъ уже на пути, которые и были перевезены на о. Кипръ осенью 1897 г.

Однако, на о. Кипрѣ переселившихся духоборъ скоро постигло страшное разочарованіе. Климатическія условія оказались неблагопріятными: при изнурительномъ зноѣ свирѣпствовала лихорадка, духоборы начали часто болѣть и умирать, такъ что многіе изъ нихъ сложили кости свои на о. Кипрѣ. Заработковъ здѣсь было мало, а мѣстныя власти предъявили къ эмигрантамъ, съ своей стороны, нѣкоторыя требованія, которыя такъ ненавистны были имъ въ Россіи. Рѣшено было не осѣдать здѣсь, а искать болѣе удобнаго мѣста для поселенія.

Теперь дѣло взялъ въ свои руки кн. Хилковъ, который, въ сопровожденіи двухъ ходаковъ изъ духоборъ— Ивина и Махортова, отправился въ Америку.

Въ теченіе зимы 1898 г. ходаки вели развѣдки въ Америкѣ: остановлено было вниманіе на Амазонскихъ штатахъ въ Бразиліи и на Канадѣ. Тогда же въ Америкѣ, по просьбѣ г.г. Черткова, Хилкова и Л. Н. Толстого, образовался комитетъ для сбора пожертвованій, который входилъ въ сношеніе съ подлежащими властями объ отводѣ земли духоборамъ и объ отпускѣ субсидіи со стороны правительства Канадскаго. Выборъ палъ на Канаду, во-первыхъ, потому что климатъ холодный и суровый и земля болѣе подходитъ къ мѣстамъ Кавказской осѣдлости духоборъ, во 2-хъ, потому что здѣсь имѣется колонія меннонитовъ и другихъ выходцевъ изъ Россіи по религіозно-сектантскимъ и политическимъ мотивамъ—около 20 т.; въ 3-хъ, потому что Канада находится подъ властью англичанъ, которые, казалось „ходатаямъ“, болѣе всѣхъ другихъ любятъ свободу, и потому духоборческо-толстовская колонія могла невозбранно про-

вести здѣсь въ жизнь всѣ свои соціально-анархическіе эксперименты. [1])

Нужно замѣтить, что правительство Канады употребляетъ всѣ усилія для привлеченія заграничной эмиграціи. Ни одна страна не обладаетъ такой обширной, такой развѣтвленной и энергичной эмигрантской агентурой: комиссары Канады наводняютъ всю Европу, Америку, даже Австралію, Китай и Японію. Въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ содержится свыше 250 эмиграціонныхъ агентовъ, получающихъ или опредѣленное жалованье, или коммиссіи за всякаго присланнаго ими эмигранта. Ловкіе агенты эмиграціоннаго комитета Канадской желѣзной дороги завлекли въ Канаду и духоборческихъ ходаковъ съ кн. Хилковымъ во главѣ, которые и вступили въ переговоры съ генеральнымъ комиссаромъ эмиграціи г. Макъ Клири. Макъ Клири, живя въ г. Винипегѣ, столицѣ Манитобы, посредствомъ подчиненныхъ ему агентовъ, завѣдывалъ заселеніемъ провинцій Манитобы, Ассинабойи и Саскачевана. Онъ принадлежалъ къ членамъ, такъ называемой, либеральной партіи, стоявшей у власти и поставившей своей задачей быстрое заселеніе западныхъ территорій Канады, несмотря ни на какіе расходы и преграды. Это объясняется тѣмъ, что либеральная партія состоитъ изъ банкировъ, капиталистовъ, мануфактористовъ,—словомъ людей, вложившихъ свои британскія деньги въ этихъ провинціяхъ и всѣми силами стремившихся остановить обезцѣненіе своей собственности и неизбѣжные иначе убытки. Они рѣшили заселить ихъ искусственно, заселить несмотря на ихъ непригодность къ болѣе густому заселенію, и уплачивая расходы по такому заселенію налогами на мѣстное населеніе. [2])

Въ виду этого, духоборческимъ соглядатаямъ слѣдова-

[1]) Тамъ же. 326 стр.

[2]) П. А. Тверской. Духоборческая эпопея. 1900 г. 60 стр.

ло бы отнестись къ переговорамъ о переселеніи въ Канаду съ большой внимательностью. Но два духобора, сопровождавшіе князя, какъ не знающіе языка и условій мѣстной жизни, естественно, были лишь автоматами въ рукахъ сіятельнаго опекуна кн. Хилкова, а кн. Хилковъ оказался чловѣкомъ непрактичнымъ, дѣйствующимъ и судящимъ обо всемъ съ узко-сектантской точки зрѣнія. Такъ, осмотръ намѣченныхъ въ Канадѣ для поселенія земель производился зимою, когда, слѣдовательно, духоборческіе соглядатаи ничего не могли видѣть, еслибы даже и хотѣли, относительно почвы и другихъ условій хозяйственнаго быта будущихъ поселенцевъ. Кромѣ того, кн. Хилковъ не обращалъ ровно никакого вниманія на мѣстныя условія быта и жизни и выбиралъ найболѣе пустынную мѣстность, заботясь, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы она была удалена отъ городскихъ соблазновъ и „тлетворной цивилизаціи“. При выборѣ мѣста для поселенія, онъ обращалъ вниманіе только на то, чтобы духоборы были возможно болѣе изолированы отъ всякаго сторонняго вліянія и могли бы сохранить свои начала жизни, чтобы не соблазнялись никакими другими занятіями, кромѣ земледѣлія и скотоводства,—однимъ словомъ, чтобы не избаловались. Поэтому, участки земли, отведенной для поселенія духоборцевъ, оказались на разстояніи 30-60 англійскихъ миль, т. е. 45-90 верстъ и даже болѣе, отъ ближайшаго города Іорктона, къ которому идетъ вѣтвь Канадской тихоокеанской желѣзной дороги.—Администраціи же Канадской желѣзной дороги было на-руку заселить тѣ необозримыя пустыни, гдѣ никто изъ здравомыслящихъ людей никакъ не хотѣлъ осѣдать, опасаясь погибнуть съ голоду и отъ безработицы. Генеральный комиссаръ эмиграціи г. Макъ Клири на вопросъ, почему духоборцы поселены такъ далеко отъ желѣзной дороги и такъ скученно, отвѣтилъ:

„Въ этомъ я совершенно не виноватъ. Я предлагалъ

князю Х. поселить ихъ вблизи отъ Іерткона, и тамъ каждая нечетная секція [1]) принадлежитъ правительству, и могла бы быть отведена имъ на тѣхъ же условіяхъ; но они требовали поселенія отдѣльно и вдали отъ города и сосѣдей и непремѣнно всѣмъ вмѣстѣ, безъ перемежающагося владѣнія по возможности. Выборъ всецѣло принадлежитъ князю Х.,—онъ требовалъ и скученности, и удаленности, дабы духоборы не подвергались внѣшнимъ вліяніямъ и могли сохранить свою религію, свои общинные порядки и все остальное... Ихъ сектантскія требованія оказались сильнѣе моихъ доводовъ". [2])

Одинъ изъ духоборовъ, сопутствовавшихъ кн. Хилкову во время осмотра земли для поселеній, умный и толковый мужикъ, Махортовъ, на вопросъ, почему они выбрали такія несуразныя мѣста, отвѣтилъ довольно откровенно: „Несуразныя? Это вѣрно, плохія мѣста, это что говорить. Только вины тутъ нашей нѣтъ. Первымъ дѣломъ, пріѣзжали мы зимой, все подъ снѣгомъ. Нешто земли осматриваютъ зимой? Рази зимой что увидишь? Вторымъ дѣломъ, языка мы не имѣемъ. Ни спросить что, ни разузнать доподлинно, ничего нельзя. Что они

---

[1]) Нужно замѣтить, что вся земля въ Канадѣ раздѣлена на правильные, квадраты въ 6 миль (9 верстъ) длины и 6 миль ширины, которые называются обычно тауншипами. Каждый тауншипъ раздѣленъ на 36 секцій, изъ нихъ всѣ четныя принадлежатъ казнѣ, а нечетныя—желѣзнодорожной компаніи. Каждая секція раздѣлена на 4 гомстэда по 160 акровъ (52 десятины) въ каждомъ. Всякій иммигрантъ, прибывающій въ Канаду и достигшій 18-лѣтняго возраста, и всякая вдова съ дѣтьми имѣютъ право занять свободный гомстэдъ за плату 20 рублей. На этихъ же условіяхъ получили земельные участки и духоборы, причемъ возрастъ для нихъ былъ пониженъ до 17 л. и уплата земельныхъ денегъ отсрочена на три года. Кромѣ того, правительство вошло въ соглашеніе съ компаніей желѣзной дороги, по которому она уступила возлѣ Іорткона и Сванъ—Ривера принадлежащія ей нечетныя секціи духоборамъ по казенной оцѣнкѣ, обмѣнявъ на другія секціи. Такимъ образомъ духоборы могли избѣжать черезъ-полосицы и получить землю въ цѣлыхъ кускахъ на село. Но въ теченіе двухъ лѣтъ духоборы не закрѣпили за собой право, высказанное на словахъ. Между тѣмъ къ зимѣ 1900 г. выяснилось, что черезъ эти участки пройдетъ желѣзная дорога, цѣнность земли стала повышаться. Компанія желѣзной дороги взяла обратно устное согласіе и духоборцы должны были селиться черезъ секцію. (В. Ольховскій. „Образованіе". 1903 г. Іюль, стр. 76 и 81).

[2]) Тверской, тамъ же, стр. 86

тамъ лопочутъ, ничего не разберешь. Что барину скажутъ, то и ладно. Вотъ тебѣ и весь осмотръ. Такъ вотъ и влетѣли, какъ куръ во щи. И плачь теперь, плачь до смерти". [1])

Но это оказалось уже потомъ. На первыхъ порахъ, послѣ бѣглаго и поверхностнаго осмотра земли, съ тою же стремительностью и неменьшимъ легкомысліемъ заключены были предварительныя условія, причемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, документы составлены были неправильно, совершенно на авось, и не имѣли законной силы. Условія заключены были не для однихъ кипрскихъ духоборъ, а для всей массы изъ партіи постниковъ Карской и Елисаветпольской губ. Отъ послѣднихъ неудача съ кипрской колонизаціей, очевидно, была скрыта.

И вотъ, данъ былъ сигналъ по всему духоборью, что духоборческіе ходаки обрѣли новый рай въ Америкѣ. Агитація подняла къ эмиграціи не только разселенныхъ постниковъ, но и осѣдлыхъ, т. е. карскихъ и елисаветпольскихъ; началось новое стадное движеніе духоборъ. Все лѣто духоборы готовились къ переселенію, распродавая имущество. Настроеніе у всѣхъ было приподнятое, восторженное. Главный источникъ радости заключался въ дорогой мечтѣ, что русское правительство отпуститъ также и Петрушу Веригина въ Америку, гдѣ подъ его державою начнется новая, давно желанная жизнь, устроится настоящее „духоборческое царство". Постники не упускали случая подбивать къ эмиграціи и членовъ второй —воробьевской партіи, разсказывая самые нелѣпые толки объ ожидающихъ переселенцевъ благахъ, причемъ, пророчицы грозили, что Кавказъ и Россія погибнетъ послѣ ихъ выѣзда. Однакоже, далеко не всѣ духоборы съ легкимъ сердцемъ разставались съ кавказскою осѣдлостью. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ тѣ слезы, которыя пролиты были при выѣздѣ карскихъ и елиса-

[1]) Тамъ же, 75—76 стр.

яетпольскихъ постниковъ. Одинъ изъ очевидцевъ сообщаетъ, что плачъ мужчинъ и вой женщинъ слились въ одинъ душу раздирающій похоронный аккордъ. Буквально происходили похороны тысячи человѣкъ. И какъ ни странно, но „постники“, съ горя, рѣшились раздѣлить съ провожавшими ихъ „мясниками“ духоборами чашу горькую и до самаго Батума вегетеріанцы страшно пьянствовали. [1])

10-го Декабря 1898 г. снялся первый пароходъ съ 2029 ахалкалакскихъ духоборъ, во главѣ съ Л. А. Суллержицкимъ въ качествѣ переводчика. 22-го Декабря снялся второй пароходъ съ 1902 елисаветпольскихъ и карскихъ духоборъ. Этой партіей предводительствовалъ сынъ гр. Л. Н. Толстого Сергѣй Толстой, бывшій Чернскій земскій начальникъ. Кромѣ того, духоборъ сопровождало до двадцати интеллигентныхъ толстовцевъ, ѣхавшихъ въ качествѣ просвѣтителей темной массы и устроителей толстовскаго „Царства Божія“.

За перевозку духоборъ на о. Кипръ уплочено 11260, а двумъ пароходамъ за перевозку въ Канаду 119 тысячъ руб. Изъ нихъ лично духоборцы заплатили 113,120 руб., а остальныя деньги собраны были комитетомъ для переселенія духоборъ, куда, между прочимъ, Л. Н. Толстой пожертвовалъ весь гонораръ, полученный имъ за „Воскресеніе“, въ размѣрѣ 30 тысячъ р.

Весною 1899 были перевезены въ Канаду и духоборы, поселившіеся на о. Кипрѣ, а также еще двѣ партіи духоборъ изъ Россіи.

Всѣхъ переселившихся въ Америку духоборъ были 7400, почти всѣ они принадлежали къ партіи *вериигинцевъ-постниковъ*; духоборы же другихъ партій—*горѣловской* и *воробьевской* (около 10-ти тысячъ) остались въ Россіи.

---

[1]) „Миссіонерское Обозрѣніе“. 1899 г. 1 т. 526—527 стр.

V.

Въ Сѣверной Америкѣ, между 49 и 55° широты, расположены Канадскія провинціи Манитоба, Ассинобойя и Саскачеванъ. Во всѣхъ трехъ провинціяхъ—260,000 кв. англ. миль и меньше 200,000 жителей. Способными къ земледѣлію можно признать только южную треть Манитобы и узкую полосу въ южной Ассинобойѣ. Остальныя части этихъ провинцій и весь Саскачеванъ по своимъ климатическимъ и геологическимъ свойствамъ во многихъ пунктахъ почти равносильны тундрамъ нашей Якутской области. Зимой лютые морозы, доходящіе до 40° и даже до 50°, стоятъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ, да и лѣтомъ морозныя ночи—нерѣдкость. Зимой къ этому часто присоединяется безснѣжіе, земля трескается отъ сильнаго мороза, и абсолютная бездорожица держится по цѣлымъ мѣсяцамъ. Мѣстность бѣдна водой и растительностью. Рѣки и озера, за немногими исключеніями, очень мелководныя, всякую зиму промерзающія до дна; въ ихъ водахъ, поэтому, не могутъ существовать ни рыбы, ни лягушки, и потому размноженіе комаровъ лѣтомъ совершенно безпрепятственное, такое же какъ и въ Сибирской тундрѣ. Мѣстность представляетъ собою волнистую степь, пересѣкаемую оврагами и отчасти заросшую бреднякомъ и мелкимъ лѣсомъ—исключительно мѣстными видами осины и тополя—даже для березъ и ели климатъ слишкомъ суровъ. Земледѣліе, благодаря всему этому, является занятіемъ крайне рискованнымъ. Хотя почва довольно хорошая, климатъ настолько ненадеженъ, что полные урожаи возможны только въ исключительно благопріятные рѣдкіе годы. Кромѣ того, тутъ все дорого и все надо купить, начиная съ шапки до сапогъ и съ соли и капусты до нитокъ и бичевокъ. Ни ленъ, ни конопля рости не мо-

гутъ, ни куръ, ни овецъ съ успѣхомъ разводить нельзя. Возможно, правда, заниматься скотоводствомъ; но для того чтобы заниматься имъ съ выгодой, нужны обширные капиталы и другія условія, которыя совершенно недостижимы для мелкаго фермера [1])

По южнымъ частямъ Манитобы и Ассинабойи, на всемъ ихъ протяженіи больше, чѣмъ на тысячу англійскихъ миль, съ востока на западъ идетъ Канадская Тихоокеанская желѣзная дорога—Canadian Pacific R. R.

Отъ города Виннипега, столицы Манитобы, проведена желѣзно-дорожная вѣтвь въ глубь страны въ сѣверо-западномъ направленіи, на протяженіи 280 миль, до г. Іорктона. Первыя 60 миль по дорогѣ изъ Виннипега въ Іорктонъ идутъ по богатой земледѣльческой степи, съ безконечными пшеничными полями по обѣимъ сторонамъ дороги. Далѣе желѣзно-дорожная вѣтка круто поворачиваетъ на сѣверъ,— страна сначала постепенно, затѣмъ быстро мѣняетъ свой характеръ и внѣшній видъ. Ровная степь переходитъ въ волнистую мѣстность, полей гораздо меньше, а скоро они и совсѣмъ пропадаютъ. Желѣзная дорога проходитъ по совершенно пустыннымъ землямъ: лишь изрѣдка виднѣются кое-гдѣ одиноко стоящіе домики съ окружающими ихъ загонами для скота и длинными скирдами запасеннаго на зиму сѣна. Холмистая мѣстность, отчасти поросшая мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, все повышается. Небольшой городокъ Іорктонъ, конечный пунктъ желѣзнодорожной вѣтви, расположенъ на 1200 ф. выше главной линіи Canadian Pacific, находясь на высотѣ около 2200 ф. надъ уровнемъ моря, что само собой значительно вліяетъ на суровость климата. За Іорктономъ мѣстность еще болѣе повышается и дѣлается совершенно унылой, мертвенной. Достаточно проѣхать отъ Іорктона до первой деревни, чтобы совершенно забраковать страну

[1]) П. А. Тверской. Духоборческая эпопея. 4—6 стр.

для какого-бы то ни было земледѣлія. Встрѣчается много покинутыхъ фермъ: видно, люди пріѣзжали, строили кое-какія постройки, пожили, попытали счатья и ушли. На всемъ видимомъ пространствѣ ни кустика, ни деревца, лишь кой-гдѣ встрѣчаются мелкія, хилыя поросли осинника въ оглоблю толщиной. Немало камня и высохшихъ озеръ—мелкихъ, въ 3—4 ф. глубиной, но въ нѣсколько сотъ акровъ по пространству. Воды очень мало: на разстояніи 30 миль попадается одинъ живой ручей, да и то самый мизерный. [1])

Вотъ—та мѣстность, гдѣ по выбору кн. Хилкова, правительство Канады отвело земельныя участки для переселявшихся изъ Россіи духоборъ.

Духоборцы разселены были въ 60 деревняхъ; изъ нихъ 34 отстоятъ отъ Іорктона на разстояніи 30—60 англ. миль, т. е. 45—90 верстъ, а остальныя еще дальше —13 находятся на Лебяжьей рѣкѣ (Swan River), и 13 близъ города Принца Альберта, въ провинціи Саскачеванъ. Деревни—въ одинъ порядокъ, въ 15—30 домовъ съ низенькими мазанками, безъ потолковъ, покрытыми дерномъ, обѣленными снаружи и внутри, съ земляными полами и русскими печами. Въ нѣкоторыхъ—вся изба наружу, въ нѣкоторыхъ—онѣ опущены въ землю до подоконниковъ. Впрочемъ, русскія печи оказались совершенно непригодными, пришлось поставить чугунки, которыя зимой топятъ день и ночь. Улицы широкія, прямыя, передъ хатами устроены полисадники—все это крайне однообразно, уныло, совершенно по одному плану; даже внутреннее устройство хатъ все по одному шаблону, съ низкими нарами и русской печью съ одной стороны, чугункой посрединѣ, и лавками и столомъ съ другой. Деревни сохранили прежнія традиціонныя духоборческія названія: Тамбовка, Спасовка, Воскресенка, Терпѣніе, Горѣловка и др.

---

[1]) Тамъ-же, 71–72 стр.

Въ матеріальномъ отношеніи положеніе переселившихся духоборъ было весьма незавидное. Средства у духоборовъ были самыя маленькія, и у селенія въ сто душъ оказалось въ среднемъ одна, много двѣ пары лошадей или воловъ. Правительство Канады выдало прибывшимъ духоборамъ 50 тысячъ не въ пособіе, а какъ десятирублевую премію, на которую имѣетъ право любой агентъ (въ данномъ случаѣ сами духоборы) за каждаго колониста, могущаго содѣйствовать поднятію экономическаго уровня страны. Но деньги эти, а также привезенные духоборами небольшіе остатки отъ своихъ общественныхъ капиталовъ скоро были истрачены на насущныя нужды при первоначальномъ обзаведеніи хозяйствомъ. Въ первый же годъ духоборы успѣли вспахать и засѣять немного земли, причемъ, въ плугъ и въ борону впрягались по нѣскольку паръ мужчинъ и женщинъ, работали они, какъ волы, гуртомъ все время, всякій день, когда это было возможно, безъ всякой передышки. Но лѣтомъ и то немногое, что было посѣяно, не дало никакого урожая; огороды также сильно пострадали отъ весеннихъ морозовъ, побившихъ даже картофель. Капусту пришлось покупать по огромной цѣнѣ въ Виннипегѣ. Мужики работали все лѣто по найму или по фермахъ на югѣ, или на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ. Заработковъ едва хватало на прокормленіе семействъ. Когда же пришла зима и всякая работа прекратилась, у духоборовъ не оказалось рѣшительно никакихъ средствъ, не только все было истрачено, но духоборы успѣли задолжать за муку, за скотъ и за орудія.

Не было деревни съ долгомъ меньше, чѣмъ въ 400 долларовъ, а нѣкоторые должны были и по 1200 долларовъ. Тамошніе купцы, особенно продавцы земледѣльческихъ орудій, охотно отпускали духоборамъ свой товаръ въ кредитъ, конечно, по цѣнамъ вдвое, втрое выше цѣнъ за наличныя и подъ самыя свирѣпыя закладныя. Лоша-

дей и скотъ тоже продавали въ долгъ очень дорого; за корову, стоющую 25 долларовъ брали 40—45, за лошадь тоже почти вдвое. Они прямо смотрѣли на духоборцевъ, какъ на свою законную добычу, и говорили что такъ какъ налоги удвоились, благодаря расходамъ на нихъ правительства, то нужно же имъ какъ-нибудь вернуть эти убытки. [1])

Не смотря на всѣ старанія и усилія, какія прилагали духоборцы, все таки къ осени обнаружилось, что они не въ состояніи будутъ благополучно перезимовать эту зиму въ Канадскихъ преріяхъ. Всѣмъ духоборамъ угрожала голодная смерть, если бы на помощь не пришла частная благотворительность, выразившаяся присылкой денегъ и припасовъ на большія суммы. Имѣвшіяся подводы не поспѣвали доставлять муку изъ города на прокормъ всѣхъ,—при безснѣжіи и бездорожицѣ требовалась почти недѣля на обратную поѣздку въ городъ съ возомъ. На почвѣ истощенія появились цынга, куриная слѣпота и худосочіе. Отъ постоянной сырости и холода была масса больныхъ ревматизмомъ, доходившимъ до корчъ, немало также больныхъ воспаленіемъ легкихъ и чахоткой, отъ которой было нѣсколько смерныхъ случаевъ. Медицинской помощи абсолютно никакой, такъ какъ ближе Іорктона доктора не было. Между прибывшими интеллигентами, которые, по выраженію духоборъ, около года «путались» среди нихъ, а затѣмъ одинъ по одному изчезли, были три самоотверженныя дѣвушки-фельдшерицы, но они также скоро уѣхали, во 1-хъ, потому, что физическія условія жизни были слишкомъ тяжелы, прямо невыносимы, даже для самаго нетребовательнаго человѣка, а во 2-хъ, потому, что не было рѣшительно никакихъ медицинскихъ пособій, никакихъ лекарствъ, такъ что ихъ дѣятельность

1) Тверской, тамъ-же, стр. 79.

не могла приносить никакой пользы. Особенно сильно чувствовался недостатокъ въ водѣ; воды совсѣмъ не было, кромѣ колодезной, и то часто очень плохой. Дрова нерѣдко бабы носили на себѣ верстъ за 5—6. Однимъ словомъ, обѣтованная земля, такъ неудачно выбранная людьми неопытными неумѣлыми, дѣйствовавшими съ самымъ непростительнымъ легкомысліемъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, оказалась въ дѣйствительности совершеннымъ адомъ. [1])

Вслѣдствіе такого бѣдственнаго положенія, уже въ концѣ перваго года среди духоборцевъ возникла мысль о переселеніи изъ Канады въ мѣста болѣе удобныя. Посланы были ходаки—два духобора во главѣ съ интеллигентнымъ толстовцевъ Бодянскимъ въ Калифорнію. Здѣсь большое участіе принялъ въ судьбѣ бѣдствующихъ духоборовъ русскій выходецъ г. Тверской, проживающій въ Америкѣ почти двадцать лѣтъ. Какъ человѣкъ знакомый съ условіями жизни, съ порядками и обычаями страны, имѣющій связи съ вліятельными лицами, онъ похлопоталъ объ устройствѣ дарового проѣзда въ Калифорнію для духоборческихъ ходаковъ и самъ сопровождалъ ихъ, предлагая мѣста, найболѣе выгодныя и подходящія для духоборовъ. Но уже при осмотрѣ перваго мѣста оказалось, что дѣло это встрѣтитъ массу искусственныхъ препятствій. Мужикамъ, видимо, мѣстность нравилась, но они упорно молчали. Всѣ же рѣшенія исходили отъ одного Бодянскаго безапеляціонно, часто даже безъ возможности высказаться такъ или иначе съ ихъ стороны; онъ рѣшалъ, что имъ нужно, и они боялись противорѣчить. Бодянскій же—это былъ, по отзыву г. Тверкого, «интеллигентъ, пытавшійся осуществить свой излюбленный, крайне туманный идеалъ, и не принимавшій въ соображеніе жизненныхъ необходимостей». На переселеніе духоборовъ въ Канаду онъ смотрѣлъ, какъ на

[1]) Тамъ-же, 10—11, 82 стр.

«рожденіе великаго народа». «Переселеніе это, писалъ онъ одному крестьянину сл. Павловки, вызвано не какими-нибудь имущественными соображеніями, а единственно только желаніемъ осуществить царство Божіе на землѣ. Богъ беретъ лозу и пересаживаетъ ее на новую почву съ тѣмъ, чтобы она выросла на свободѣ, не заглушаемая посторонними растеніями и дала обильный плодъ». [1])

Руководясь сектантскими соображеніями, Бодянскій забраковалъ Калифорнію, такъ какъ это—страна барская и всѣ ея занятія—дѣло барское, продуктъ цивилизаціи, которую онъ отрицалъ, и требованій роскоши.

Элементарнѣйшія житейскія истины, неоспоримыя практическія требованія не имѣли въ его глазахъ никакой цѣны,— все подгонялось прежде всего къ тому узкому искусственно, но твердо очерченому кругу, въ которомъ стоялъ онъ самъ и изъ котораго не желалъ выпускать и мужиковъ. По его словамъ выходило, что хотя жизненныя условія духоборовъ въ Канадѣ и плохи, но они вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ, что голодная или холодная смерть не суть важны, и что, хотя переселеніе и желательно, самымъ существеннымъ пунктомъ должно быть не матеріальное обезпеченіе, а такая обстановка, которая не могла бы вредно вліять на настоящее міросозерцаніе духоборъ, какъ религіозной секты. Къ бѣдствіямъ и страданіямъ опекаемыхъ имъ духоборовъ онъ относился съ какимъ-то аскетическимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ. «Мрутъ съ голоду? Ну и пускай мрутъ. И нужно терпѣть и околѣвать. Не то народъ избалуется». [2]) Неудивительно послѣ этого, если сектантскія требованія для него были важнѣе голода и холода, и жизненныя

[1]) „Миссіонерск. Обозр." 1900 г. 2 т. 542 стр.

[2]) Тверской. Духоборческая эпопея. стр. 16.

условія, обезпечивавшія возможную изоляцію темныхъ массъ и умственный и нравственный контроль надъ ними, существеннѣе всего другого. Мѣстность, удобная для садоводства, была признана неподходящею, потому что «ростить апельсины и другіе фрукты, по мнѣнію Бодянскаго, значитъ разводить не только лишнюю, но и вредную роскошь, да и духоборы ничего не понимаютъ въ дѣлѣ ухода за фруктовыми деревьями». Мѣстность, пригодная для лѣснаго промысла, также отвергнута была, потому что «поставлять дрова, говорилъ Бодянскій, намъ совсѣмъ не съ руки; это дѣло коммерческое, которое намъ не подходитъ,—мы земледѣльцы, намъ бы вотъ посѣять пшеничку, капустки»... Наконецъ, мѣстность, удобная для земледѣлія, во время осмотра которой у мужиковъ, какъ говоритъ г. Тверской, просто «слюньки потекли, когда они увидали черную богатѣйшую землю, лоснившуюся, какъ сало, подъ пятилемешными плугами въ восемь люшадей, какъ разъ пахавшими подъ весенній посѣвъ пшеницы»,—и эта мѣстность также признана непригодною. «То-то и есть, говорилъ Бодянскій, что ужъ очень здѣсь народно, города большіе и слишкомъ близко—народа не удержать будетъ, избалуется онъ очень скоро. Намъ нужны не такія людныя мѣста, а чтобы мы сами по себѣ могли жить, вдали отъ соблазна». Однимъ изъ главныхъ затрудненій являлось то, что оказалось невозможнымъ установить хотя сколько нибудь точно и ясно то, что же, именно, требовалось. Аргументы Бодянскаго противъ различныхъ предложеній часто прямо противорѣчили одинъ другому, и когда г. Тверской указывалъ ему на эту непослѣдовательность, на эту путаницу понятій и требованій, то получалъ въ отвѣтъ, что «послѣдовательность, вообще, вредна, какъ продуктъ современной гнилой цивилизаціи, и что «всебратья» не придаютъ ей никакой цѣны. [1])

[1]) Тамъ-же, стр. 25, 29.

Но, помимо этого, дѣло переселенія духоборовъ въ Калифорнію встрѣтило еще противодѣйствіе и съ другой стороны. Оказалось, что противъ переселенія возстали прежде всего квакеры. Они написали къ ходакамъ открытое письмо, въ которомъ указывалось на помощь, оказанную квакерами духоборамъ за ихъ доброе поведеніе и въ виду того, что ихъ первоначальное устройство такъ трудно имъ давалось, и высказывалась угроза прекратить помощь, въ случаѣ переселенія, потому что тогда иные проповѣдники завладѣютъ ихъ умами и отвлекутъ ихъ отъ стези истинной. За этимъ письмомъ посылались посланія и отъ русскихъ покровителей духоборъ въ Россіи и заграницей. Наконецъ, канадское правительство, истративъ большія суммы на духоборъ, не желало ихъ отпустить; оно заблаговременно заявило свой протестъ главному комиссару эмиграціи въ Союзъ противъ впуска духоборъ, такъ какъ они, во 1-хъ, нищіе, во 2-хъ, подвержены многимъ заразительнымъ болѣзнямъ, и въ 3-хъ, законтрактованные рабочіе. [1])

Вслѣдствіе этого, дѣло переселенія духоборовъ въ Калифорнію затормозилось, и духоборы остались въ Канадѣ, претерпѣвая страшныя невзгоды и лишенія.

Второй годъ начался для духоборъ при несравненно худшихъ условіяхъ, чѣмъ предыдущій. Духоборы оказались и безъ всякихъ запасовъ, и въ долгу, и безъ надежды на большую часть той работы, которой они заняты были прошлымъ лѣтомъ. Канадское правительство, напуганное агитаціей въ пользу переселенія въ Калифорнію, обѣщало, правда, духоборамъ весеннія сѣмена даромъ, и прислало имъ нѣсколько сотъ бочекъ муки. Но какъ разъ въ это время сгорѣли два самые значительные мануфактурные города Канады—Оттава и Гуллъ. Пожаръ этотъ оставилъ безъ крова и безъ работы многія тысячи рабочихъ, которыхъ Канадское пра-

[1]) Тамъ-же, стр. 51, 53.

вительство и стало развозить по всей Канадѣ, занимая ими тѣ мѣста, на которыя разсчитывали съ открытіемъ весеннихъ работъ духоборы. Замѣчательно, что опекуны духоборъ—интеллигентные толстовцы ничего не знали ни объ этомъ пожарѣ, ни объ уничтожившей урожай пшеницы въ Южной Манитобѣ засухѣ, и все разсчитывали на эти работы. Не зная англійскаго языка, не признавая и не читая газетъ, они находились въ абсолютномъ невѣдѣніи о томъ, что дѣлается кругомъ. [1])

Такъ какъ неурожай въ южной Манитобѣ былъ повсемѣстный, то почти двѣ трети духоборъ остались все лѣто безъ всякой работы. Между прочимъ, когда въ Виннипегъ прибыло 150 человѣкъ погорѣльцевъ, то приказано было имъ дать работу немедленно, смѣстивъ, даже, для этого работавшихъ уже духоборовъ.

Въ Іорктонѣ на слѣдующія ожидавшіяся тамъ работы приказано отправить переселенцевъ Галичанъ, такъ какъ имъ совершенно нечего ѣсть, а духоборамъ помогаютъ и квакеры, и изъ Россіи. Оставаясь безъ дѣла, духоборы толпами валили въ Іорктонъ, болтаясь тамъ безъ дѣла недѣлю, другую, затѣмъ пѣшкомъ шли за 280 миль въ Виннипегъ, голодая иногда дней по 5—6; почти на каждой станціи можно было видѣть ихъ своеобразныя кучки, а также и на улицахъ Виннипега.

Помимо безработицы, много приходилось испытывать духоборамъ притѣсненій и со стороны мѣстнаго населенія, которое недружелюбно встрѣтило новыхъ переселенцевъ, видя въ нихъ конкуррентовъ въ борьбѣ за существованіе. Нужно замѣтить, что мѣстное населеніе въ отношеніи къ эмиграціи раздѣляется на двѣ партіи—на защитниковъ и противниковъ искусственной эмиграціи. Къ первой принадлежатъ: купцы, чиновники, всякаго рода дѣловые люди,—словомъ представители капитала, въ этой мѣстности такъ или иначе затраченнаго. Боль-

[1]) Тамъ-же, стр. 55.

шинство же населенія, всѣ рабочіе элементы, не только относятся отрицательно къ идеѣ эмиграціи, но и съ предубѣжденіемъ и даже съ ненавистью къ самимъ переселенцамъ. Еще раньше духоборцевъ, въ 1897 году около Іорткона Виннипегскіе «либералы» свалили въ кучу слишкомъ 4 тысячи Галичанъ, которые бѣдствуютъ тамъ не меньше, чѣмъ и духоборы. Ни Галичане, ни духоборы не считаются бѣлыми людьми; ихъ ставятъ на одну доску съ довольно многочисленными здѣсь индѣйцами и half breeds—помѣсью этихъ послѣднихъ съ бѣлыми; къ нимъ существуетъ тоже отношеніе, что и къ неграмъ на югѣ американскаго союза. Въ глазахъ мѣстнаго населенія они—низшая раса. Галичане абсолютно нищіе, притомъ, стоящіе на низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія, неспособные понять требованій американскихъ рабочихъ, побуждаемые хроническимъ голодомъ сразу спустили весьма значительную мѣстную заработную плату, до ихъ пріѣзда довольно высокую, и сразу возстановили противъ себя все мѣстное рабочее населеніе. Къ нимъ затѣмъ присоединились духоборы въ еще большемъ числѣ, съ своими принципами непротивленія злу и положительнымъ отказомъ обращаться въ судъ за обиду, притѣсненія, недоплату и не разсчетъ хозяиномъ. Въ результатѣ получилось ужасающее положеніе дѣлъ. Соблазнъ оказался не подъ силу, даже, обыкновенно честному и высоко въ нравственномъ отношеніи стоящему коренному канадскому населенію—мѣстнымъ скотоводамъ. Не разсчитать, обидѣть и даже побить духобора сдѣлалось самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. [1]) Съ теченіемъ времени, при разсчетахъ за работу, духоборовъ стали обсчитывать все болѣе и болѣе, обсчитывали одиночекъ, обсчитывали цѣлыя партіи. Въ каждой деревнѣ бывали случаи когда рабочіе, въ особенности подростки, прогонялись хозяевами послѣ нѣ-

[1]) Тамъ же, 65—66 стр.

сколькихъ мѣсяцевъ безъ копѣйки денегъ. На желѣзнодорожныхъ работахъ съ духоборами обращались прямо по звѣрски: надсмотрщики стояли сзади и, чуть что, выхватывали лопату изъ рукъ рабочаго и били по спинѣ и по чему попало.

Когда г. Тверской, лично посѣтившій духоборческія поселенія и собравшій не мало подобнаго рода фактовъ, изложилъ ихъ въ разговорѣ съ генеральнымъ комиссаромъ эмиграціи г. Макъ Клири, то послѣдній только безпомощно развелъ руками и сказалъ: «я самъ зналъ все это, но что-же прикажете съ ними дѣлать, когда они не хотятъ идти въ судъ и показывать? Я тутъ совершенно ни причемъ, при всемъ моемъ желаніи помочь имъ. А негодяевъ и у насъ, какъ и вездѣ, очень много и я думаю, что духоборы ваши прямо деморализуютъ своими нелѣпостями и нашъ народъ. До ихъ пріѣзда такіе факты были у насъ невозможны.“ 1)

Въ одной изъ корреспонденцій въ такомъ видѣ рисовалась мрачная картина положенія духоборовъ въ Канадѣ, въ которое они попали вслѣдствіе особенностей своихъ религіозныхъ воззрѣній. „Отрицаніе духоборами судебныхъ тяжбъ, ихъ кротость и всепрощеніе по отношенію къ ближнимъ нисколько не трогаютъ канадскихъ фермеровъ. Они издѣваются надъ невѣждами- фанатиками, бьютъ ихъ, не платятъ условленной за ихъ работы платы, крадутъ съ духоборческихъ полей и огородовъ, вырубаютъ ихъ лѣсные участки; выгоняютъ свой скотъ на ихъ луга,—и все это совершенно безнаказанно, такъ какъ духоборы не жалуются. Никакія уговоры мѣстныхъ властей подать въ судъ, заявить претензіи на ихъ обидчиковъ не дѣйствуютъ. Они не хотятъ даже понять, что являются въ этихъ случаяхъ развратителями населенія, хотя и неумышленными, но, тѣмъ не менѣе, фактически очевидными“.

1) Тамъ-же, 67 стр.

Среди англичанъ находилось много такихъ, которые просто глумились надъ духоборами, въ особенности это случалось на работахъ, гдѣ иногда духоборцевъ положительно изводили: плевали въ кашу, въ чай, не давали спать, клали въ супъ мясо и пр. и пр. Дѣлалось это для того, чтобы вызвать со стороны духоборцевъ сопротивленіе. Но духоборцы, вѣрные закону „не противься злому насиліемъ“ съ внѣшнимъ смиреніемъ переносили все это, возмущаясь и негодуя въ разговорахъ. Многихъ все это сильно озлобило противъ англичанъ. „Мы—то думали, что въ Канадіи никакихъ безобразій нѣтъ, а тутъ на тебѣ, другой разъ хуже, чѣмъ на Кавказѣ.» [1])

Когда духоборцы переселялись въ Америку то предъ ними предносился идеалъ жизни „общественной“ (общинной), жизни „сообща“. Идеалъ этотъ начертанъ былъ въ одномъ изъ писемъ Петра Веригина, въ которомъ ихъ „руководитель“ давалъ совѣты относительно устройства будущихъ поселеній въ Канадѣ. Любопытно, что письмо это духоборцы выучили наизусть, и когда при переселеніи въ Канаду, на пароходѣ, „Lake Huron“, ихъ спрашивали, какъ думаютъ тамъ устроиться, то всѣ они, отъ подростка до стариковъ, отвѣчали буквально въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, цитируя на-память письмо Веригина. [2]) Планъ, указанный въ письмѣ, пунктуально былъ выполненъ духоборцами въ той его части, которая касалась внѣшней стороны: широкая улица, обсадка деревьями и т. д. Что же касается жизни „общественной“, то далеко не всѣ послѣдовали этому совѣту. Только $^1/_4$ духоборцевъ, переселившихся въ Канаду, повела здѣсь общинное хозяйство, остальные же жили хозяйствами частными и временно-общинными.

Частными хоязяйствами, въ большинствѣ случаевъ, поселились найболѣе состоятельные духоборцы. Это бы-

1) В. Ольховскій „Образованіе“ 1903 г. Іюль 65—66 стр.

2) В. Ольховскій „Образованіе“ 1903 г. Іюнь 102 стр.

ли, по преимуществу, елисаветпольскіе и карскіе духоборцы, поселившіеся, какъ на южномъ участкѣ іорктонскихъ поселеній, такъ въ особенности на землѣ Принцъ Альберта. Но они все таки сохранили еще нѣкоторые общинные остатки. Такъ, напр., почти во всѣхъ деревняхъ съ частными хозяйствами существовала общая запашка. Въ этомъ стремленіи къ общинному началу, кромѣ естественныхъ условій края, объединявшихъ духоборцевъ на борьбу съ природой, несомнѣнно, играли не малую роль и свойственныя духоборамъ традиціи „общей жизни", принесенныя ими съ Кавказа. Однако, уже въ первый годъ поселенія часть духоборцевъ въ Канадѣ запахала не въ одной межѣ, а каждый хозяинъ на своемъ участкѣ. Кромѣ того, на землѣ Принца Альберта осенью 1899 г. десять семей заняли фермерскіе участки и повели совершенно обособленное хозяйство. На второй годъ частновладѣльческое хозяйство значительно увеличилось. Такъ, на сѣверномъ участкѣ число частныхъ хозяйствъ съ 2 поднялось до 13-ти. На озерѣ Добраго Духа всѣ 11 селеній этого района перешли къ формѣ частнаго хозяйства, при чемъ четыре изъ нихъ выдѣлились совершенно въ отдѣльныя фермы. Въ землѣ Принца-Альберта къ концу 1900 г. всѣ духоборческія селенія вели уже частное подворное хозяйство и замѣчалось выселеніе отдѣльныхъ хозяйствъ изъ деревень и переходъ на отдѣльные участки, т. е. переходъ на чисто фермерское вполнѣ обособленное хозяйство.

Въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ основались частныя хозяйства, съ перваго же года жизни въ Канадѣ была замѣтка зависимость бѣдняковъ отъ богатыхъ самостоятельныхъ хозяевъ духоборцевъ. Нѣкоторые изъ принцъ-альбертовскихъ богачей наняли себѣ въ рабочіе своихъ же „братьевъ" безлошадныхъ, бѣдняковъ, имѣющихъ только голые надѣлы, которые нечѣмъ было обрабатывать. И эти богачи ставили довольно тяжелыя условія тѣмъ изъ

бѣдняковъ, которымъ предоставляли во временное пользованіе для обработки полей своихъ лошадей и полевыя орудія. Вообще, надо сказать, что на ряду съ чувствомъ широкой филантропіи, которая свойственна духоборцамъ „ради души спасенія“, въ обыденной жизни у многихъ, особенно у тѣхъ, которые стремятся перейти на частный способъ веденія хозяйства, уживается страстное поклоненіе собственности, и не только поклоненіе, но и стремленіе ко все большему пріобрѣтенію и накопленію богатства. Къ 1 Января 1900 г. всѣхъ духоборцевъ, ведущихъ въ Канадѣ частное хозяйство, насчитывалось 2215 душъ. [1])

Почти половина всѣхъ духоборцевъ, переселившихся въ Канаду, жила временными общинами. Большинство членовъ такъ называемыхъ „временныхъ общинъ», пріѣхавъ въ Канаду, были твердо узѣрены, что они навсегда соединяются на «общую» жизнь. Имъ хотѣлось выполнить вытекавшее изъ религіозно-общественныхъ воззрѣній стремленіе «жить сообща», «по христіански». Но весь укладъ Канадской жизни, всѣ нравы и обычаи страны шли въ разрѣзъ съ этимъ стремленіемъ. Новыя условія жизни властно придавливали наименѣе духовно сильныхъ изъ духоборцевъ, подчиняя ихъ общему уровню существующихъ частно-владѣльческихъ отношеній, разстраивали всѣ ихъ начинанія и, наконецъ, убѣдили ихъ самихъ, что большинство изъ образовавшихся общинъ временны, обречены на скорую погибель, что ихъ братья не въ силахъ выдержать высокихъ требованій христіанской жизни. Конечно, были и такія общины, члены которыхъ повели общественное хозяйство только потому, что въ первое время по переселеніи жить въ одиночку, надѣясь только на свои силы, имъ было совершенно не возможно. Средствъ нѣтъ, нѣтъ орудій производства, нѣтъ избъ и необходимыхъ надворныхъ построекъ: нужно пахать,

[1]) В. Ольховскій „Образованіе“ 1903 г. іюнь 80—83 стр.

косить, возить сѣно, лѣсъ, муку изъ города для пропитанія,—а въ селеніи на 100—150—180 душъ всего на всего одна пара лошадей и столько же быковъ. Само собой разумѣется, эти трудныя обстоятельства заставили бѣдняковъ объединиться и производить различныя работы сообща.

Эти общины, соединившіяся временно по нуждѣ, сначала жили все-таки дружно, но по мѣрѣ пріобрѣтенія отдѣльными хозяйствами денегъ и частной собственности вообще, стали стремится къ разъединенію.

Кромѣ этихъ причинъ, была еще одна, которая удерживала многихъ долгое время въ общинѣ. Дѣло въ томъ, что большинство жертвователей (квакеры и др.) помогали только тѣмъ, кто жилъ общиной; узнавъ это, многіе изъ духоборцевъ, считая для себя выгоднымъ получать «жертву», остались до поры до времени жить въ общинѣ. [1])

Отличіе хозяйствъ частныхъ отъ временно общинныхъ весьма малое. Частныя хозяйства, въ большинствѣ случаевъ богаче, самостоятельнѣй; въ нихъ отношенія сельчанъ болѣе опредѣленны. Временно-общинники закупали хлѣбъ сообща и дѣлили его или по душамъ,—это чаще,—или, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, по количеству работниковъ. На работы они выставляли рабочихъ отъ каждой семьи. Въ нѣкоторыхъ такихъ общинахъ были установлены временныя общественныя должности, напримѣръ, кучеръ, представитель на съѣздкахъ и пр. Но были и такія, въ которыхъ за лошадьми и быками смотрѣли по очереди отъ каждаго двора и по очереди ѣздили на на нихъ въ городъ за мукой и пр. Въ такихъ общинахъ скотина находилась въ самомъ жалкомъ состояніи и бывали случаи, когда она вся пропадала, не имѣя правильнаго ухода за собой. Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ временно- общинниковъ строили избы общими силами всей

) Тамъ же, 84 стр.

деревни, а потомъ поконались: кому какая изба досталась, въ той тому и жить. Въ другихъ каждая семья строила сама себѣ отдѣльно и, конечно, вышло такъ, что маломочныя семьи, въ которыхъ мало рабочихъ, а много дѣтей, больныхъ и стариковъ, обстроились хуже тѣснѣй и холоднѣй. По первое января 1900 г. въ Канадѣ временными общинами жили тридцать деревень имѣвшихъ населеніе въ 3574 человѣка.

Общинный способъ веденія хозяйства и проведеніе общинныхъ принциповъ въ частную жизнь встрѣчался сравнительно у малаго числа духоборцевъ. Къ первому января 1900 г. общиною жили въ Канадѣ 1605 духоборцевъ, т. е. немногимъ больше, чѣмъ $^1/_4$ всѣхъ переселенцевъ. Всѣ эти общины можно было подраздѣлить на два типа: одинъ—общины, придерживающіяся коллективнаго способа производства; другой—общины, которыя внутреннее устройство своей жизни построили на принципахъ полнаго коммунизма. У первыхъ существуютъ общность производства, общность орудій труда и инвентаря, но продуктъ дѣлится подушно, и разъ раздѣленъ, онъ является полною собственностью. У вторыхъ же весь продуктъ, какъ производимый своимъ трудомъ, такъ и купленный на деньги, находится въ общественныхъ кладовыхъ и выдается всѣмъ по потребности. Обработка полей, постройка хатъ и вообще все хозяйство производится сообща. Въ такихъ общинахъ замѣтно стремленіе даже къ общей трапезѣ и пр. [1])

Характерно, что большинство изъ тѣхъ духоборческихъ общинъ, которыя вели свои хозяйства, не признавая частной собственности и проводя коммунистическое начало до послѣднихъ мелочей, какъ разъ несли съ собой найбольшее стѣсненіе отдѣльной личности, подчасъ совершенно подавляя ее. Авторъ ст. «Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ» имѣвшій случай подробно наблюдать

[1]) Тамъ-же, стр 89.

жизнь общины Благодареніе, сообщаетъ слѣдующее. «Эта община, можетъ быть, найболѣе устойчивая, и очень вѣроятно, что она просуществуетъ дольше другихъ. Но я долженъ здѣсь же сказать, что болѣе тажелой атмосферы, чего то давящаго, щемящаго, тусклаго, я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ духоборческихъ селеній сѣвернаго и южнаго участка іорктонскаго района. Здѣсь сектантскій фанатизмъ такъ и сквозитъ вездѣ, виситъ надъ вами. Благодаренцы — это самые нетерпимые люди по отношенію къ тѣмъ изъ своихъ же братьевъ духоборцевъ, которые въ чемъ бы то ни было отступили отъ ихъ духоборческаго обряда и обычая, или отъ предписаній духоборческаго руководителя Петра Васильевича Веригина. Мнѣ какъ-то пришлось ночевать въ Благодареновкѣ; со мной были нѣсколько человѣкъ духоборцевъ съ сѣвернаго участка,—такъ называемые «холодненскіе» духоборцы, мало знающіе своихъ карскихъ братьевъ Одинъ изъ моихъ спутниковъ имѣлъ родственниковъ по женѣ въ этой общинѣ и онъ, по духоборческому обряду, пошелъ поздороваться съ своимъ «сродствіемъ» и передать поклонъ отъ жены. Расцѣловавшись со всѣми бывшими въ хатѣ и поздоровавшись по обычаю, онъ разговорился съ своими родственниками. Изъ разговоровъ благодаренцы узнали, что онъ, какъ и многіе другіе изъ сѣверянъ, сталъ ѣсть рыбу. «Почему же ты намъ раньше этого не сказалъ? Развѣ мы стали бы съ тобой цѣловаться?» накинулись на него благочестивыя благодаренскія бабы. Уѣзжая, онъ уже не цѣловался съ ними. „Небось и сейчасъ рыбой воняетъ»... говорила ему родня, брезливо сплевывая набѣгавшую слюну... [1])

Во главѣ общинъ, ведущихъ общинное хозяйство, стояли люди найболѣе энергичные, твердо и страстно вѣрящіе всей духоборческой премудрости и фанатично настроенные ко всѣмъ отступникамъ отъ обряда «изъ сво-

1) Тамъ-же, стр. 93.

ихъ». Они употребляли всѣ усилія, чтобы спасти гибнувшія общины и направить народъ на прежній «путь истины». Одинъ изъ нихъ, Василій Потаповъ, представитель «кипрскихъ» духоборцевъ, жившихъ на южномъ участкѣ іорктонскаго района, предпринялъ попытку устройства жязни въ Канадѣ вполнѣ «по христіански». На одной изъ общихъ «съѣздокъ» южнаго участка, бывшей въ іюнѣ 1899 г., онъ предложилъ всѣмъ своимъ братьямъ жить сообща, имѣя общую духоборческую кассу, общіе амбары, склады и проч. Съѣздка присоединилась къ этому предложенію кипрскихъ духоборцевъ и препроводила свое рѣшеніе на сѣверный участокъ іорктонскихъ поселеній, приглашая и сѣверянъ присоединиться къ намѣчаемой организаціи. Но этому благому начинанію, дружно встрѣченному, не суждено было осуществиться. На южномъ участкѣ совсѣмъ не вышло общей организаціи. Сѣверяне на съѣздкѣ 9 іюня 1899 г. постановили, что «всѣ 13 селъ Громовой горы будутъ жить общественною жизнью и имѣть одну общую для всѣхъ 13 селъ кассу, независимо отъ южной колоніи», которой, впрочемъ, въ случаѣ нужды обѣщали помощь. Послѣ такого рѣшенія вышли всѣ сообща на желѣзно-дорожную работу и все заработанное ими поступало въ общую кассу: такъ продолжалось мѣсяца два. Но затѣмъ многіе не являлись на работу, другіе работали лѣниво, третьи набирали подъ работу въ складѣ для себя лично, безъ разрѣшенія комитета, различные продукты, обувь, одежду и пр. Все это раздражало другихъ, аккуратно относившихся къ своимъ обязанностямъ и, наконецъ, послѣ всякихъ разговоровъ и обсужденій, рѣшено было прекратить такую гуртовую работу, уничтожить общую участковую кассу и продолжать работать по деревнямъ. Такъ попытка Василія Потапова и не увидѣла свѣта. [1])

---

[1]) Тамъ-же стр. 86.

Многіе духоборцы видѣли и понимали весь «не ладъ» ихъ жизни. «Въ духовной жизни идетъ большой распряжъ среди нашей духоборіи,—писалъ одинъ изъ духоборческихъ главарей Н. Зибаровъ,—такъ что нѣкоторые оставили все Божіе повелѣніе и начинаютъ творить свою собственную похоть. По виду нашего положенія, навѣрное выйдетъ расколъ нашего міра, но сейчасъ этого совершенно (т. е. окончательно) не произошло. Но видно, что это все исполнится, и тогда мы вамъ напишемъ.“ [1])

И расколъ этотъ, дѣйствительно, вскорѣ произошелъ и обнаружился по поводу столкновенія духоборцевъ съ Канадскими властями.

VI.

Канадская администрація, присматриваясь на первыхъ порахъ къ духоборамъ молча, безъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь этихъ своеобразныхъ сектантовъ, недолго, однако, потерпѣла чудачества непротивленцевъ и ихъ соціально-политическія въ отношеніи законовъ и властей вольности, къ которымъ духоборцы такъ привыкли на Кавказѣ. Американскія власти потребовали отъ духоборовъ полнаго подчиненія во всемъ мѣстной юрисдикціи, начиная съ метрическихъ записей и продолжая всякими другими обязанностями и повинностями гражданскими. Духоборцамъ и ихъ опекунамъ-толстовцамъ это очень не понравилось и среди нихъ началось броженіе. „Побѣжали отъ волка, а напали на медвѣдя“, сѣтовали молодые на старыхъ, затѣявшихъ дѣло переселенія изъ Россіи.

Духоборцы считали протирѣчащими всему ихъ обычному праву и религіознымъ убѣжденіямъ обязательные для жителей всей Канады законы земельные, законы о бракѣ, разводѣ и метрическихъ записяхъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 95.

Уже къ ранней веснѣ 1900 г. нѣкоторыя недоразумѣ-нія, происшедшія между Канадскими властями и духоборцами, пошатнули довѣріе ихъ къ мѣстному правительству. На южномъ участкѣ шли особенно оживленные разговоры на счетъ земли; и среди всѣхъ выдѣлялись, такъ называемые, „кипрскіе“ духоборцы. Среди нихъ поселился прибывшій изъ Россіи толстовецъ Б., который и повелъ страстную пропаганду, развивая ту мысль, что здѣсь, въ Канадѣ, духоборцы должны отстаивать себя и свою самостоятельность, а такъ какъ земля-„Божья“, то частной собственности на землю не должно быть и записывать ее на каждое отдѣльное лицо не нужно. Также не нужно вести регистрацію браковъ, смертей и рожденій, ибо канадскому правительству нѣтъ никакого дѣла, кто у нихъ умеръ, кто женился и кто родился, такъ какъ все это... „дѣло рукъ Божіихъ“.

Эти разговоры, а также письменныя „соборныя посланія“, упали на рыхлую почву духоборческихъ сомнѣній. Представленіе духоборцевъ о „вольныхъ земляхъ“ не вязалось съ требованіями канадскаго земельнаго закона. Тайное и задушевное стремленіе духоборцевъ сводилось къ тому, чтобы имъ просто отвели землю въ одномъ участкѣ, гдѣ они и оснуютъ свою „Духоборію“ съ своими строгими обычаями и неписанными законами общественнаго мнѣнія. Духоборцы соглашались платить „дань“ „ихнему“ королю за земли и вообще все, что съ нихъ потребуютъ, но въ замѣнъ этого они желали, чтобы къ нимъ „никто не прикасался изъ правительства“. Въ регистраціи же браковъ и смертей духоборцы видѣли явное намѣреніе властей вмѣшаться въ ихъ частную жизнь. Особенно всѣхъ волновала регистрація брака, которая должна сопровождаться въ Канадѣ уплатой небольшого налога (около двухъ долларовъ) и подачей по формѣ заявленія мѣстнымъ властямъ.

„Кипрскіе“ духоборцы считали себя наиболѣе истин-

ными и праведными христіанами. И на этотъ разъ среди нихъ возникло наиболѣе сильное движеніе, выразившееся вскорѣ въ прямомъ и твердомъ желаніи неподчиняться канадскимъ властямъ въ ихъ требованіяхъ, касающихся земли, браковъ и смертей. Это неподчиненіе вылилось въ открытомъ письменномъ „заявленіи“ „кипрскихъ“ духоборцевъ канадскому правительству, въ отвѣтъ на его неоднократныя требованія „принять“ землю, вести регистрацію рожденій и смертей, и дѣлать заявки брачущихся. [1])

Правительство медлило отвѣтомъ на это заявленіе духоборцевъ. Оно пробовало убѣдить ихъ при посредствѣ квакеровъ и англичанина Моода которые прислали во всѣ села свои усовѣщательныя письма. Но это не помогло. Тогда центральное правительство сдѣлало распоряженіе своему іорктонскому агенту созвать въ г. Іорктонѣ въ началѣ октября 1900 г. съѣздку представителей всѣхъ 10 селъ, изъ имени которыхъ было подано „заявленіе“. На этой съѣздкѣ иммигрантскій правительственный агентъ категорически потребовалъ у духоборческихъ представителей дать отвѣтъ безъ замедленія, возьмутъ или нѣтъ они въ личную собственность землю, имъ причитающуюся. Делегаты въ своемъ отвѣтѣ отъ 14 окт. 1900 г., соглашаясь принять всякую землю, которую правительство опредѣлитъ имъ въ пользованіе и выражая за это благодарность, говорили: „Но мы не можемъ принять никакой земли въ личную собственность и просимъ, чтобы насъ не принуждали къ этому. Мы не можемъ принять земли въ собственность даже для одной формы, какъ это совѣтывалъ намъ сдѣлать господинъ Моодъ, ради того только, чтобы прійти въ соглашеніе съ земельными законами Канады“. [2])

Черезъ два слишкомъ мѣсяца центральное Оттавское

[1]) В. Ольховскій. „Образованіе“, 1903 г. Іюль 79 стр.

[2]) Тамъ же, 82 стр.

правительство прислало духоборцамъ бумагу, въ которой отказано было по всѣмъ пунктамъ ихъ требованій. На этотъ отказъ духоборцы 10 южныхъ селъ дали отвѣтъ (отъ 11 февраля 1901 г.), въ которомъ говорили: „Мы понимаемъ, что вслѣдствіе разницы между нами и вами въ понятіяхъ и цѣляхъ жизни, правительству настолько же трудно удовлетворить наши желанія и тѣмъ самымъ ограничить вмѣшательство въ жизнь законовъ и власти, насколько намъ трудно признать жизненнымъ руководствомъ ваши законы. Но мы не забываемъ вслѣдствіе этого добрыя отношенія къ намъ правительства и остаемся по прежнему очень вамъ благодарны. А теперъ мы вынуждены просить васъ о снисхожденіи въ томъ, чтобы намъ позволено было остаться въ Канадѣ до тѣхъ поръ, пока мы найдемъ другую страну для поселенія или убѣдимся въ томъ, что людямъ, которые намѣреваются установить свою жизнь на христіанскихъ началахъ, нѣтъ болѣе мѣста на землѣ“. [1])

Послѣ этого духоборцы составили знаменитое „обращеніе канадскихъ духоборовъ ко всѣмъ людямъ“, въ 1901 г. переведенное на всѣ европейскіе языки и вызвавшее значительную литературу въ западной печати по этому вопросу. Обращаясь ко всѣмъ народамъ, духоборцы просили дать имъ убѣжище, куда они могли бы удалиться отъ того, что они называли „тиранніей канадскихъ законовъ“.

Однако, не всѣ духоборцы приняли участіе въ этомъ столкновеніи съ властями. На южномъ и сѣверномъ участкѣ отдѣльные группы духоборцевъ отнеслись неодобрительно къ предпринятому протесту. Такъ поселившіеся на озерѣ Добраго Духа почти всѣ приняли землю, отдѣльныя семьи приняли землю и среди другихъ селеній. Группа духоборцевъ, поселившихся въ Саскачеванѣ на землѣ Принцъ-Альберта, самая богатая изъ всѣхъ, переселившихся въ Канаду, совершенно открыто заявила свое

[1]) Тамъ же, 85 стр.

согласіе съ тѣми своими „братьями“, которые не захотѣли подчиниться канадскимъ законамъ. Здѣсь все населеніе, за малыми исключеніями, приняло землю на основаніи канадскаго закона и согласилось вести регистрацію рождаемости и умершихъ, а дѣло брачнаго контракта пока обошло молчаніемъ. [1])

Естественно, что борьба за существованіе и инстинктъ самосохраненія должны были отрезвить болѣе здравомыслящихъ изъ духоборческой массы отъ угара толстовскихъ фантазій, ослабивъ слѣпую приверженность сектантовъ къ анархическимъ и соціалистическимъ принципамъ ученія своихъ непрошенныхъ вождей. Поэтому нѣкоторые изъ духоборовъ, при надвинувшейся опасности голода и лишеній, соглашались подчиниться мѣстной юрисдикціи и приняли земельные надѣлы, укрѣпивъ ихъ за собой документами, какъ право собственности. Но это являлось нарушеніемъ коммунистическаго принципа толстовства и очень не понравилось вожакамъ—толстовцамъ, которые держались того мнѣнія, что переѣзжать духоборамъ изъ Канады въ Калифорнію отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ для нихъ шансовъ „терпѣть и околѣвать“ здѣсь гораздо больше (Бодянскій). Они поспѣшили донести объ этой начинающейся въ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ духоборовъ перемѣнѣ самому Л. Н. Толстому. И вотъ, Левъ Николаевичъ къ голоднымъ и изнуреннымъ гнетомъ разочарованія и тяжкими жизненными условіями обращается съ укоризненнымъ и увѣщательнымъ посланіемъ, напечатаннымъ и собственноручно имъ подписаннымъ, въ которомъ указываетъ и предостерегаетъ „любезныхъ братьевъ и сестеръ“ отъ того „соблазна собственности“, которому нѣкоторые изъ нихъ подпали. „Если вы, говоритъ онъ духоборамъ, хотите продолжать жить христіанскою жизнью и не хотите отречься отъ всего того, за что пострадали и были изгнаны изъ отчества, то вамъ

[1]) Тамъ же, стр. 86 и 88.

нельзя жить по мірски и собирать отдѣльно для себя и для своей семьи собственность и удерживать ее отъ другихъ. Вѣдь это только намъ кажется, что можно быть христіаниномъ и имѣть собственность и удержать ее отъ другихъ людей, но это невозможно... Христіанское ученіе нельзя брать кусочками: взять одно и оставить другое. Если люди, принявъ ученіе Христа, отказались отъ насилія, судовъ, войны, то они должны отказаться и отъ собственности, потому что насиліе и суды нужны только для удержанія собственности. Если же люди держатъ собственность, то имъ необходимы и насиліе и суды и все мірское устройство. Соблазнъ собственности есть самый тяжкій соблазнъ, вредъ котораго очень хитро скрытъ отъ людей, и поэтому такъ много христіанъ претыкались объ этотъ камень". [1])

Понятно, что посланіе это поддерживало упорство духоборовъ въ ихъ нежеланіи подчиняться требованіямъ мѣстной власти относительно исполненія существующихъ аграрныхъ законоположеній. Большинство духоборовъ отказалось принять землю „съ правами", а хотѣло принять ее „безъ правовъ", какъ они выражались, т. е. безъ укрѣпленія за собой и безъ всякихъ документовъ, — нѣкоторые же не хотѣли принимать никакой земли.

1901 г. прошелъ у духоборцевъ въ постоянномъ волненіи и ожиданіи того, что Канадское правительство предприметъ относительно поземельнаго устройства „христіанъ всемірнаго братства". Въ декабрѣ этого года центральное Канадское правительство командировало особаго чиновника, который съ переводчиками долженъ былъ объѣхать всѣхъ духоборцевъ, не принявшихъ землю, и рѣшительно добиться отъ нихъ того или иного отвѣта.

Къ этому времени къ десяти южнымъ селамъ примкнуло довольно значительное количество сѣверянъ и духоборцевъ, живущихъ на южномъ участкѣ въ районѣ Бѣлой рѣчки, такъ что всего было охвачено движеніемъ около

[1]) П. Бирюковъ. Духоборцы. Москва 1908 г. стр. 158, 161.

4—хъ тысячъ духоборцевъ, т. е. приблизительно половина всѣхъ живущихъ въ Канадѣ.

Бесѣды посланнаго чиновника съ духоборами ясно обнаружило крайнее упорство и непримиримое настроеніе послѣднихъ. Отвѣты духоборцевъ сводились къ слѣдующему: „На вашихъ установленіяхъ мы не можемъ взять землю, въ вашихъ связяхъ не хотимъ участвовать потому что это тошно намъ и грѣхъ... Мы видимъ, что и здѣсь, въ Канадѣ, нѣтъ свободы, какъ выясняли вы намъ раньше, и выходитъ одинъ обманъ... Вы обѣщали намъ дать свободную землю, если бы вы не обѣщали, то мы доселѣ бы жили въ Россіи. Мы не землю искали, а свободу... Вы налагаете на насъ гоненія и страданія. Мы давно гонимы за то, что не хотимъ исполнять человѣческія установленія и законы". [1])

31 декабря 1901 г. центральное Канадское правительство имѣло сужденіе о духоборческомъ вопросѣ. Результатомъ его было объявленное въ началѣ января 1902 г. „Публичное замѣчаніе", въ которомъ говорилось, что если до мая 1902 г. не будутъ приняты духоборцами гомстэды согласно обычаямъ и законамъ Канады, то таковые гомстэды будутъ числиться свободными и ихъ могутъ занимать другіе переселенцы.

Кромѣ объявленной мѣры, правительство стало примѣнять другія, которыя своимъ давленіемъ должны были повліять на упорныхъ духоборовъ. Такъ, имъ запрещено было съ новаго года безплатно рубить сырой лѣсъ. И когда духоборы не обратили на это вниманія и продолжали рубить, то посланъ былъ чиновникъ описать наволженный зимою лѣсъ. [2])

Въ концѣ 1902 г. среди канадскихъ духоборцевъ довольно сильно распространилась книжка подъ заглавіемъ: „Письма духоборческаго руководителя Петра Веригина".

[1]) В. Ольховскій. „Образованіе". 1903 г. Іюль стр. 90.

[2]) Тамъ же, стр. 93.

Эта книжка, наряду съ правительственной репрессіей сыграла значительную роль во всемъ послѣдующемъ канадскомъ духоборческомъ движеніи. Духоборцы, относясь къ своему руководителю съ полной покорностью, нашли въ этихъ письмахъ многое такое, что не только непосредственно подтверждало и оправдывало, но даже усиливало и доводило до большихъ крайностей ихъ поступки.

На сѣверномъ и южномъ участкахъ, вслѣдъ за объявленіемъ правительствомъ „Публичнаго замѣчанія", началось прежде всего движеніе въ сторону уравненія всякаго имущества. 10 января, на съѣздкѣ 13-ти селъ рѣшили поровнять платье мужское и женское и опредѣлили, сколько именно нужно выдать платья и бѣлья женщинамъ и мужчинамъ.

Послѣ этого старички приходили къ каждому въ домъ, кто на это согласился, хозяинъ открывалъ сундукъ и показывалъ всю одежду. Сколько слѣдовало, себѣ оставлялъ, а лишнюю выдавалъ; если же у него не хватало, то ему выдавали, что слѣдовало. Точно такъ же поступили и относительно скота. Деньги собрали вмѣстѣ и раздѣлили на каждую душу (даже на грудныхъ дѣтей) по 98 центовъ, и раздали кассирамъ. Это движеніе „уравненія имущества" быстро распространилось по всѣмъ непокорнымъ селамъ и было первымъ предварительнымъ этапомъ, подготовившимъ послѣдующія демонстраціи духоборцевъ. [1])

Уже къ маю 1902 г. среди духоборцевъ замѣчается все усиливающееся желаніе освободиться отъ скота.

Еще на Кавказѣ, какъ выше уже упомянуто было, нѣкоторые вожаки духоборъ-постниковъ доказывали, что „тварь въ свободу звана" и, потому, должна быть отпущена, что мы не должны владѣть никакимъ Божіимъ созданіемъ, и задавались вопросами, что-де не грѣхъ ли и ѣздить на лошадяхъ, пользоваться шкурами для обуви

[1]) В. Ольховскій. Образованіе". 1903 г. Августъ, стр. 76.

и одежды? Теперь вопросы эти снова стали волновать духоборцевъ и различное рѣшеніе ихъ повело къ раздѣнію духоборъ на „постниковъ“ и „молочниковъ“. Духоборы-пюстники съ прямолинейностью и искренностью натуръ простыхъ, доводящихъ всякую ложь до верха безумія, сдѣлали рядъ выводовъ, отъ которыхъ благоразумно отказались ихъ интеллигентные руководители. Отъ убѣжденія, что грѣшно ѣсть мясо, пришли къ мысли, что нельзя употреблять продукты животныхъ организмовъ, и отказались отъ молока, масла, яицъ, сыру и т. п. Далѣе, исходя изъ мысли, что питаться мясомъ животныхъ грѣшно, они додумались и до того, что въ равной мѣрѣ грѣшно употреблять кожаную обувь и сбрую, сдѣланную изъ шкуръ Божіихъ тварей, а также носить шерстяныя ткани, потому что шерсть растетъ на баранахъ и, стало быть, тоже принадлежитъ Господу. И вотъ, духоборы-постники пожгли кожаную обувь: башмаки, сапоги, хомуты, узды, и т. п., а также шелковыя платья и перья (перины). Они одѣлись въ самыя легкія бумажныя ткани и говорили, что, даже во время морозовъ, не будутъ носить ни мѣха, ни шерсти.

Вмѣсто кожаной обуви они стали носить резиновые, сапоги или башмаки, сплетенные изъ бичевокъ (лапти). Пища ихъ состояла изъ хлѣба и воды, самыхъ простыхъ овощей, ягодъ и травъ; спали они на соломѣ.

Слѣдующій за этимъ шагъ отозвался еще гибельнѣе на экономическомъ строѣ духоборъ-переселенцевъ. Оказалось, что употреблять животныхъ на работы, или вообще пользоваться ими, какъ бы то ни было, тоже грѣшно, потому что животные такой же „народъ Христовъ“, какъ и мы. И вотъ, духоборы немедленно прогнали всѣхъ своихъ лошадей, рогатый скотъ и барановъ на „Божій холмъ“ и предоставили этому „свободному стаду“ пастись тамъ на волѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они обратились къ Канадскому пра-

вительству съ заявленіемъ, поданнымъ чрезъ іорктонскаго агента, въ которомъ, между прочимъ, говорили: „Думая, что и Вы, какъ христіане и дѣти одного съ нами Отца (Іоан. IV, 34. VI, 38. 39), не захотите отречься отъ истины и пойти противъ Христа и поможете намъ, вашимъ собратьямъ во Христѣ, мы усердно просимъ Васъ, какъ лицо, знающее разныя земли, походатайствовать за насъ, предъ кѣмъ слѣдуетъ, по Вашему мнѣнію, о ъомъ, чтобы намъ позволили отпустить нашъ скотъ въ количествѣ, которое мы Вамъ сообщимъ, на свободу въ такой землѣ, гдѣ бы онъ не пострадалъ отъ мороза, и могъ бы кормиться безъ ненужной ему, какъ намъ кажется, помощи человѣческой. Если мы просимъ что либо не такъ, то вразумите насъ, какъ братьевъ во Христѣ". [1])

Получивъ такое заявленіе, Канадское правительство сдѣлало распоряженіе своимъ мѣстнымъ агентамъ собрать выпущенный скотъ, продать его, а деньги взять на храненіе въ казну.

По окончаніи аукціона, когда правительственные агенты возвращались, то на дорогѣ они увидѣли вещи, вывезенныя духоборами, освобождающими скотъ; вещи все кожаныя т. е. обувь, одежда и хомуты. Агенты взяли эти вещи и увезли въ городъ.

Выпустивъ на свободу лошадей, коровъ и всѣхъ домашнихъ животныхъ, духоборы взвалили всѣ сельскохозяйственныя тяготы на собственныя плечи. Во всѣхъ случаяхъ, когда приходилось перевозить тяжелыя возы пли фуры, лошадей стали замѣнять мужчины. Когда нужно вспахать поле, 12 или 14 человѣкъ впрягались въ плугъ; другого способа воздѣлывать землю они не признавали. Даже женщины участвовали въ такихъ работахъ; впрочемъ, только у себя на фермѣ; для поѣздокъ въ городъ въ фуры или кабріолеты впрягались только мужчины. На улицахъ Іорктона ежедневно можно было

[1]) Тамъ же, стр. 79—80.

встрѣтить телѣги, влекомыя дюжиной духоборовъ, которые везли на продажу немудрые продукты своего хозяйства, взамѣнъ ихъ они покупали муку или другіе предметы первой необходимости.

Понятно, что изгнаніемъ домашнихъ животныхъ духоборы поставили общину свою въ критическое положеніе, —безъ помощи домашнихъ животныхъ самому существованію духоборовъ грозила опасность. Фермы ихъ запущены; поля не сжаты; рогатый скотъ и лошади бѣгали на свободѣ по нивамъ, дичали на холмахъ, гдѣ имъ предстояло погибнуть въ зимную стужу, или же попасть въ руки людей, не раздѣляющихъ религіозныхъ взглядовъ духоборовъ. Люди, отъ природы здоровые и сильные, поражавшіе американцевъ своимъ мочучимъ тѣлосложеніемъ, ростомъ и красотой, бродили теперь голодные, худые, изможденные. Однажды цѣлая дюжина ихъ впряглась въ тяжелую телѣгу и пыталась дотащить ее до города; но это не удалось: обезсиленные голодомъ, несчастные попадали вдоль дороги.

Общее лихорадочное возбужденіе охватило всѣхъ, не принявшихъ землю, духоборцевъ. Движеніе росло и ширилось, обѣщая дать новыя формы протеста. Среди духоборцевъ нашлись такіе, которые пожелали испытать себя постомъ. „Нѣкоторые изъ нашихъ, писалъ одинъ духоборецъ, пробуютъ, какъ можно питаться одними овощами, уже по нѣсколько дней пробовали питаться только овощами, и даже безъ соли по недѣлѣ могли свободно питаться. Одинъ мужчина постился 40 сутокъ,—ничего не кушалъ. Остался въ живыхъ. Сейчасъ уже почти понемногу расправилъ свой желудокъ для обыкновеннаго употребленія пищи“. Всѣ эти отдѣльные случаи еще болѣе подливали масла въ огонь, вызывали подражаніе, и духоборцы массами бросали свой прежній образъ жизни, отпускали скотъ на свободу и „скучали“, ожидая чего то новаго, особеннаго. Въ это же время нѣсколько духоборцевъ явились въ г. Іорктонъ, принеся съ собою всѣ

свои деньги, и отдали ихъ правительственному агенту, говоря, что имъ денегъ совершенно не нужно, такъ какъ давно сказано, что „Кесарево—Кесарю“, и что они теперь не нуждаются въ работѣ, а хотятъ итти проповѣдывать „Царствіе Божіе“. [1])

Однако, не всѣ духоборы дошли до такого, по выраженію американскихъ газетъ, „умопомраченія“. Духоборы-„молочники“ не отпустили скота и пока еще держали коровъ и лошадей, находясь въ раздумьѣ и не понимая, что такое у нихъ происходитъ. Откровенно изображено то душевное настроеніе, какое переживали тогда духоборы, то безпомощное раздумье, то нестроеніе и разладъ, какой среди нихъ происходилъ, въ письмахъ самихъ же духоборовъ, непосредственныхъ свидѣтелей постигшаго ихъ бѣдственнаго ихъ положенія.

Въ письмѣ отъ 8 Іюля 1902 г. одинъ духоборъ писалъ: „Дорогіе Никола и Дуня! Первымъ долгомъ вы запрашиваете у насъ объясненіе нашей жизни. Мы не можемъ объяснить вамъ нашу жизнь, потому что мы и сами еще въ неопредѣленномъ положеніи, потому что міръ пошелъ надвое: часть становится на новую жизнь, а часть еще живетъ въ прежнемъ положеніи, т. е. такъ, какъ и прежде жили всѣ духоборы. Та часть, которая становится на новую жизнь, уже совсѣмъ освободила всю худобу (скотъ), неподалеку отъ нашего села устроила два ворка (загоны), одинъ для скотины, а другой для лошадей, и гонятъ скотину и лошадей, кто желаетъ жить по одному согласію съ ними, въ одно свободное стадо. Это стадо теперъ уже считается свободнымъ. Такъ и написали въ министерство прошеніе, чтобы оттуда дали права и указали для скота удобное мѣсто, гдѣ бы онъ могъ кормиться и быть свободнымъ зиму и лѣто, и указали правительству и главную причину, почему освобождаютъ скотъ: потому что не хотятъ пользоваться

[1]) Тамъ же, стр. 77—78.

отъ чужой шкуры, т. е. труда, а хотятъ кормиться отъ своего труда, однимъ словомъ, хотятъ жить, какъ совершенные люди—Адамъ и Ева жили предъ лицомъ Господа Бога нашего въ раю, такъ и мы хотимъ. Но только боимся того, что, какъ говорится, „съ свиннымъ носомъ въ золотую чашку будто-бы не пускаютъ“. А то прошеніе подавали чрезъ старшаго, но въ это время его не было въ Іорктонѣ, и прошеніе отдали помощнику. Помощникъ прочиталъ его и сказалъ, что это дѣло очень большое, пусть оно останется до пріѣзда старшаго. Когда пріѣдетъ старшой, тогда онъ самъ поѣдетъ съ прошеніемъ въ министерство, а когда пріѣдетъ обратно, тогда отыщутъ вашихъ подстрекателей и возьмутъ ихъ на каторжную работу, и не будетъ имъ возврата оттуда. А еще вы спрашиваете у насъ, что землю даютъ или нѣтъ, чтобы селится семьями. О землѣ я тебѣ скажу такъ: у насъ вотъ на дняхъ былъ квакеръ, 2 или 3 Іюля, пріѣзжалъ собственно затѣмъ, чтобы узнать духоборцевъ, на какомъ основаніи становятъ себя; и вотъ, собиралъ сходку, сходка была большая, но всетаки тутъ дѣла не окончили, потому что нѣкоторые освобождаютъ скотину, а иные уже совсѣмъ не хотятъ ни какой земли принимать, а тѣ, которые еще живутъ на прежнемъ положеніи, хотятъ землю принять безъ правовъ, а съ правами тоже не примутъ. Теперь вмѣстѣ съ квакерами поѣхали наши 4 человѣка въ Виннипегъ, 3 человѣка „изъ постниковъ“ и 1 изъ „молочниковъ“. А какъ тамъ окончатъ дѣло, этого я не могу объяснить,—что дастся земля или нѣтъ тѣмъ, которые хотятъ принять „безъ правовъ“. Больше новостей нѣтъ у насъ“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 24 Августа 1902 г., говорилось: „Ты спрашиваешь насъ, что мы постники или молочники. Мы покамѣстъ имѣемъ коровъ и лошадей. А еще мы встрѣтили въ вашемъ письмѣ, что приняли ли мы землю или нѣтъ? Землю мы не приняли. Еще ты

насъ запрашиваешь объ нашихъ духоборахъ, какъ они думаютъ прожить. Духоборцы живутъ разногласно: часть духоборцевъ освободила худобу, а часть нѣтъ. Которые освободили, жгутъ кожаную обувь: башмаки, сапоги, хомуты, узды и т. п. и также пожгли шелковыя платья и перья (перины) и т. д. А ходятъ теперь въ лаптяхъ, спятъ на соломѣ. Нѣкоторые изъ нихъ даже деньги сдали правительству, а именно: Кузя Новокшеновъ, Якимушка Евсинъ и т. д. А которые худобу освободили, т. е. собрали въ одинъ ворокъ (загонъ) сотню лошадей, ста два рогатаго скота и т. д. подавали объ этомъ правительству прошеніе, чтобы дали такой земли, гдѣ бы они могли кормиться. На это еще не получили отвѣта. Сейчасъ мы не знаемъ, какъ распорядиться надъ худобой"... [1])

Третій духоборъ въ письмѣ изъ Канады сообщалъ: „Творится у насъ что-то неладное, чего никогда не было. Кажется, надо намъ пропадать совсѣмъ. Порѣшили наши мясного, скоромнаго не ѣсть вовсе. Не пьютъ уже и молока, не ѣдятъ куриныхъ яицъ. А теперь говорятъ: должны мы скотъ миловать. Стоятъ лошади въ конюшняхъ, жирѣютъ. Никто на нихъ не работаетъ. Все сами дѣлаютъ. Людьми пашутъ и бороны таскаютъ. Надо въ городъ везти что продавать,—запрягутся человѣкъ десять въ телѣгу и тащатъ. Такъ и во всемъ. Коровъ доить перестали, телята матокъ сосутъ. Идутъ коровы вечеромъ домой, жалость смотрѣть. Вымя полное, шагнетъ корова, молоко такъ и брызжетъ. Пропадать надо; видно, послѣднія пришли времена и близокъ конецъ міра".

Естественно, что то положеніе, въ которомъ очутились духоборцы, благодаря овладѣвшимъ ими (по выраженію американскихъ газетъ) „страннымг фантазіямъ" и „несчастному ослѣпленію", было невыносимо и не могло про-

[1]) „Миссіонерск. Обозр". 1902 г. т. 2 стр. 628—629.

должаться долго. Когда масса бываетъ выбита изъ обычной колеи и чувствуетъ вывихъ въ мысли и жизни, она не можетъ оставаться спокойной, ею стихійно овладѣваютъ порывы чувства и фанатизмъ. Такъ и среди массы духоборческой—разоренной, возбужденной, озлобленной вслѣдствіе остраго конфликта съ канадскими властями, происходитъ вспышка религіознаго фанатизма перешедшая въ болѣзненное умоизступленіе. Среди разорившейся, обезумѣвшей толпы начали появляться мистическіе бредни, поднялась игра больной фантазіи, создавшей легенду о новомъ „блаженномъ царствѣ“ подъ главенствомъ „Петруши“, и духоборовъ охватилъ религіозный экстазъ, явно принявшій болѣзненныя формы, когда слухъ о пріѣздѣ П. Веригина, который такъ волновалъ духоборцевъ, наконецъ изъ слуха превратился въ дѣйствительность.

Получилъ увѣдомленіе, что П. Веригинъ осенью выѣзжаетъ изъ с. Обдорскаго, духоборцы немедленно послали въ пять мѣстъ по 1000 долларовъ, предполагая, что черезъ какое-либо изъ этихъ мѣстъ проѣдетъ Петръ Васильевичъ, и такъ какъ „они“ [1]) могутъ „поистратиться“ и „понуждиться“ въ дорогѣ, то и денегъ было послано много.

Населеніе пришло въ замѣтное волненіе. Разговоры смѣнили „слухи“, „слухи“, самые разнообразные, тревожили и еще болѣе возбуждали и безъ того взволнованное населеніе. Наиболѣе возбужденные ходили изъ села въ село и проповѣдывали, что „настало время показать себя міру“ и что „сказано“, что „христіане не должны трудиться, а надо итти по всѣмъ землямъ и благовѣствовать истину“. Сначала выступило 8 семей, во главѣ съ Ефимушкой Власовымъ и Кузьмой Новокшеновымъ, которые и были возбудителями этого движенія. Вхо-

[1]) „Они“ это Петръ Васильевичъ Веригинъ. Канадскіе духоборцы называютъ его также „хозяинъ“, „повелитель“, „сами“.

дя въ село, они вызывали итти съ ними на „брачный пиръ“. Если желающіе были, то они оставались ночевать, а если нѣтъ, то продолжали путь далѣе, обойдя такимъ образомъ всѣ села и захвативъ съ собою всѣхъ желающихъ. Желающихъ оказалось около 2-хъ тысячъ и вся эта группа, въ концѣ октября, двинулась въ Іорктонъ, не взявъ съ собою ни одежды, ни хлѣба на дорогу. Это движеніе духоборцевъ, получившее названіе „похода на Виннипегъ“ взволновало все общественное мнѣніе Канады. Жуткое чувство холодомъ обвѣваетъ сердце, когда читаешь переполнявшія столбцы американскихъ газетъ подробности этого Виннипегскаго похода. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Виннипегъ, 29 октября. Духоборческое дѣло достигло такой степени, что ожидаютъ важныхъ послѣдствій. 1600 чел. этихъ русскихъ фанатиковъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей—пришли въ г. Іорктонъ вчера вечеромъ въ самомъ жалкомъ положеніи. За ними слѣдовали другіе въ числѣ 400 человѣкъ. Первая партія духоборцевъ принудила Спирса, главнаго иммиграціоннаго агента, сопровождать ихъ. Зрѣлище было плачевное. Они остановились таборомъ въ понедѣльникъ на ночь на открытомъ воздухѣ, а термометръ стоялъ на 14^0 ниже нуля. Толпа состояла изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, включая и грудныхъ младенцевъ, и даже одинъ родился, мать котораго маршировала въ процессіи. Нѣсколько больныхъ были несомы на носилкахъ; нѣкоторые были босы; многіе носили резиновые сапоги, а другіе —грубыя сандаліи изъ плетенныхъ бичевокъ. М-г Спирсъ успѣлъ отобрать больныхъ, женщинъ и дѣтей и помѣстилъ ихъ въ иммиграціонномъ домѣ и другихъ постройкахъ почти противъ ихъ воли.

Семенъ Черненковъ, который говоритъ немного по англійски и котораго голыя черныя ноги свидѣтельствовали объ его ревности, объяснилъ, что они ищутъ „Но-

ваго Свѣта“ и Іисуса. Когда онъ былъ спрошенъ, гдѣ его сапоги, онъ поднялъ голую ногу и воскликнулъ: „вотъ Іисусова обувь“. На смѣхъ зрителей былъ прочитанъ по-русски 22-ой псаломъ: „Они смѣются надо мною, чтобы презирать меня“... Длинный, худощавый аскетъ стоялъ впереди и молился. Онъ былъ защищенъ отъ вѣтра буркой, ниспадавшей съ плечъ до земли, а у многихъ изъ его послѣдователей не было одежды защитить себя отъ гибельнаго холода. Одинъ изъ сочувствующихъ гражданъ предложилъ стаканъ молока посинѣвшему ребенку, но мать расплескала молоко, чтобы не дать ребенку напиться. Сухарики были предложены дѣтямъ, но было воспрещено брать ихъ... Всю ночь партія бродила между кустами, собирая „Богомъ данные“, „безмасляные“ плоды шиповника, чтобы утолить приступы голода. Участія животныхъ въ воспроизведеніи этихъ плодовъ не было, „такъ что они сказали, что могутъ ѣсть ихъ „безъ грѣха“. [1])

Виннипегъ, 30 октября. Партія мужчинъ духоборцевъ отправилась по направленію къ Виннипегу вчера послѣ полудня. Проведя всю ночь и утро въ „духовной борьбѣ“, эти „борцы духомъ“ получили откровеніе, что имъ надо итти на г. Виннипегъ, и въ 2 часа они побрели вдоль желѣзнодорожнаго полотна безъ женщинъ и дѣтей. „Они вышли изъ себя“,—сказалъ генеральный агентъ Спирсъ, и далъ приказъ окружить ихъ. Верховая полиція окружила ихъ и препроводила назадъ въ городъ. Все шло хорошо, пока они не повернули въ улицу, ведущую на сѣверъ по направленію къ ихъ селамъ,—до сихъ поръ духоборы шли между верховыми терпѣливо. Но когда они уразумѣли, что ихъ гонятъ назадъ, домой, они сразу остановились. „Подгоните ихъ, заставьте итти!“ скомандовалъ Спирсъ. Толпа любопытныхъ окружила ихъ съ двухъ сторонъ. Полицейскіе направили крупы лоша-

[1]) В. Ольховскій. „Образованіи“ 1903 г. Августъ, стр. 81—82.

дей въ духоборцевъ, но море духоборцевъ разступалось и поглощало ихъ. Лошади вертѣлись, но ни на дюймъ не подвинули толпу. „Подгоните ихъ!“—былъ отданъ опять приказъ, когда послышался голосъ со стороны: „Не нападайте на нихъ! Вы не имѣете права! Не нападайте! Они не скотъ!“ Духоборцы обернули свои лица и сняли шапки какъ-бы для молитвы. Полиція послѣ напрасной попытки сломить духоборцевъ отступила и „духоборцы послѣдовали своему обряду“. [1])

Въ „The Standard“ сообщали изъ Виннипега отъ 30 Окт. (нов. ст.). „Духоборы въ количествѣ 800 человѣкъ продолжаютъ свой походъ по направленію къ Виннипегу. Они уже прошли около 40 километровъ. Эти фанатики бросили большую часть своей одежды, чтобы итти налегкѣ. Они почти нагіе. Всѣ проникнуты желаніемъ обратить въ свою вѣру весь міръ. Правительство въ величайшемъ затрудненіи и не знаетъ, какія мѣры слѣдуетъ принять. Энтузіазмъ духоборовъ, идущихъ на Виннипегъ, возрастаетъ съ каждымъ этапомъ. Многіе изъ нихъ проявляютъ симптомы несомнѣннаго помѣшательства. Власти отправили на встрѣчу духоборамъ значительные военные отряды“. [2])

„Агентству Рейтера“ изъ Виннипега телеграфировали, что духоборы, вышедшіе изъ Іорктона, были вечеромъ 21 Окт. (ст. стиля) застигнуты у Фоксваррена страшною снѣжною бурею. Они должны были провести всю ночь среди ужасныхъ лишеній въ ольховыхъ кустарникахъ, гдѣ ихъ ничто не прикрывало отъ бури, и ихъ тонкія льняныя рубахи не могли ихъ согрѣть. Люди похудѣли такъ, что похожи на скелеты. Нѣкоторые страдаютъ воспаленіемъ легкихъ и положеніе ужасно. Женщины падаютъ на пути отъ истощенія съ умирающими дѣтьми на рукахъ. Несмотря на все это, коноводы на-

1) Тамже же, стр. 83.

2) „Миссіонерск. Обозр“. 1902 г. 2. 626 стр.

стаиваютъ на продолженіи путешествія въ Виннипегъ, гдѣ они встрѣтятъ Іисуса Христа.

При чтеніи всѣхъ этихъ извѣстій ясно становится, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ массовымъ помѣшательствомъ на религіозной подкладкѣ. Еще въ Закавказьѣ духоборы собирались къ походу на востокъ, навстрѣчу „Христу", т. е. Петрушѣ Веригину. И теперь мистическимъ объектомъ религіознаго помѣшательства канадскихъ духоборъ явился тотъ же Петруша, въ походъ къ которому, какъ единственному природному „спасителю", и двинулись духоборы, разочаровавшись и разувѣрившись въ „спасителяхъ" интеллигентныхъ (толстовцахъ).

Однако, духоборамъ не удалось дойти до Виннипега. Болѣе 100 миль (около 350 верстъ прошли) они отъ Іорктона, сопровождаемые полиціей. Но когда среди путешествующихъ появилось нѣсколько заболѣвшихъ острымъ буйнымъ помѣшательствомъ, когда голодъ заставилъ духоборцевъ воспользоваться огородиной фермеровъ, когда среди нихъ появилось много больныхъ и простуженныхъ, то правительство, потерявъ терпѣніе, послало на встрѣчу имъ два эскадрона конныхъ всадниковъ. Въ городѣ Минедосѣ духоборцевъ силой затащили въ вагоны и привезли въ Іорктонъ, гдѣ и сдали ихъ на попеченіе „братьевъ", не принимавшихъ участія въ движеніи. Все путешествіе духоборцевъ продолжалось: отъ Іорктона до Минедоса 13 дней, изъ селъ до Іорктона 3 сутокъ и по селамъ 22 дня. [1])

Въ это время духоборческій „повелитель" П. Веригинъ спѣшилъ въ Канаду, чтобы повидаться съ своей старушкой—матерью и „принять участіе,—какъ онъ говорилъ, въ дѣлахъ духоборческой общины". Къ послѣднему духоборческому движенію Веригинъ на первыхъ порахъ относился болѣе одобрительно, чѣмъ отрицательно.

[1]) „Образованіе", 1903 г. Авг. 84, Бирюковъ. „Духоборцы". стр. 193.

Но на пути въ Канаду, осенью 1902 г., Веригинъ заѣхалъ къ Л. Н. Толстому. Во время этого свиданія произошелъ знаменательный разговоръ, который, очевидно, такъ глубоко запалъ въ душу Веригина, что онъ, пріѣхавъ въ Канаду, говорилъ съ духоборцами крайней партіи почти тѣми же словами, которыми Л. Н. Толстой опровергалъ его Веригина крайніе взляды. [1])

По прибытіи въ Канаду, въ январѣ 1903 г. Веригинъ немедленно совершилъ объѣздъ духоборческихъ поселеній. Ѣхалъ онъ въ сопровожденіи большой свиты избранныхъ, на 3—4 саняхъ, запряженныхъ четверкой прекрасныхъ лошадей. Встрѣча вездѣ была торжественная. Собравшись у одного изъ лучшихъ домовъ, народъ снималъ шапки и пѣлъ привѣтственный псаломъ, затѣмъ слѣдовала молитва и низкій поклонъ. Веригинъ поздоровавшись сказывалъ имъ поклоны отъ друзей въ Россіи и Англіи. Потомъ шли въ домъ, чтобы подробнѣе поговорить о дѣлахъ. Здѣсь столъ былъ накрытъ для ѣды, подавали чай съ прекраснымъ хлѣбомъ и варенъями, сахаръ въ кускахъ, сушеные фрукты, медъ, рисъ и др. сласти. Веригинъ разсказывалъ сначала о своемъ изгнаніи, опасномъ плаваніи по Оби и Атлантическдму океану, и затѣмъ, переходилъ къ практическимъ вопросамъ, волновавшимъ духоборцевъ. Относительно пригодности Канады, какъ мѣста для поселенія, онъ заявилъ, что они пришли по волѣ Бога и нѣтъ нужды искать другого мѣста, и въ этой странѣ они могутъ жить и процвѣтать, климатъ холодный, но здоровый, и всѣ необходимыя овощи растутъ прекрасно. Относительно пользованія скотомъ говорилъ, что оно необходимо для успѣха въ жизни, но отношенія къ лошадямъ должны быть не какъ господина къ рабу, но какъ товарищей по работѣ. Лошадь служитъ не только для добыванія пшеницы своему хозяину, но и овса для себя; для нихъ косятъ и убираютъ сѣно, для нихъ строятъ конюшни. Если лошадь служитъ человѣку, то,

[1]) Тамъ же, стр. 87.

и человѣкъ служитъ лошади—работа и выгода взаимная; лошади—наши соработники и могутъ быть поэтому членами нашей общины. Землю они должны принять безотлагательно, съ благодарностью правительству, которое четыре года снисходительно относилось къ нимъ и не лишило ихъ земли. Статистическія записи ведутся для пользы ихъ самихъ и другихъ, и нужно въ этомъ случаѣ сообразоваться съ закономъ. Наконецъ, относительно „странствующихъ", которые не хотѣли устраиваться на мѣстѣ, а только ходить и проповѣдывать, сказалъ, что они, конечно, свободны и должны дѣлать то, что имъ кажется справедливымъ, но они должны подумать: достаточно ли они совершенны въ жизни, чтобы проповѣдывать? Прежде надо самимъ жить хорошо; и такъ ли они хороши? Даже если они признаютъ себя достаточно хорошими, то не имѣютъ права женщинъ и дѣтей заставлять переносить утомленія и мученія. [1])

Такія рѣчи успокоительно дѣйствовали на духоборцевъ, и многіе изъ нихъ, намучившись несогласіями, сбитые съ толку крайними ученіями, теперь стали возвращаться къ прежней жизни.

Однако, успокоеніе духоборцевъ было не полное. Среди „странствующихъ" выдѣлилась группа непримиримыхъ, самыхъ крайнихъ, наиболѣе прямолинейно и послѣдовательно усвоившихъ взгляды Веригина, которые онъ развивалъ въ письмахъ. Теперь, слушая рѣчи Веригина, они рѣшили, что Веригинъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, за которыя онъ самъ столько времени страдалъ и страдали они, самые вѣрные его послѣдователи, поэтому и не подчинились вліянію своего руководителя. Увидѣвъ поступки Веригина, они писали своимъ друзьямъ, что „правда погибаетъ", что въ мірѣ творится что-то такое, что предвѣщаетъ „скорый конецъ вѣку сему". Развивая свои крайніе взгляды, они пришли къ заключенію, что

1 Тамъ же, стр. 88—90.

„кто чистъ тѣломъ и дѣломъ и покоренъ въ поступкахъ душѣ своей, тотъ не нуждается въ украшеніи или скрываніи себя въ одеждахъ". Теперь наступаетъ райское житіе, когда „нагота—лучшее украшеніе человѣка". Именно въ этомъ—то видѣ приличествуетъ болѣе всего человѣку проповѣдывать истину и указывать на грѣховность людей, боящихся вида своей „плоти". Эта группа духоборцевъ, сливъ съ новою теоріей всесторонній протестъ противъ ихъ руководителя П. Веригина, сейчасъ же слова воплотила въ дѣло и пошла проповѣдывать свое ученіе. [1])

Вотъ сообщеніе одного изъ очевидцевъ, который описываетъ эту своеобразную проповѣдь въ письмѣ изъ с. Каменки, южнаго участка іорктонскаго района, отъ 16 мая 1903 г. „Позавчера я работалъ на огородѣ, какъ вдругъ, поднявши голову, увидалъ нѣчто, чего сразу понять не могъ... Это „нѣчто" все приближалось и, присмотрѣвшись, я сталъ разбирать, что это голые и полуголые люди. Приближаясь довольно быстро къ селенію, нѣкоторые изъ нихъ съ актерскою ловкостью схватывали съ себя рубашки, на комъ онѣ еще оставались... Пока я соображалъ, странные пришельцы были уже въ селеніи. Это была толпа душъ въ сорокъ мужчинъ, женщинъ и подростковъ, совершенно голыхъ духоборцевъ, даже безъ фиговаго листа, хотя каждый несъ подъ мышкою легкую одежду, тщательно свернутую, чтобы она не портила первобытной красоты подобія Божія и что-бы—упаси Боже—не подумали, что этотъ жгутъ тряпокъ замѣняетъ собою фиговый листъ. Сельскіе жители высыпали, конечно, всѣ на улицу и вотъ произошла встрѣча: конечно, обѣ стороны поклонились другъ другу съ такою же чинностью и важностью, какъ и вообще при встрѣчахъ; потомъ одна изъ голышей вышла напередъ подъ руку съ мужчиною и прочитала псаломъ о прелестяхъ райской

[1] Тамъ же, стр. 94.

жизни и о томъ, что настало время и Богъ всѣхъ туда призываетъ. Затѣмъ одинъ голый спросилъ, обращаясь къ одѣтымъ: „что, братья, страшна вамъ природа?“ На это одна каменская здоровенная баба отвѣтила ему съ негодованіемъ въ голосѣ: „природа страшна! Нѣшто мы не знаемъ природы, природа во всѣхъ одна, да ты то, бездѣльникъ, чего шляешься безъ толку? Ишь ты природою вздумалъ насъ пугать!“

Такимъ образомъ странные гости пропарадировали черезъ все селеніе, останавливаясь противъ каждой кучки собравшагося народа и повторяя приблизительно то же, вышли изъ селенія, одѣлись и пошли къ слѣдующему...

...Началось это съ того, что въ мартѣ мѣсяцѣ человѣка три отправилось отсюда на Принцъ—Альбертъ и начали проповѣдывать тамъ идею возвращенія человѣка въ первобытное состояніе. Пропаганда имѣла успѣхъ, и человѣкъ съ сотню начали ходить голые, собираться на богомоленія, при чемъ, говорятъ, плясали. Ходили по селеніямъ, а потомъ вздумали перейти на другую сторону рѣки Саскачевана, и тутъ-то они попались на глаза блюстителей порядка. Ихъ сейчасъ же остановили: пошли телеграммы въ Виннипегъ, Оттаву, посланъ былъ спеціальный чиновникъ и сотня полиціи и въ то же время послали телеграмму П. Веригину, чтобы онъ ѣхалъ помогать правительству усмирять духоборцевъ. Веригинъ отказался помогать правительству въ усмиреніи этихъ духоборцевъ. Голышей завернули по домамъ, а трехъ зачинщиковъ отправили въ Виннипегъ, гдѣ они будтобы имѣли свиданіе съ министромъ, который сказалъ имъ, что такихъ вещей канадцы не потерпятъ, и если духоборцы будутъ продолжать то же самое, то ихъ вышлютъ въ Россію. На это духоборцы отвѣтили, что они именно этого и хотятъ, чтобы ихъ выслали въ Россію или куда—нибудь, такъ какъ они оставаться не желаютъ и вѣрятъ, что попадутъ въ мѣсто, для нихъ уготованное,

гдѣ они будутъ жить райскою жизнью, а они, канадцы, пусть остаются здѣсь, если хотятъ погибать. Послѣ этого разговора духоборцевъ отпустили, и они отправились въ здѣшнія селенія, гдѣ собрали своихъ послѣдователей и пустились въ голое путешествіе по всѣмъ здѣшнимъ селеніямъ. Что они имѣютъ въ виду дѣлать, когда обойдутъ всѣ селенія,—еще неизвѣстно говорятъ, что будто пойдутъ въ города". [1])

Но пойти по городамъ имъ не удалось, такъ какъ планы новаго крестоваго похода духоборовъ были разстроены быстрымъ вмѣшательствомъ иммиграціоннаго комитета. Когда съ проповѣдью о близкомъ вторичномъ пришествіи Христа явились въ Саскачеванъ южные духоборы, канадскія власти заблаговременно приняли мѣры. Иммиграціонный агентъ явился съ полисменами и корреспондентами и сказалъ духоборамъ чрезъ переводчика рѣчь. Духоборъ Лука убѣждалъ не носить одежды, подражая Адаму и Евѣ до ихъ грѣхопаденія. Агентъ обратился къ собранію духоборовъ съ словомъ увѣщанія черезъ переводчика. Внезапно на срединѣ улицы показался Лука, совершенно нагой, вслѣдъ за нимъ шла толпа (44 челов.) мужчинъ и женщинъ, также совершенно нагихъ. Агентъ и корреспонденты глядѣли, остолбенѣвъ, на невидимое доселѣ въ Канадѣ зрѣлище: большую группу голыхъ, взрослыхъ людей; шелъ дождь. Совершивъ какіе-то обряды нагишемъ, возвратились въ избы и вскорѣ вышли изъ нихъ одѣтыми. Агентъ объяснилъ, что такое хожденіе запрещается канадскими законами, приказалъ имъ немедленно же отправиться въ путь домой. Духоборы настаивали на томъ, что они пойдутъ въ странствованіе съ проповѣдью по Канадѣ. Опасаясь, что волненіе охватитъ сосѣднія селенія, Канадскія власти рѣшили дѣйствовать противъ духоборовъ силою. Послѣ отчаяннаго сопротивленія духоборческіе пилигримы были связаны и отправлены по мѣстамъ

[1]) Тамъ же, стр. 95—96.

ихъ жительства.

Таковы послѣднія страницы печальной „духоборческой эпопеи".

Изъ представленнаго выше краткаго историческаго очерка видно, что главными виновниками ея являются искусственные главари и непрошенные вожди духоборцевъ толстовцы. Когда, послѣ ссылки П. Веригина, духоборцы остались безъ руководителя, то они подняли вліянію толстовцевъ, которые избрали секту духоборцевъ, какъ удобную почву для своихъ экспериментовъ, и надъ этими дѣтьми природы продѣлали опыты всѣхъ утопій и иллюзій толстовскихъ.

На вулканической горючей почвѣ они неосторожно развели огонь, который и разразился страшнымъ, неожиданнымъ для нихъ самихъ, пожарищемъ. Быстро, стихійно произошла невообразимая ломка старыхъ духоборческихъ воззрѣній, семейныхъ и бытовыхъ устоевъ, ломка, представляющая собою цѣлую драму, породившая циклъ легендъ, и сопровождавшаяся болѣзненнымъ возбужденіемъ религіознаго чувства до размѣровъ психопатической эпидеміи. Духоборческая масса, столѣтіе дремавшая въ непросвѣтной тьмѣ, спокойно и уютно жившая своимъ замкнутымъ міркомъ, съ своеобразнымъ укладомъ жизни, благодаря настойчивой и назойливой пропагандѣ толстовства, ведшейся цѣлой сплотненной дружиной, оказалась приведенной въ состояніе крайней анархіи и фанатизма, измученной въ безцѣльной борьбѣ съ властью и закономъ, и совершенно потрясенной въ своемъ экономическомъ благосостояніи. Желая показать міру на духоборческой массѣ толстовское царство Божіе на землѣ, толстовцы лелѣяли духоборческое религіозно-анархическое движеніе, какъ свое родное дѣтище, и ожидали богатаго всхода посѣянныхъ ими сѣмянъ анархіи въ религіозной оправѣ. Но они ошиблись въ разсчетахъ: жизнь обнаружила грубую фальсификацію и вскрыла

подлинную цѣнность толстовскихъ идей, которыя, при попыткѣ практическаго осуществленія ихъ среди духоборцевъ, вызвали лишь рядъ болѣзненныхъ нарывовъ. Кромѣ того, интеллигентные агитаторы опустили изъ виду одно существенное обстоятельство: они забыли, что у бѣдныхъ духоборовъ нѣтъ тѣхъ наслѣдственныхъ капиталовъ, которые позволяютъ имъ самимъ вѣчно экспериментировать и жить воздушными замками.

Генеральный коммисаръ эмиграціи г. Макъ Клири, объясняя неуспѣхъ переселенія духоборовъ въ Америку, даетъ такую аттестацію сопровождавшимъ духоборъ, интеллигентнымъ толстовцамъ:

„Изъ тѣхъ 20 слишкомъ человѣкъ интеллигентовъ, съ которыми мнѣ пришлось возиться по поводу этого переселенія, только одинъ, и то, какъ мнѣ сказали, московскій купецъ, оказался имѣющимъ сносное представленіе о томъ, что такое практика, дѣло. Всѣ остальные совершенно ни къ чему не пригодны. Только и мастера, что разговаривать; ни письмо дѣловое написать, ни принять толкомъ вагонъ провизіи, ни составить накладной ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ. Говоритъ—соловей поетъ, взялся за дѣло—все врозь идетъ. Какія-то дѣти, живущія въ облакахъ! Чего, чего я не насмотрѣлся! Слава Богу, теперь всѣ убрались, а то просто бѣда съ ними. Младенцы, но младенцы съ гоноромъ и съ массой самыхъ нелѣпыхъ требованій. Я часто оказывался совершенно безсильнымъ: все то они перепутаютъ, все то они перепортятъ. И смѣхъ съ ними, и горе. Излагая въ моемъ докладѣ нашему министру внутреннихъ дѣлъ причины неполнаго успѣха переселенія духоборовъ, я перечислилъ всѣ эти капитальнѣйшія затрудненія, встрѣтившіяся на пути, именно, благодаря участію такихъ ни на какое практическое дѣло негодныхъ людей“. [1])

Къ сказанному, кажется, нечего прибавлять. По-

[1]) Тверской. Духоборч. Эпопея. стр. 87—88.

истинѣ „оправдися премудрость отъ чадъ своихъ всѣхъ“. Съ прибытіемъ въ Канаду П. Веригина духоборцы, представляющіе собою довольно стройно организованную общину, крѣпко связанную теократическимъ началомъ, воплощающимся въ лицѣ ихъ наслѣдственнаго руководителя, получили такого руковдителя, и туманныя перспективы толстовскаго „царства Божія“ смѣнились болѣе реальными контурами своей собственной, вѣрной завѣтамъ предковъ, „Духоборіи“.

Павловское „страшное дѣло".

Введеніе. I. Распространеніе въ с. Павловкахъ толстовскаго ученія княземъ Д. А. Хилковымъ. II. Павловскіе сектанты—толстовцы, ихъ религіозныя и соціально—политическія воззрѣнія и вліяніе на мѣстное населеніе. III. Миссіонерская дѣятельность приходскаго духовенства и отношеніе къ сектантамъ власти свѣтской. Настроеніе павловскихъ сектантовъ наканунѣ „страшнаго дѣла". IV. Тодосіенко—проповѣдникъ малеванства. Исторія болѣзни. Его подвиги въ с. Яхнахъ, Кіевск. губ. V. Проповѣдь Тодосіенко въ с. Павловкахъ. Разгромъ церкви—школы и нападеніе на православный храмъ. Судебный приговоръ. Заключеніе.

Въ 1901 г. слобода Павловки, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, получила печальную извѣстность. Почти во всѣхъ газетахъ сообщено было объ ужасномъ случаѣ взрыва сектантскаго фанатизма, имѣвшемъ здѣсь мѣсто 16-го Сентября этого года и выразившемся въ разгромѣ сектантами церкви—школы и въ нападеніи ихъ на православный храмъ.

Объ этомъ, какъ оно названо въ оффиціальномъ донесеніи, „страшномъ дѣлѣ" появились довольно подробныя сообщенія, которыя описывая почти одни и тѣже факты, давали имъ, однако же, совершенно различное освѣщеніе. Возникла даже полемика по вопросу о томъ, кто такіе—павловскіе сектанты? Одни прямо и рѣшительно называли ихъ толстовцами-анархистами. Другіе же, не желая, чтобы имя почитаемаго ими графа было замѣшано въ этой темной дикой исторіи, старались освободить его отъ всякаго подозрѣнія и поставить внѣ всякаго вліянія и отношенія къ означенному событію. Для этого они представляли самое событіе сложнымъ, таинственнымъ, и относительно характера сектантства пав-

ловцевъ придумывали разныя гипотезы. Въ павловскомъ сектантствѣ видѣли то штундизмъ, то новую изувѣрную секту, выродившуюся изъ павловскихъ штундистовъ, то смѣсь штундизма, малеванщины и толстовщины, то объясняли, наконецъ, событіе 16-го Сентября не характеромъ сектантства, а приписывали его тому массовому умоизступленію, примѣрами котораго такъ богата исторія католицизма и исторія нашего сектанства.

Для выясненія истины нѣтъ нужды вступать въ полемику, съ которой обычно неразрывно связана бываетъ *страстность*, потемняющая истину и увлекающая къ крайностямъ и односторонностямъ. Лучше всего обратиться къ исторіи, безпристрастной свидѣтельницѣ прошлаго, въ которомъ имѣетъ свои корни настоящее. Знакомство съ исторіей первоначальнаго появленія и распространенія сектантства въ с. Павловкахъ поможетъ намъ выяснить, кажущійся на первый взглядъ такъ неожиданнымъ и непонятнымъ, дикій взрывъ фанатизма павловскихъ сектантовъ, являющійся по своимъ размѣрамъ и послѣдствіямъ чуть-ли не единственнымъ въ исторіи нашего сектантства.

I.

До 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія немногіе, конечно, слыхали о с. Павловкахъ, Сумскаго уѣзда. Село это ничего особеннаго не представляло; глухое, грязное, захолустное, растянутое въ одну линію на нѣсколько (5—6) верстъ, населенное исключительно одними малороссами, бывшими крѣпостными крестьянами князей Хилковыхъ и графа Строганова. Между простыми невзрачными избами обращали на себя взоръ проѣзжаго только каменная церковь съ обваливающеюся штукатуркой и полуразрушенною оградою, да барскій домъ княгини Хилковой на окраинѣ села. Но съ половины 80-хъ годовъ

с. Павловки пріобрѣтаетъ извѣстность, благодаря распространенію и даже практическому осуществленію здѣсь ученія графа Л. Н. Толстого. Первымъ распространителемъ среди крестьянскаго населенія толстовскихъ идей явился мѣстный землевладѣлецъ князь Димитрій Александровичъ Хилковъ, отставной подполковникъ гвардіи, имѣвшій тогда не болѣе 30 лѣтъ отъ роду.

По окончаніи курса въ пажескомъ корпусѣ, князь Хилковъ началъ службу въ гвардіи и увлекся свѣтскою жизнью петербургской аристократіи, предавался разнаго рода увеселеніямъ и удовольствіямъ, усердно посѣщалъ балы, театры, клубы и, благодаря красивой наружности, имѣлъ большой успѣхъ среди женщинъ. Но суета свѣтской столичной жизни скоро надоѣла ему и привела къ заключенію, что „Петербургъ весь изолгался," и что среди людей высшаго круга царитъ только одна ложь и пустота. Ему хотѣлось побольше кипучей дѣятельности, которая могла бы принести пользу ближнему, а гвардейскіе офицеры, по его словамъ, „не способны ни на какое доброе и полезное дѣло". Въ это время возгорѣлась русско-турецкая война. Князь Хилковъ перешелъ на Кавказъ и поступилъ въ казачій летучій отрядъ, а мать его—въ число сестеръ милосердія. Здѣсь съ нимъ случился переворотъ, имѣвшій большое вліяніе на его дальнѣйшую жизнь. На Кавказѣ Хилковъ, по его словамъ, пріобрѣлъ себѣ имя самаго безстрашнаго и храбраго офицера, и ему представлялась блестящая военная карьера. Случилось, однако же, что въ одной лихой схваткѣ князь положилъ на повалъ выстрѣломъ изъ револьвера какого-то турка, и этотъ турокъ сталъ не давать ему покоя ни днемъ, ни ночью. „За что я убилъ его?" спрашивалъ князь самого себя. „За то, что онъ такъ же, какъ и я, исполнялъ свою обязанность, служа честолюбію и самолюбію другихъ? Но вѣдь, по всей вѣроятности, у него есть жена, дѣти, мать, отецъ, братья...

Ему хотѣлось жить, хотѣлось трудиться... И война все это уничтожила заразъ"... Размышленія на эту тему привели, наконецъ, князя Хилкова къ убѣжденію, что война есть ужаснѣйшее зло въ міровой жизни, и что ни одинъ порядочный человѣкъ не долженъ находиться на военной службѣ, потому что служить офицеромъ на войнѣ—значитъ сознательно и лично содѣйствовать увеличенію этого общечеловѣческаго зла. Князь Хилковъ рѣшилъ навсегда оставить военную службу. [1])

Оставивъ военную службу, князь Хилковъ въ 1885 г. поселился въ имѣніи своей матери въ с. Павловкахъ. Здѣсь онъ сначала рѣшился, по его словамъ, искать правды и успокоенія въ лонѣ православной церкви: неопустительно ходилъ въ церковь каждый воскресный и праздничный день, (мѣстный протоіерей, однако же, отрицалъ это), ходилъ пѣшкомъ на богомолье въ Софроніеву пустынь, сталъ ежедневно читать св. Евангеліе, житія святыхъ, творенія св. Тихона Задонскаго и т. д. Но все это скоро ему прискучило, онъ увидѣлъ будтобы, что „правды нѣтъ въ церкви, попы-государственные чиновники." Оставивши церковь, князь Хилковъ нѣкоторое время совершенно не имѣлъ подъ собою никакой почвы. Случайно ему пришлось прочитать разсказъ графа Л. Н. Толстого „Крестникъ". Этотъ разсказъ своею „жизненною правдою" произвелъ такое сильное впечатлѣніе на князя, что онъ рѣшился немедленно ѣхать къ графу, чтобы непосредственно отъ него самого познакомиться со всею системою его міровоззрѣнія. У Толстого, въ Ясной-Полянѣ, князь Хилковъ прожилъ болѣе мѣсяца и возвратился домой преданнѣйшимъ ученикомъ его. Графъ Л. Н. Толстой прежде всего открылъ своему новому послѣдователю ту „великую истину", что правда и душевное спокойствіе находятся не въ Пе-

[1]) Протоіерей Тимофей Буткевичъ. „ Въ гостяхъ у интеллигентнаго толстовца". С.-Петербургск. Дух. Вѣст. 1897 г. № 43, стр. 849.

тербургѣ, и не въ церкви, а только „въ крестьянской избѣ, мужичьихъ сапогахъ и физическомъ крестьянскомъ трудѣ.“ И князь Хилковъ немедлено же началъ испытывать на себѣ истинность этого „великаго откровенія новѣйшаго и послѣдняго завѣта.“ Онъ вынудилъ у своей матери падавшія на его долю 400 десятинъ земли и отдалъ ихъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ въ общинное владѣніе, организовавъ изъ нихъ особую земледѣльческую общину съ надѣломъ извѣстнаго количества десятинъ земли на каждаго способнаго къ труду человѣка, каковой надѣлъ онъ и самъ уже получалъ тогда отъ общины. [1])

Такъ возникла, въ верстѣ отъ с. Павловокъ, колонія толстовцевъ-крестьянъ, устроенная Хилковымъ, и оффиціально называемая въ честь его „Князевкою“ или „Дмитровкой“. Колонія состояла изъ 50 или 60-ти крестьянскихъ избъ, съ чистыми обширными дворами, амбарами, сараями; напротивъ дворовъ были огороды съ образцовымъ искусственнымъ орошеніемъ; въ концѣ колоніи находилась изба князя. Войдя въ эту избу, можно было видѣть самого князя, еще молодого человѣка (тогда ему было не болѣе 30 лѣтъ), весьма привлекательной наружности и чрезвычайно симпатичнаго въ своемъ обращеніи и пріемахъ съ собесѣдникомъ; одѣтъ онъ былъ въ самый простой крестьянскій костюмъ отъ толстой и грязной холщевой рубахи до неуклюжихъ и грубыхъ сапогъ, смазанныхъ простымъ дегтемъ. Вмѣстѣ съ нимъ жила какая-то женщина, (по словамъ князя, генеральская дочь, окончившая курсъ въ одной изъ Петербургскихъ женскихъ гимназій, отлично владѣющая тремя иностранными языками), эту женщину князь рекомендовалъ своею женою, однако же, „не ходившею съ нимъ вокругъ столика.“ На полу въ избѣ игралъ 4-хъ 5-ти лѣтній грязный мальчуганъ, князь называлъ

[1]) Тамъ же, стр. 850.

его своимъ сыномъ Борисомъ, котораго, однако-же, „попы водой не обливали".

Въ образѣ жизни князь Хилковъ ничѣмъ не отличался отъ зауряднаго крестьянина: пахалъ землю, косилъ траву и хлѣбъ, молотилъ, лично ухаживалъ за лошадьми и рогатымъ скотомъ, исполнялъ самъ всѣ домашнія и хозяйственыя работы, даже ходилъ „на заработки" къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ, (однажды онъ выкосилъ десятину пшеницы у Терещенка за 3 руб.). Зимою возилъ навозъ на свои и чужія пашни, занимался извозчичьимъ промысломъ: возилъ пассажировъ на Бѣлопольскій и Ворожбянскій вокзалы (при чемъ пользовался удобнымъ случаемъ для пропаганды своего ученія), перевозилъ разные товары и т. д. [1])

Сдѣлавшись толстовцемъ и въ образѣ жизни, и въ вѣрованіяхъ, князь Хилковъ поставилъ, повидимому, главною задачею своей жизни пропаганду толстовскаго лжеученія среди крестьянского населенія. Сначала у него была мысль пропагандировть идеи Толстого только примѣромъ собственной жизни. Онъ, а также и его друзья, жившіе вмѣстѣ съ нимъ, надѣли на себя простые крестьянскіе зипуны, начали пахать землю, возить навозъ, косить сѣно и т. д. Но, конечно, изъ этого ничего не выходило; крестьяне только посмѣивались, думая, что „паны дуріютъ." Тогда Хилковъ рѣшился повести дѣло инымъ путемъ. Безъ разрѣшенія начальства онъ открылъ школу для дѣтей и въ ней началъ излагать крестьянскихъ дѣтямъ, а по праздникамъ и ихъ родителямъ, свое новое ученіе.

Богъ, говорилъ Хилковъ въ духъ пантеистической системы Л. Н. Толстого, есть премірный разумъ, сотворившій міръ, который, какъ получившій бытіе отъ Бога, и есть истинный Сынъ Божій. Христіанскіе догматы о Св. Тройцѣ, о воплощеніи и искупленіи онъ отвер-

[1]) Тамъ же, стр. 848—851.

галъ и даже издѣвался надъ ними. Господа Іисуса Христа называлъ „умнымъ человѣкомъ," но графа Толстого ставилъ выше, говоря: „графъ Толстой есть только болѣе усовершенствованный Іисусъ, такъ какъ Толстой, живя въ болѣе просвѣщенный вѣкъ, глубже вникаетъ и яснѣе понимаетъ задачи и принципы міровой жизни." Церковь, какъ руководительницу ко спасенію, всѣ ея таинства и обряды онъ безусловно отвергалъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ православныхъ за почитаніе креста, иконъ, мощей, крестное знаменіе, жертвы въ пользу храма, соблюденіе праздниковъ и постовъ, въ особенности же онъ нападалъ на почтительное отношеніе крестьянъ къ православному духовенству и на получаемую духовенствомъ „благодарность" за требоисправленія; епископовъ и священниковъ называлъ фарисеями, языческими жрецами и обманщиками. Единственнымъ принципомъ жизни, по мнѣнію Хилкова, долженъ служить принципъ „непротивленія злу," какъ онъ предуказанъ Іисусомъ и во всей полнотѣ раскрытъ графомъ Толстымъ. Человѣку въ жизни нужно руководствоваться пятью заповѣдями: „не клянись, не воюй, не судись, не противься злу, люби ближняго твоего". Въ практическомъ примѣненіи это означало отрицаніе клятвы, присяги, военной службы, судопроизводства, отрицаніе всякой власти, какъ насилія, а практическое осуществленіе заповѣди о любви должно привести къ такому устройству человѣческаго общества, гдѣ всѣ будутъ равны, гдѣ не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни начальниковъ, ни подчиненныхъ. Уравненіе богатыхъ и бѣдныхъ, по предсказанію Хилкова, должно произойти чрезъ отобраніе у богатыхъ ихъ имущества, у землевладѣльцевъ земли, и чрезъ раздѣлъ всего поровну между всѣми, способными къ физическому труду.

Корень всякаго зла, по мнѣнію Хилкова, есть идея *ассоціированія* и потому всякая ассоціація безусловно есть

зло. Государство есть зло, потому что оно есть ассоціація, отсюда и всѣ отрасли государственной жизни суть только проявленія зла: войско-зло, потому что оно содѣйствуетъ усиленію государства т. е. высшей ассоціаціи, сильнѣйшему злу; народная школа во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ-отъ простого народнаго училища до академіи наукъ-зло по той же самой причинѣ, гражданская администрація „вмѣстѣ со всѣми ея губернаторами и приставами"—также зло и по той же причинѣ; зло—даже и общественное самоуправленіе: волости, городскія и земскія управы, думы, и т. д. Церковь также есть зло, потому что она есть ассоціація и имѣетъ своею цѣлью усиленіе высшей государственной ассоціаціи, она только развращаетъ несчастныхъ людей, говоря имъ о Богѣ, о спасеніи и духовномъ назначеніи человѣка, а на самомъ дѣлѣ служа эгоистическимъ цѣлямъ государственной администраціи. Наши священники, по словамъ Хилкова, заботятся не о душевныхъ нуждахъ народа, а только о томъ, чтобы въ полной исправности вести метрическія и другія записи, подчиняться прихотливымъ требованіямъ врачебной управы и пьянаго фельдшера и сообщать „глупѣйшія" свѣдѣнія для „еще болѣе глупой" государственной статистики и столь много приносящей обществу вреда военной службы.

Свое ученіе Хилковъ старался подтверждать ложно истолкованными мѣстами Евангелія; но Евангелія онъ признавалъ подлинными не въ полномъ ихъ составѣ, а только въ подходящихъ будто-бы къ его ученію частяхъ, всѣ же другія части каноническихъ Евангелій онъ объявлялъ самовольнымъ добавленіемъ и измѣненіемъ своекорыстнаго духовенства. Посланія ап. Павла Хилковъ отвергалъ, такъ какъ ап. Павелъ, о личности котораго онъ всегда отзывался съ крайней враждебностью, будто-бы не понялъ христіанскаго ученія и исказилъ его. [1])

[1]) Журн. засѣд. Миссіонерск. Сов. по сект. дѣл. Харьк. еп. "Вѣра и Разумъ", 1896 г. № 22, стр. 598—599. Буткевичъ. 850—852 стр.

Какъ ни старался Хилковъ о пропагандѣ своего ученія, какъ ни заманчива и привлекательна была для неразвитаго ума крестьянъ рисуемая имъ перспектива податей не платить, дѣтей въ военную службу не отдавать, землю у богатыхъ отнять и разцѣлить поровну, съ полиціею и судами никакого дѣла не имѣть, никому не кланятся, никому не повиноваться, никакихъ законовъ и правительственныхъ распоряженій не признавать, быть всегда и вездѣ полнымъ и самовластнымъ хозяиномъ,—тѣмъ не менѣе крестьяне не сразу становились въ ряды послѣдователей Хилкова, они чувствовали преступность новаго ученія, и оно также казалось имъ химернымъ и неосуществимымъ въ жизни. Для того чтобы имѣть большій успѣхъ и росположить къ себѣ народъ, князь былъ фамильяренъ съ крестьянами, обращался съ ними запросто, приглашалъ къ себѣ въ домъ, угощалъ чаемъ и обѣдами и въ это время ласково бесѣдовать съ ними. Въ то-же время онъ сталъ пріобрѣтать довѣріе крестьянъ своею щедрою матеріальною помощью: однимъ давалъ деньги, другимъ скотъ, третьимъ лѣсъ. Но окончательно онъ покорилъ себѣ умы и сердца павловцевъ, когда, наконецъ, подъ видомъ крайне дешевой продажи (по 36 рублей за десятину), подарилъ своимъ послѣдователемъ около 400 десятинъ земли въ мѣстности, гдѣ благодаря развитію сахаро-бурачныхъ плантацій, земля цѣнится чрезвычайно дорого (500-600 р. за десятину). Мало того, князь торжественно пообѣщалъ павловскимъ крестьянамъ, выказавшимъ къ нему свое расположеніе, отдать все имѣніе, которымъ нынѣ владѣетъ мать его княгиня Ю. П. Хилкова, когда оно перейдетъ къ нему по наслѣдству. Можетъ ли такой человѣкъ говорить неправду? думали крестьяне. Можно ли не вѣрить тому, что онъ говоритъ?А между тѣмъ Хилковъ старался увѣрить крестьянъ, что у толстовцевъ единомышленниковъ весьма много, что цѣлые полки рус-

скихъ солдатъ на ихъ сторонѣ, что имъ оказываютъ содѣйствіе могущественные покровители и что только одни попы препятствуютъ, по своекорыстнымъ побужденіямъ, наступленію царства Божія на землѣ. [1])

II.

Сначала объявили себя послѣдователями новаго лжеученія по преимуществу бывшіе крѣпостные и дворовые Хилковыхъ, которые сразу стали самыми горячими сторонниками ученія князя. Когда Хилковъ пріобрѣлъ себѣ ревностныхъ сотрудниковъ среди павловскихъ крестьянъ, его пропаганда стала развиваться быстрѣе; въ 2-3 года у него оказалось уже до 200 человѣкъ самыхъ преданныхъ послѣдователей-явныхъ и фанатичныхъ толстовцевъ. Чтобы совершенно порвать связь съ церковью, они перестали посѣщать богослуженія, иконы изъ своихъ домовъ вынесли на площадь и сожгли въ одномъ общемъ кострѣ.—Когда мѣстный протоіерей донесъ объ этомъ исправнику, то новые послѣдователи Хилкова уже не жгли своихъ иконъ, а отдавали ихъ протоіерею. И вотъ что произошло, напр., 14 августа 1889 г. 70-лѣтній старецъ-протоіерей сидѣлъ въ своей квартирѣ надъ библіей и готовился къ собесѣдованію съ толстовцами, которое онъ предполагалъ вести на слѣдующій день. Вдругъ дверь отворяется и въ комнату входитъ крестьянинъ съ громаднымъ „чуваломъ“ (большимъ мѣшкомъ), наполненнымъ св. иконами. Съ шумомъ онъ бросилъ на полъ свою ношу. „На тобі твоіхъ богівъ,“ сказалъ онъ, обратясь къ протоіерею,—„а то, кажуть, ты сердисся, що мы ихъ палемо.“ [2])

Кромѣ князя Хилкова, который въ 1891 г. былъ

[1]) Журн. зас. Мис. Сов. по сект. д. Харьк. епарх. стр. 600.

[2]) Тамъ же, стр. 602.

высланъ административнымъ порядкомъ на Кавказъ, *) пропагандѣ идей Толстого въ Павловкахъ и окрестныхъ селеніяхъ живое содѣйствіе оказывали: его двоюродный дядя, гвардейскій поручикъ Н. Ф. Джунковскій, его жена полька, сестра ея Цецилія—сожительница Хилкова, и многочисленные агенты Толстого, которые то появлялись въ этой колоніи толстовцевъ, то снова исчезали, постоянно уклоняясь отъ полицейскаго наблюденія. Съ самаго начала павловскіе толстовцы находились въ весьма оживленныхъ сношеніяхъ какъ съ гр. Толстымъ, такъ и съ его послѣдователями, жившими въ разныхъ мѣстахъ. Самъ Толстой живо интересовался колоніей павловскихъ толстовцевъ и, какъ говорили, даже неоднократно наѣзжалъ въ имѣніе князя изъ Ясной Поляны: иногда же онъ посылалъ сюда свою дочь. Для облегченія своихъ сношеній съ единомышленниками, павловскіе толстовцы старались имѣть своихъ членовъ сторожами и почталіонами на ближайшихъ желѣзно-дорожныхъ станціяхъ (Новоселки, Бѣлополье, Воробжа).

Въ половинѣ девяностыхъ годовъ явныхъ толстовцевъ,

*)За религіозно—соціалистическую пропаганду среди крестьянъ князь Хилковъ былъ высланъ на пять лѣтъ въ Закавказье, а затѣмъ въ Эстляндію. Въ 1898 г. ему разрѣшено было выѣхать за границу безъ права возврата въ Россію въ теченіе пяти лѣтъ. Осенью того же года онъ уѣхалъ, вмѣстѣ съ духоборческими ходоками, въ Канаду, и оставался тамъ до лѣта 1899 г. Возвратившись въ Европу, Хилковъ поселился въ Женевѣ, гдѣ принималъ участіе въ издательской дѣятельности, и отсюда, послѣ октябрьскихъ дней 1905 г. возвратился въ Россію. „За это время, говоритъ г. Бончъ—Бруевичъ, міросозерцаніе Д. А. Хилкова, освѣщенное солидными научными и политическими знаніями, терпитъ большое измѣненіе и онъ совершенно отходитъ отъ ученія Л. Н. Толстого, какъ такового". (Матеріалы къ ист. и изуч. русск. сект. и раск." Выпускъ I. 189 стр.)

Въ концѣ 1910 г., послѣ смерти своей тетки Елены Джунковской, князь получилъ въ наслѣдство имѣніе въ дер. Федоровкѣ, Константиноград. у. Полт. губ., гдѣ съ тѣхъ поръ и поселился. Какъ на благопріятный симптомъ, свидѣтельствующій о перемѣнѣ князя Хилкова въ его отношеніяхъ къ церкви православной въ послѣднее время, можно указать на то, что въ январѣ 1911 г. по желанію князя, былъ крещенъ его двѣнадцатилѣтній сынъ Александръ, по фамиліи матери, Винеръ, а въ февралѣ того же года князь вступилъ въ законный бракъ съ г—жей Винеръ. (Докл. Зап. въ дѣл. Полт. Еп. Мис. Сов. № 69.)

порвавшихъ связь съ церковью, въ Павловкахъ числилось 327, изъ нихъ 165 мущинъ и 162 женщины. Разумѣется, пантеистическаго міровоззрѣнія Толстого, какъ оно было пропагандировано Хилковымъ, простецы усвоить было не въ силахъ. А то, что ими было усвоено и что, такимъ образомъ, составляло ихъ собственное вѣроученіе, полно неопредѣленностей и кривотолковъ. Такъ одни утверждали, что вѣруютъ въ Бога, но только не Тріединаго, другіе грубо отрицали бытіе Бога вообще. Одни признавали Іисуса Христа Богомъ, другіе хотя и называли его Сыномъ Божіимъ, но не признавали съ Нимъ Божескаго достоинства, низводя Его на степена обыкновеннаго человѣка, такъ какъ—де и всякій человѣкъ есть сынъ Божій.—Поэтому они за Его смертію не признавали искупительнаго значенія для человѣчества, говоря, что Онъ пострадалъ не за грѣхи людей, а за то, что говорилъ людямъ правду, какъ и теперь—де часто случается, что за правду людей и судятъ, и въ острогъ сажаютъ, и въ ссылку ссылаютъ. О лицѣ Божіей Матери всѣ павловскіе толстовцы говорили вообще въ выраженіяхъ крайне оскорбительныхъ для чувства вѣрующихъ,—и выраженій этихъ лучше не приводить. О таинствѣ причащенія одни изъ нихъ разсуждали такъ: причащеніе тѣла и крови Христовыхъ слѣдуетъ понимать только въ духовномъ смыслѣ, всякій внимающій ученію Христа и исполняющій его уже этимъ самымъ причащается тѣла и крови Христовой, причемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылались на слова Іисуса Христа: „духъ животворитъ, плоть не пользуетъ нимало;“ другіе, напротивъ, утверждали, что всѣ мы причащаемся вещественно и ежедневно; именно, когда ѣдимъ пищу и пьемъ воду, такъ какъ наша пища и есть плоть Христова, а вода кровь Христова. О таинствѣ крещенія одни разсуждали такъ, что крещеніе, замѣняя собою ветхозавѣтное обрѣзаніе, вовсе не нужно для нашего

спасенія, по слову ап. Павла (въ другихъ случаяхъ объ ап. Павлѣ толстовцы и слушать не хотятъ), „обрѣзаніе ничто и необрѣзаніе ничто, но все въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ;“ другіе же принимали крещеніе, но говорили, что креститься долженъ всякій по своему сознанію и желанію, а не по принужденію, и что дѣтей, какъ не имѣющихъ еще яснаго сознанія и свободной воли, крестить не слѣдуетъ. Относительно брака павловскіе толстовцы разсуждали: мужа и жену сочетаваетъ самъ Богъ, но сочетаніе это происходитъ не черезъ церковное вѣнчаніе, совершаемое священникомъ, послѣ котораго супруги часто и ссорятся и бываютъ невѣрными другъ другу, а только единственно чрезъ взаимную любовь, кто кого любитъ, тѣхъ, значитъ, Богъ и сочеталъ. Нѣкоторые изъ павловскихъ толстовцевъ не признавали совершенно никакого значенія за таинствами. „Зачѣмъ, говорили они, намъ лѣзть чрезъ заборъ, когда ворота есть?“ Подъ заборомъ они разумѣли таинства и обряды, придуманные будто бы духовенствомъ для своихъ личныхъ выгодъ, а „ворота“—это свободное общеніе съ Богомъ и спасеніе одною вѣрою въ него. Воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка павловскіе толстовцы не ожидали.

Свое ученіе они старались, повидимому, доказать мѣстами изъ Евангелія, но ихъ евангелія (на русскомъ языкѣ—англійскаго библейскаго общества) во многихъ мѣстахъ всегда были исчерканы карандашемъ или чернилами; зачеркивались цѣлыя страницы, не соотвѣтствующія ихъ ученію, такъ какъ они будто-бы добавлены духовенствомъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ павловскихъ толстовцевъ открыто заявляли, что они признаютъ подлинными только 5-8 главы Евангелія отъ Матѳея, а все остальное въ каноническихъ евангеліяхъ, по ихъ мнѣнію, не правда. [1])

[1]) Тамъ же, стр. 603—606.

Но не столько вопросы религіозные интересовали и привлекали павловскихъ толстовцевъ, сколько вопросы характера соціально-политическаго. Соціалистическія чаянія толстовства они усвоили вполнѣ, и сущность павловской толстовщины заключалась въ самомъ грубомъ анархизмѣ. Нужно знать рѣзко и прямолинейно мыслящаго малоросса, чтобы судить, какіе крайніе анархическіе выводы онъ способенъ сдѣлать изъ ученія Толстого. И павловскіе крестьяне этотъ выводъ сдѣлали логически вѣрно: „якъ бы не було попивъ, то не було-бъ и царивъ, не булобъ ни війска, ни судивъ, ни справныкивъ, ни губернаторивъ; не дралыбъ зъ насъ и грошій на подати", —вотъ ихъ краткій символъ вѣры.

Въ 1895 г. въ Павловки пріѣзжала по обычаю дочь Толстого, по порученію отца, для обозрѣнія его паствы и для передачи выговора княгинѣ Ю. П. Хилковой за то что она будто-бы развращаетъ дѣтей князя (т. е. даетъ имъ прекрасное воспитаніе). На упрекъ княгини, что Толстой маскируется, что онъ на самомъ дѣлѣ прямой анархистъ. Толстая отвѣчала: „удивительно, какъ вы прозорливы! Конечно, мой отецъ понялъ истинное христіанство и проповѣдуетъ его; но истинное христіанство и есть то именно анархизмъ въ полномъ смыслѣ этого слова". Что же удивительнаго, если такъ поняли ученіе Толстого и павловскіе толстовцы со словъ князя Хилкова? [1])

Вслѣдствіе такихъ воззрѣній, павловскіе толстовцы первоначально упорно отказывались отъ уплаты податей и поступленія на военную службу, особенно же отъ принесенія присяги; многіе изъ нихъ (39 семействъ) не принесли присяги на вѣрноподданство нынѣ царствующему Государю. Отношеніе ихъ къ представителямъ свѣтской власти было самое грубое, дерзкое, нахальное. Когда земскій начальникъ приглашалъ ихъ, то могъ выз-

[1]) Тамъ же, стр. 601.

вать ихъ въ волостное правленіе не иначе, какъ чрезъ толпу десятниковъ, причемъ на пути они кричали о насиліи, о своемъ невинномъ угнетеніи, о незаконности существующихъ властей, а прійдя въ волостное правленіе, въ присутствіи начальствующихъ лицъ, тотъ-часъ садились-на скамьи, или просто бросались на полъ посреди камеры, заявляя, что они чрезвычайно устали и, вмѣсто отвѣта на вопросы, или упорно молчали, или обличали начальствующихъ лицъ, которые будто-бы не должны быть начальниками, если хотятъ быть христіанами. [1])

Такъ какъ сущность павловской толстовщины состояла въ анархическихъ и соціалистическихъ чаяніяхъ, чуждыхъ собственно религіознаго характера, и павловскіе толстовцы, строго говоря, не религіозные сектанты, то у нихъ не было ни религіозныхъ собраній, ни религіозныхъ пѣснопѣній, ни какихъ либо богослужебныхъ дѣйствій. Правда, первоначально они очень часто собирались въ домѣ князя или кого-либо изъ единомышленниковъ, но на этихъ собраніяхъ были ведены бесѣды преимущественно соціально политическаго характера и читались книги такого же содержанія, а если иногда и были изъясняемы нѣкоторыя мѣста Евангелія, то лишь въ духѣ ученія Толстого. Разнаго рода запрещенныя книги и брошюры, сочиненія Толстого, гектографированныя или отпечатанныя за границей, всегда были доставляемы павловцамъ какими то темными личностями и различными проходимцами, во множествѣ являвшимися въ Павловкахъ. Въ 1894 г. у павловскихъ толстовцевъ жандармскою полиціею былъ произведенъ обыскъ, причемъ были найдены многія печатныя брошюры и рукописныя сочиненія самаго возмутительнаго содержанія въ отношеніи къ существующему государственному порядку

[1]) Тамъ же, стр. 619.

и христіанской религіи. [1])

Хотя явныхъ толстовцевъ, открыто порвавшихъ связь съ церковью, въ Павловкахъ числилось только 327, но распространеніе толстовскаго лжеученія производило разрушительное дѣйствіе и на все православное населеніе. Довѣріе къ истинности православной церкви было подорвано, среди крестьянскаго населенія замѣтно положительное охлажденіе къ молитвѣ, богослуженію, церкви и духовенству, усердія къ содержанію приходскихъ храмовъ въ исправности и должномъ благолѣпіи не было. Всѣ крестьяне, если не открыто, то въ душѣ раздѣляли ученіе толстовцевъ о необходимости отобранія земель у помѣщиковъ, а отсюда общее недовольство существующимъ порядкомъ устройства государственной жизни, нерасположеніе къ всѣмъ тѣмъ, кѣмъ этотъ порядокъ поддерживается и охраняется. Это недовольство выражалось крестьянами и прямо и косвенно: въ селеніяхъ, гдѣ развивалась толстовщина, почти нельзя было встрѣтить ни одного крестьянина, который бы не пожаловался на свою горькую судьбу и бѣдность: „вотъ ему и подати слѣдуетъ платить и другія повинности нести, а скотъ у него пропалъ, денегъ взять неоткуда, земли у него совсѣмъ мало, не то что у такого-то помѣщика: „эка сколько десятинъ одному! на что оно ему?“ Недовольство сосѣдними помѣщиками выражалось еще и тѣмъ, что въ мѣстностяхъ, зараженныхъ толстовщиной, почти ежегодно крестьяне жгли помѣщичьи скирды хлѣба, сѣна и соломы. Бросалось въ глаза, что въ ряды толстовцевъ открыто становились по преимуществу крестьяне, испытывающіе матеріальную нужду, и молодые парни. На общественныхъ сходахъ всѣ вопросы также рѣшались большинствомъ крикливой молодежи, явно покровительствующей толстовщинѣ. Прежде вполнѣ покорные начальству, теперь крестьяне стали отказываться отъ принятія мѣръ, предлагаемыхъ

[1]) Тамъ же, стр. 602.

начальствомъ для общественнаго благоустройства. Такъ, напр., павловскіе крестьяне долго не хотѣли принимать акушерки, присланной имъ отъ земства, не хотѣли дѣлать платежей на содержаніе мѣстнаго земскаго училища, не хотѣли даже избирать изъ своей среды сотскихъ и десятскихъ, говоря, что сотскіе и десятскіе работаютъ только на станового пристава, да на урядника. Сознаніе необходимости подчиненія властямъ слабѣло все болѣе, и дѣло дошло почти до забвенія вѣрноподданническихъ обязанностей, до полнаго равнодушія къ важнѣйшимъ и радостнымъ событіямъ государственной жизни. Такъ, напр.. въ дни священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14, 15 и 16 мая 1896 г. когда вся Россія радовалась и молилась о здравіи своихъ Богодарованныхъ Царя и Царицы, когда сосѣднія съ Павловками сельскія общества устраивали у себя празднества и старались отмѣтить и увѣковѣчить память о сихъ радостныхъ дняхъ какими-либо добрыми дѣлами, Павловцы вели себя равнодушнымъ образомъ, ничѣмъ не отличивши дней коронаціи отъ простыхъ будничныхъ дней; въ церкви во время служенія божественной литургіи и молебствія по случаю коронованія, изъ мѣстныхъ крестьянъ не было ни одного человѣка, кромѣ сельскаго старосты, сотскихъ и десятскихъ, не смотря на то, что дни коронаціи совпали съ днями цвѣтной недѣли. [1])

Весной 1899 г. до 50-ти семействъ павловскихъ толстовцевъ, прослышавъ о переселеніи духоборъ во Америку, поднялись было съ своихъ мѣстъ, чтобы „плыть“ въ Канаду. Князь Хилковъ въ своихъ агитаціонныхъ письмахъ хотя и описывалъ жизнь въ Канадѣ въ самомъ привлекательномъ видѣ, тѣмъ не менѣе предостерегалъ своихъ харьковскихъ послѣдователей, крестьянъ сл. Павловокъ, и указывалъ, насколько трудно переселенцамъ въ Канадѣ обзавестись хозяйственнымъ инвентаремъ.

[1]) Тамъ же, 615—617 стр.

Онъ сообщалъ, что пара лошадей стоитъ тамъ 400 р.,— волы 240 р. и давалъ совѣты павловскимъ крестьянамъ „непремѣнно забрать на] пароходъ свои хозяйственныя инструменты- соху и борону, лопаты, ибо все это очень дорого въ Америкѣ".

Сначала павловцы назойливо домогались у мѣстной администраціи скорѣйшаго увольненія изъ Россіи въ Америку подъ тѣмъ предлогомъ, что „православія они исповѣдывать не желаютъ, а содержать другую вѣру, согласно ихъ убѣжденію, имъ въ Россіи не дозволяютъ", и не смотря на принятыя администраціей мѣры, нѣсколько семействъ все-таки переселилось. Но потомъ они замолкли и даже были довольны, что правительство неудовлетворило ихъ просьбъ, когда узнали, какія бѣдствія пришлось испытать духоборамъ въ Канадѣ.

III.

Мѣстное приходское духовенство употребляло, съ своей стороны, всѣ зависящія отъ него средства, чтобы противодѣйствовать распространенію столь вреднаго лжеученія и возвратить отпавшихъ отъ церкви. Съ достойною православныхъ пастырей твердостью и смиреніемъ оно переносило тяжкія оскорбленія, глумленія и насмѣшки отъ фанатичныхъ толстовцевъ. Въ своихъ анонимныхъ письмахъ толстовцы грозили священникамъ смертію, но послѣдніе мужественно продолжали свое дѣло, безбоязненно посѣщая по вечерамъ дома толстовцевъ, находящіеся иногда далеко за селомъ, для увѣщанія и наставленія. Кромѣ частныхъ бесѣдъ, открыты были и публичныя собесѣдованія. Но толстовцы равнодушно относились къ бесѣдамъ священниковъ, они прямо избѣгали ихъ. Заинтересованные исключительно соціально-политическою стороною въ лжеученіи Толстого, они вовсе не заботились о томъ, истинно, или неистинно ученіе церкви. „Намъ

этого не нужно", обыкновенно говорили они, или же огульно объявляли ложнымъ все православное вѣроученіе: „все, что говорится въ книгахъ о православной вѣрѣ, все это обманъ и неправильно написано". Священниковъ они презирали и ненавидѣли, какъ своихъ личныхъ, непримиримыхъ враговъ, препятствующихъ ихъ пропагандѣ и замедляющихъ скорѣйшее наступленіе ожидаемыхъ ими перемѣнъ въ общественной и государственной жизни. Нѣкоторые же, болѣе хладнокровные замѣчали: „да, и изъ васъ (т. е. священниковъ) есть хорошіе люди, а что вы мѣшаете намъ, такъ это потому, что вы занимаете такое положеніе, и вамъ ѣсть хочется!" [1])

Епархіальное начальство приходило на помощь мѣстному духовенству, которому суждено было на своихъ плечахъ выносить тяжелый трудъ борьбы съ сектанствомъ. На суммы Миссіонерскаго Совѣта пріобрѣтены были книги для составленія противо—сектантскихъ библіотекъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ; для собесѣдованія и увѣщанія посылаемы были члены Совѣта, а въ особенности епархіальный миссіонеръ, который руководилъ приходскихъ священниковъ въ этомъ трудномъ, по новости, для нихъ дѣлѣ. Въ Бѣлополье, ближайшемъ къ Павловкамъ заштатнемъ городѣ, какъ центральномъ пунктѣ, вокругъ котораго расположены зараженныя толстовщиной селенія, учреждено было противо—сектантское братство, чемъ привлекались къ борьбѣ лучшія силы мѣстнаго населенія; въ самыхъ Павловкахъ, какъ источникѣ заразы, устроена была прекрасная церковь-школа; на сколько позволяли средства, оказываемо было содѣйствіе матеріальному обезпеченію духовенства и т. д.

При тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ какія поставлены были священники с. Павловокъ, служеніе ихъ являлось по-истинѣ „крестомъ и подвижничествомъ".

[1]) Тамъ же. стр. 616 и 619.

„Павловскіе крестьяне, свидѣтельствуетъ епархіальный миссіонеръ, къ священно-служителямъ относятся грубо, они систематически отучены отъ церкви, не цѣнятъ и трудовъ своихъ пастырей. Съ священника здѣшній крестьянинъ старается взять втри дорога за всякую бездѣлицу, а когда самому ему приходится „благодарить“ духовныхъ за требу, онъ, напримѣръ, за погребеніе младенца смѣло даетъ копѣйку — буквально, копѣйку. Нужно имѣть много любви Христовой, чтобы безропотно сносить непріятности отъ сектантовъ, грубость и холодность отъ своихъ пасомыхъ и постоянный недостатокъ въ средствахъ.“ [1])

Не смотря, однако же, на это, миссіонерская дѣятельность духовенства, не оставалась безплодною. Благодаря доброму вліянію мѣстнаго священника, который былъ переведенъ въ Павловки, послѣ того какъ заявилъ о себѣ обращеніемъ 500 штундистовъ въ православіе въ с. Снѣжковомъ кутѣ, среди павловскихъ толстовцевъ стало замѣчаться стремленіе къ сближенію съ церковью, и болѣе 60 человѣкъ присоединились къ церкви.

Въ борьбѣ съ толстовщиною мѣстному духовенству оказывала содѣйствіе также и свѣтская власть. Правда, первыя мѣры, принятыя гражданскимъ начальствомъ, были не рѣшительны, слабы и часто настолько ошибочны, что скорѣе приносили общему дѣлу вредъ, чѣмъ пользу. Такъ, въ сл. Павловкахъ раньше было волостное правленіе; но съ появленіемъ толстовщины встрѣтились затрудненія: при избраніи должностныхъ лицъ земскому начальнику приходилось считаться съ толстовцами, не желавшими принимать присяги. Чтобы избѣжать лишнихъ хлопотъ, волостное правленіе въ Павловкахъ было закрыто и слобода Павловки была распланирована по другимъ сосѣднимъ волостямъ. Такимъ образомъ пропагандѣ толстовщины былъ открытъ новый путь. Идетъ павлов-

[1]) Докл. Зап. епарх. мис. Д. И. Боголюбова.

скій толстовецъ въ другую слободу въ волостное правленіе будто-бы по дѣлу; поселяется у кого либо изъ тамошнихъ крестьянъ и начинаетъ безнаказанно пропагандировать толстовское лжеученіе. Такимъ именно путемъ объясняется усиленіе толстовцевъ въ Рѣчкахъ, куда приписана большая часть Павловскихъ крестьянъ, и въ Ястребенномъ. Въ Павловкахъ же, гдѣ рѣже стало показываться чиновники, различнымъ проходимцамъ стали просторнѣе и вольготнѣе. Нельзя также признать достигающею своей цѣли принятую свѣтскимъ начальствомъ мѣру: удаленіе толстовцевъ отъ общественныхъ должностей и возложеніе ихъ обязанностей на православныхъ безъ всякаго вознагражденія за лишніе труды и потерю времени. Православные тяготились этою мѣрою и прямо завидовали толстовцамъ. 1)

За отсутствіе отъ православной вѣры никто изъ павловскихъ толстовцевъ судимъ не былъ. Если же первый распространитель лжеученія князь Хилковъ и нѣкоторые изъ его ревностныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ пропаганды и были высланы изъ Павловокъ, то не по суду, а административнымъ порядкомъ, и то скорѣе за противо—правительственную пропаганду, чѣмъ за отступленіе отъ вѣры православной. Даже никто изъ павловскихъ толстовцевъ, насколько извѣстно, не былъ судимъ и наказанъ за непринесеніе присяги на вѣрноподданство Государю Императору. Это послѣднее обстоятельство всегда въ сильнѣйшей степени интересовало крестьянъ какъ сл. Павловокъ, такъ и другихъ окрестныхъ селеній: всѣ они всегда ожидали, чѣмъ окончится сопротивленіе этому требованію представителей государственной власти

Съ 1895 г. гражданское начальство, благодаря новому губернатору, стало серьезнѣе и рѣшительнѣе относиться къ дѣлу пресѣченія толстовщины, и толстовцы почувствовали, что правительство можетъ терпѣть ихъ лжеученіе

1) Журн. зас. Миес. Сов. по сект., д. 617 и 620 стр.

только до тѣхъ поръ, пока оно не угрожаетъ правильному развитію общественной жизни. Весьма благотворно и успокоительно подѣйствовало на населеніе, прежде всего, удаленіе вожаковъ и главныхъ пропагандистовъ изъ нѣкоторыхъ слободъ, зараженныхъ сектантствомъ. Результатомъ этого было то, что шестнадцать семействъ, находившіеся подъ тяжелымъ гнетомъ этихъ вожаковъ, оставили свое заблужденіе и обратились въ лоно православной церкви. Напротивъ, гордые и надменные толстовцы, долгое время остававшіеся безнаказанными за распространеніе своего зловреднаго ученія и увѣрявшіе всѣхъ въ томъ, что у нихъ есть могущественные покровители въ Петербургѣ,—затихли, присмирѣли и перестали рисоваться своими кощунственными выходками. Затѣмъ, на должности земскаго начальника и станового пристава, вѣдѣнію которыхъ подчинены слободы, найболѣе зараженные толстовщиною—Павловки, Рѣчки, Виры и Ястребенное,—назначены были лица достойныя, честно и ревностно выполняющія свои обязаности и усердно заботящіеся о сохраненіи порядка и уваженія къ власти и закону. Личнымъ достоинствамъ и энергической дѣятельности этихъ представителей свѣтской власти слѣдуетъ приписать замѣтную перемѣну во внѣшнемъ поведеніи толстовцевъ, которые стали держать себя въ отношеніи къ начальству приличнѣе и менѣе грубо и нахально чѣмъ прежде. [1])

Епархіальный миссіонеръ, посѣтившій с. Павловки незадолго до происшедшаго тамъ печальнаго событія, такъ описываетъ настроеніе павловскихъ сектантовъ.

„Нынѣшнее сектантство въ Павловкахъ, благодаря мудрымъ мѣрамъ, принятымъ свѣтскою властью, вступило въ новую фазу своего существованія, оно оставило свой воинственный задоръ и не слышно пока о дерзкомъ и явномъ кощунствѣ, объ открытой пропагандѣ. Сектанты замкну-

[1]) Тамъ же, стр. 618.

лись сами въ себѣ и живутъ, не имѣя опредѣленныхъ вожаковъ, никто изъ нихъ не выступаетъ открыто въ качествѣ ихъ вожака и руководителя, нѣтъ, поэтому, у нихъ и единства ни въ убѣжденіяхъ, ни въ дѣйствіяхъ. Изъ увлеченныхъ толстовскимъ лжеученіемъ почти каждый въ настоящее время мудрствуетъ по своему: одинъ утверждаетъ, что онъ вегетеріанецъ, другой постоянно ѣстъ мясную пищу; одинъ говоритъ, что Бога вовсе нѣтъ, другой сомнѣвается—не то Онъ есть, не то Его нѣтъ; иные, признавая Бога, вѣрятъ въ Св. Писаніе, другіе изъ этого Писанія принимаютъ „только слова Іисусовы.“ Отсюда проистекаетъ такой разладъ и въ мысли, и въ жизни, что сектанты сами не знаютъ, въ чемъ собственно состоитъ вѣра ихъ? Встрѣчаются между ними рѣзкіе противники церкви православной; но есть и такіе спокойные люди, которые говорятъ: „спастись можно во всякой религіи, дѣлай только добро;“ подъ „добромъ“ сектанты разумѣютъ исполненіе пяти толстовскихъ заповѣдей. Въ ученіи о клятвѣ и властяхъ замѣчается, однако, смягченіе. Такъ, нѣкоторые говорятъ, что принимаютъ клятву въ смыслѣ призыванія Бога въ свидѣтели истинности нашихъ словъ (Рим. 1, 9). Немногіе толстовцы стали совершенно по православному учить о предержащихъ властяхъ (Рим. XIII, 1-7): а иные—и такихъ большинство говорятъ, что „только тѣ власти отъ Бога, которыя не велятъ казнить людей и убивать ихъ на войнѣ.“ Не имѣя ничего устойчиваго въ области вѣры, павловскіе толстовцы и въ жизни обнаруживаютъ такое же шатаніе и двойственность. Чувствуется, что это—овцы, отбившіяся отъ одного стада и не приставшія къ другому. У нихъ съ языка не сходятъ рѣчи о христіанской любви, милосердіи и взаимопомощи; въ тоже время на дѣлѣ они ведутъ себя хуже язычниковъ. Такъ, они оставили безъ всякой поддержки бѣдную вдову Тараникову. Они ничѣмъ не помогли погорѣв-

шему Филиппу Бабенку. Собравшись же на помощь къ другой вдовѣ, по словамъ управляющаго кн. Хилковой, лишь объѣли ее.

Такіе прискорбные случаи показываютъ, что въ сектантствѣ нѣтъ духа истиннаго евангельскаго милосердія. Мало въ немъ замѣчается и трезвенной чистоты. Прежде, при князѣ Хилковѣ, павловскіе толстовцы не пили водки, а нынѣ иные изъ нихъ пьянствуютъ, воруютъ и другимъ порокамъ предаются. Все это возмущаетъ наиболѣе искреннихъ изъ сектантовъ и они опять возвращаются въ православіе, какъ вдова Тараникова или Филиппъ Бабенко. Но масса сектантовъ, видя разстройство своего общества, лишь ожесточается въ упрямствѣ. Она—эта масса—сознаетъ, что сектанты живутъ не складно, потому что нѣтъ у нихъ руководителей. Зачѣмъ отняли у нихъ благодѣтеля—князя? Зачѣмъ выслали въ Вологодскую губернію и его наиболѣе умныхъ послѣдователей? Будь въ Павловкахъ князь Хилковъ, не такъ бы мыслили и жили сектанты; а теперь поневолѣ идетъ у нихъ врозь... И свирѣпѣютъ сектанты отъ такихъ размышленій, и молчаливо замыкаются въ себя, тщательно избѣгая встрѣчъ съ священниками и начальствомъ. Они терпѣливо ждутъ лучшихъ для себя временъ. Свои неудачи они объясняютъ случайными неблагопріятными обстоятельствами: „мы думали сразу все по своему поставить, но не вышло по нашему.“ И павловскіе сектанты, несомнѣнно, на что-то надѣются, чего-то ждутъ. Они думаютъ, что правительство, наконецъ, проститъ ихъ князя и вернетъ его снова въ Павловки. Не даромъ „паня“ разсказываетъ, что князь ѣздилъ изъ ссылки въ Петербургъ и его тамъ обнадежили на счетъ его будущей судьбы... Поэтому, какъ ни расползлось толстовство въ Павловкахъ, но въ немъ еще много опасной живучести, и достаточно только появиться энергичному проповѣднику, чтобы пожаръ

возгорѣлся съ новой силой.“ [1])

Таково было настроеніе павловскихъ сектантовъ, когда лѣтомъ 1901 г. пріѣхалъ къ нимъ изъ Кіевской губ., называвшій себя. пророкомъ Моисеемъ Израиля“, сектантъ-малеванецъ Моисей Наумовъ Тодосіенко.

IV.

Моисей Тодосіенко—крестьянинъ с. Яхновъ, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ с. Яхны изъ Херсонской губ. былъ занесенъ штундизмъ, Тодосіенко оказался въ числѣ первыхъ и ревностныхъ послѣдователей штундизма. Въ 90-хъ годахъ къ Яхнянскимъ штундистамъ пришли проповѣдники секты малеванцевъ и начали учить, что въ г. Таращѣ появился якобы великій пророкъ, который творитъ многія знаменія и чудеса, и проповѣдуетъ о приближающейся кончинѣ міра. Нѣкоторые изъ любознательныхъ, принявши новое ученіе, все таки порѣшили отправиться въ Таращу и лично увидѣться съ новоявленнымъ пророкомъ и послушать его проповѣди. Въ числѣ посланныхъ былъ и Тодосіенко. Личное свиданіе съ Кодратомъ Малеваннымъ и бесѣда съ нимъ произвели на этихъ посѣтителей глубокое впечатлѣніе. Возвратившись въ с. Яхны, они прямо заявили предъ штундистами, что Кодратъ Малеванный не только великій пророкъ, но и Спаситель міра, явившійся во плоти, и что на немъ видимо почиваетъ особая благодать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они начали распространять молву, что въ маѣ мѣсяцѣ наступитъ страшный судъ, послѣ котораго Кодратъ Малеванный объявилъ себя царемъ и владыкою міра и откроетъ свое царство. Подъ вліяніемъ этого ученія, штундисты начали продавать свои дома, землю и проч. имущество, а на вырученныя деньги

[1]) Докладная Записка епарх. миссіонера Д. И. Боголюбова.

устраивали братскія вечери. Наконецъ, наступилъ давно ожидаемый май мѣсяцъ. Моисей Тодосіенко приказалъ „выйти за станъ", и сектанты, одѣвши чистыя рубахи, въ бѣлыхъ свиткахъ, а женщины въ бѣлыхъ платкахъ, съ пѣніемъ псалмовъ, отправились на небольшую горку, лежащую недалеко отъ с. Яхновъ и извѣстную и до настоящаго времени подъ именемъ „Ядвига". Дорогу къ этой горѣ сектанты устлали бѣлымъ полотномъ, кожухами и свитками, дабы приготовить путь своему лже—спасителю Кодрату Малеванному и тѣмъ исполнить букву Писанія. Тамъ у Моисея Тодосіенко внезапно открылся мнимый даръ языковъ, состоящій въ произнесеніи безмысленнаго набора словъ, въ родѣ: „алъ—терифъ, эль—терифъ, фера--ма--лемъ, гото—та—лемъ" и т. п. До поздняго вечера сектанты уповательно смотрѣли на небо, съ нетерпѣніемъ ожидая открытія новаго царства, но тутъ явился волостной старшина съ сотскими и разогналъ безумную толпу по домамъ.

Съ этого времени Тодосіенко оставилъ совершенно заниматься крестьянскими работами, бросилъ, хозяйство жену и дѣтей, все время странствовалъ по окрестнымъ селамъ, зараженнымъ сектантствомъ, всюду выдавая себя за Моисея пророка. Дабы сильнѣе поразить сектантовъ и убѣдить ихъ въ своемъ пророческомъ званіи, Тодосіенко ходилъ босымъ по снѣгу, разукрасилъ себя крестами и лентами и продолжалъ говорить „иными языками". Когда въ 80-хъ годахъ Кодратъ Малеванный, какъ признанный психически больнымъ, былъ помѣщенъ въ Кіевское Кирилловское богоугодное заведеніе, среди сектантовъ, его послѣдователей, возникло стремленіе къ его освобожденію. Тодосіенко, въ качествѣ его пророка, вызвался ѣхать въ Петербургъ, дабы убѣдить Государя въ божественномъ достоинствѣ Кодрата Малеваннаго и добиться его освобожденія. Съ этою цѣлью онъ началъ собирать денежныя пожертвованія среди сектантовъ и на собранныя деньги—около 1000 рублей—дѣйствитель-

но ѣздилъ въ Петербургъ. Его миссія тамъ не удалась: принятый за душевно—больного, онъ былъ арестованъ и препровожденъ обратно въ с. Яхны. Разсказы его сектантамъ о поѣздкѣ въ Петербургъ отличались крайнею нелѣпостью и фантастичностью: такъ, онъ говорилъ, что видѣлъ Государя, бесѣдовалъ съ нимъ, и что Государь одной вѣры съ ними—„братъ по вѣрѣ". Онъ радъ бы освободить Кодрата, да министры не позволяютъ. На вопросъ любопытныхъ, каковъ Государь по виду, Тодосіенко говорилъ, что Государь находится подъ стекломъ въ заплатанной свиткѣ, и что Тодосіенко далъ ему изъ своихъ собственныхъ денегъ на бѣдность 3 р. Не смотря на полную нелѣпость, эти разсказы находили себѣ довѣріе среди сектантовъ. Тодосіенко былъ помѣщенъ для медицинскаго изслѣдованія его душевныхъ способностей въ Кирилловскую больницу, гдѣ находился подъ наблюденіемъ профессора И. А. Сикорскаго.

Проф. И. А. Сикорскій такъ описываетъ исторію его болѣзни.

„Моисей Тодос—ко, Кіевск. губ. Васильковскаго уѣзда с. Яхны, 27 лѣтъ отъ роду, женатъ. Больной отъ природы дегенерантъ, у него замѣтны самые безспорные знаки вырожденія (сѣдлообразное небо, многочисленныя, разсѣянныя пигментныя пятна кожи) рядомъ съ ненормальными размѣрами и формою головы (продольный діаметръ головы 193 миллиметра, найбольшій поперечный 162, найбольшая горизонтальная окружность головы 580 м.). Къ дѣйствію спиртныхъ напитковъ Тодос—ко былъ всегда чувствителенъ; въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ страдалъ головными болями и безсонницей, къ чему вскорѣ присоединились душевныя волненія мрачнаго характера отчасти съ ипохондрическимъ оттѣнкомъ. Это заставляло Тодос—ко обращаться неоднократно къ врачебной помощи, требовать кровопусканій и проч. Въ 1890 г. у него появились галлюцинаціи. Ночью, въ

октябрѣ 1890 г., находясь въ полѣ, онъ увидѣлъ необыкновенное сіяніе; въ началѣ 1891 г. находясь въ пути, ночью онъ снова увидѣлъ подобное же сіяніе, послѣ чего въ центрѣ сіянія отверзлись небеса, и тамъ онъ увидѣлъ предъ престоломъ Божіимъ колѣнопреклоненнаго Тихона Задонскаго и услышалъ: *кайтесь люди.* Послѣ этого небеса закрылись. Нерѣдко во время молитвы онъ слышалъ *необычайно пріятный запахъ*, который ни съ чѣмъ не сравнимъ.

Съ конца 1891 г. въ психическомъ состояніи его происходитъ существенная перемѣна. Дотолѣ колеблющійся, сомнѣвающійся, грустный, онъ безъ всякихъ внѣшнихъ поводовъ становится самоувѣреннымъ, рѣшительнымъ, радостнымъ и просвѣтленнымъ, и у него формируются идеи бреда. Онъ перестаетъ считать себя обыкновеннымъ человѣкомъ и воображаетъ себя Моисеемъ пророкомъ, выступаетъ на проповѣдь, собираетъ вокругъ себя послѣдователей, властно распоряжается ими и требуетъ себѣ безпрекословнаго повиновенія. Даже во внѣшнемъ видѣ больного съ этого времени замѣчается перемѣна: онъ щегольски одѣвается, носитъ изящный носовой платокъ, франтовую шляпу, ходитъ съ тросточкой и носитъ зонтикъ. Идеи бреда основаны у него главнымъ образомъ на парадоксальной логикѣ, съ которою онъ объясняетъ видимое, слышимое, читаемое. Такъ разсматривая крестообразную складку у себя на рукѣ, онъ видитъ въ ней доказательство своего высшаго назначенія; шумъ и звукъ *ш*, по его мнѣнію, обозначаютъ, что надо дѣлать *шагъ* впередъ; звукъ *в* обозначаетъ, что Господь *ведетъ*, и мы должны идти за Нимъ, звукъ *д* обозначаетъ, что они, малеванцы, дѣлаютъ добро, а православные добра не дѣлаютъ, звукъ *щ* обозначаетъ, что пришло время *щавить* (сдавить, сжать) все дурное.

Подобнымъ же образомъ онъ произвольно и своеобразно толкуетъ всѣ совершающіяся событія; такъ, напри-

мѣръ, въ присутствіи коммиссіи Тодос—ко указывая на членовъ коммиссіи, вблизи которыхъ онъ стоялъ, затѣмъ указавъ на группу стоявшихъ поодаль крестьянъ и затѣмъ указавъ на себя, произнесъ: *мы, всѣ, я*—значитъ Мес-сі-я т. е. что онъ, Тодос—ко, есть Мессія. Съ подобными же пріемами парадоксальнаго мышленія Тодос—ко истолковываетъ самыя трудныя мѣста св. Писанія. Онъ разрѣшаетъ всѣ проблемы простой игрой словъ, основанной на созвучіи или внѣшнемъ сходствѣ, и услаждается сознаніемъ, что ему ниспосланъ Богомъ даръ быть рѣшителемъ и истолкователемъ всѣхъ вопросовъ религіи и жизни. Такъ, онъ берется истолковать движеніе и значеніе звѣздъ, опредѣлить происхожденіе и число языковъ и народовъ, указать смыслъ существованія всякаго звѣря, всякаго дерева, злака и т. п. и предсказать будущее. Въ первое время по поступленіи въ больницу Тодос—ко занимался религіозной проповѣдью, но впослѣдствіи успокоился и сталъ трудолюбивымъ работникомъ. Въ августѣ 1892 года началось постепенное улучшеніе, и въ октябрѣ наступило выздоровленіе". [1])

Но, очевидно, выздоровленіе Тодосіенко былъ лишь временное...

Принявъ притворно, какъ оказалось впослѣдствіи, православіе, Тодосіенко былъ отпущенъ изъ больницы домой и держалъ себя первое время осторожно. Но скоро онъ снова сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ руководителей малеванцевъ. Въ это время появились среди сектантовъ многочисленныя письма Малеваннаго изъ Казани и отъ главнаго сотрудника Чекмарева, въ которыхъ предсказывалось скорое окончаніе страданій ихъ мнимаго спасителя и водвореніе новаго царства, въ которомъ не будетъ ни министровъ, ни губернаторовъ, ни исправниковъ, ни становыхъ, земли будутъ отобраны отъ помѣщиковъ

[1]) Проф. И. А. Сикорскій. „Сборникъ литературно-научныхъ статей" кн. V, стр. 83—85.

и раздѣлены между послѣдователями Малеваннаго. Эта мысль Кодрата особенно пришлась по душѣ Тодосіенко, не имѣвшему въ то время ни кола, ни двора, и привыкшему жить на чужой счетъ. Онъ сталъ выдавать себя уполномоченнымъ не только Кодратомъ Малеваннымъ, но и самимъ Государемъ на то, чтобы раздѣлить помѣщичьи земли между сектантами. Съ этою цѣлью Тодосіенко началъ ходить по окрестнымъ помѣщичьимъ экономіямъ и описывать количество земли, скота и прочаго имущества, какъ бы подготовляя все къ будущему раздѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставилъ свою обычную крестьянскую одежду и началъ носить нѣчто въ родѣ мундира, штаны съ красными лампасами и фуражку съ кокардой и краснымъ околышкомъ. Вскорѣ послѣ этого Тодосіенко привелъ къ сектантамъ какого-то проходимца, выдавая его за царя и постоянно называя его то „барономъ“, то „его благородіемъ“, онъ ходилъ съ нимъ по свекловичнымъ плантаціямъ и говорилъ народу, что царь пожелалъ увидѣть, какъ живутъ его „браты по вѣрѣ“.

По ночамъ Тодосіенко устраивалъ собранія сектантовъ, на которыхъ возбуждалъ ихъ къ переселенію изъ „земли Египетской (т. е. Россіи) въ землю Ханаанскую“, гдѣ они будутъ пользоваться свободой вѣроисповѣданія. Многіе изъ сектантовъ повѣрили его словамъ и подъ его предводительствомъ отправились въ с. Снѣгуровку близъ ст. Фастовъ, гдѣ прожили около двухъ недѣль, ожидая имѣющихъ прибыть за ними „вагоновъ“, какъ обѣщалъ имъ Тодосіенко. Наскучивъ ожиданіемъ обѣщанныхъ вагоновъ, часть обманутыхъ Тодосіенкомъ сектантовъ отправилась по домамъ, а часть отправилась за-границу въ Австрію.

Неудача съ переселеніемъ въ „Ханаанскую землю“ сектантовъ не ослабила энергіи Тодосіенко. Съ обычною находчивостью и беззастѣнчивостью Тодосіенко приписалъ эту неудачу кознямъ духовенства и миссіонеровъ.

Въ виду этого онъ началъ проповѣдывать, что прежде нужно уничтожить поповъ,—и отъ словъ скоро перешелъ къ дѣлу. 18 декабря 1900г. во главѣ сектантовъ числомъ около 40 чел., Тодосіенко въ казацкомъ костюмѣ, въ фуражкѣ съ кокардой и краснымъ околышкомъ, ворвался въ приходскую церковь въ с. Яхнахъ. Въ храмѣ совершалась въ это время проскомидія. Молящихся въ храмѣ было мало, такъ какъ крестьяне начали только собираться къ богослуженію. Ворвавшись въ храмъ, возбужденные, съ горящими глазами, сектанты съ крикомъ и шумомъ, расталкивая присутствующихъ, двинулись къ алтарю; но тутъ внезапно остановились предъ царскими вратами въ нерѣшительности. Священникъ, замѣтивъ ихъ присутствіе, обратился къ нимъ съ словомъ убѣжденія—не оскорблять святости храма и удалиться изъ него, такъ какъ они, отступивши отъ православія, не были возсоединены. Но убѣжденіе священника не произвело никакого дѣйствія, и стоящій во главѣ безпорядочной и фанатичной толпы сектантовъ Тодосіенко дерзко заявилъ, что „земля царская и храмъ ихъ“. Трудно сказать, что могло послѣдовать за этимъ, но въ это время среди православныхъ крестьянъ уже разнеслась вѣсть о томъ, что штунда ворвалась въ храмъ. Предчувствуя недоброе, они прибѣжали въ церковь въ большомъ числѣ и вытолкали сектантовъ изъ храма, чѣмъ лишили возможности учинить предположенное ими поруганіе, и нѣкоторыхъ крѣпко избили, такъ что иные проболѣли мѣсяца по два; самъ Тодосіенко отдѣлался лишь синяками подъ глазами. Изъ показаній сектанта Григорія Ротача видно, что цѣлью Тодосіенко въ данномъ случаѣ было: обрѣзать священнику волосы и бороду, сорвать съ него священныя одежды, побить иконы, поломать кресты и произвести всевозможныя надругательства надъ православными святынями, находящимися въ алтарѣ. Такъ закончилась первая, хотя и неудавшаяся

попытка Тодосіенко подвергнутъ оскорбленію православную святыню, которая съ успѣхомъ осуществлена была вскорѣ въ с. Павловкахъ, Харьковской губ. [1])

V.

Прибывъ лѣтомъ 1901 г. въ с. Павловки, Тодосіенко сталъ выдавать себя за пророка, надѣленнаго „высшею силой“ и призваннаго Св. Духомъ способствовать торжеству правды. Собирая мѣстныхъ сактантовъ, онъ проповѣдывалъ имъ, что вскорѣ настанетъ перемѣна въ условіяхъ крестьянской жизни, не будетъ ни церквей, ни духовенства, а земля подѣлится поровну между всѣми людьми. При этомъ онъ убѣждалъ, что для достиженія Царствія Небеснаго необходимо разрушить церкви православныя, дабы освободить скрытую въ нихъ правду. Выдавая себя за важнаго человѣка, Тодосіенко говорилъ, что вмѣстѣ съ царемъ копалъ бураки, при работѣ о многомъ разговаривали. Царь давно думаетъ отнять землю у пановъ, да Сенатъ мѣшаетъ. Но скоро всѣ порядки измѣнятся, скоро этотъ міръ кончится,—и все пойдетъ по новому: земли будутъ отняты у господъ, ни войны, ни судовъ, ни начальниковъ не будетъ, наступитъ истинный рай для сектантовъ-праведниковъ!.. Передъ послѣднимъ концомъ міра придутъ пророки. Онъ, Тодосіенко, есть Моисей пророкъ. Его дѣло—дать возмездіе нечестивымъ людямъ за ихъ злодѣянія. Послѣ придетъ Илія пророкъ, а за тѣмъ и Христосъ—судитъ міръ. Всему близится конецъ. „Бросайте люди работу, одѣвайтесь въ праздничныя одежды, идемъ разрушать неправду на землѣ: Христосъ воскресъ!“

Такъ безумствовалъ Тодосіенко. Слова его огнемъ жгли сердца павловцевъ, они внушали имъ дерзкія на-

[1]) Н. Бѣлогорскій. Кто такой Моисей Тодосіенко, вдохновитель павловскихъ сектантовъ на буйство и разромъ церкви? „Миссіонерск. Обозр“. 1901 г. Декабрь стр. 870—874.

дежды на будущее. Тодосіенко увѣрялъ, что на подмогу Павловцамъ пріѣдутъ изъ Кіева два (по другимъ—четыре) вагона „братьевъ“ (или почему-то „боэровъ“). „Тогда, говорилъ онъ, мы разнесемъ все, доберемся до Петербурга и домъ Романовыхъ раскассируемъ.“ Сектанты окончательно заволновались. Сельскія власти арестовали его, какъ человѣка неизвѣстнаго и отправили въ Сумы. При арестѣ онъ говорилъ сектантамъ, чтобы они не смущались: какъ Христосъ на третій день воскресъ, такъ и онъ появится чрезъ три дня. И дѣйствительно, въ Сумахъ ничего, что давало бы право задержать „пророка“, не нашли, паспортъ былъ въ порядкѣ; „пророка“ отпустили,—и онъ снова появился въ Павловкахъ. Здѣсь онъ продолжалъ подстрекать павловцевъ къ бунту, къ разгрому общественныхъ зданій и къ истребленію „попівъ и панівъ,“ увѣряя, что уже въ Россіи всѣ паны и попы перебиты, и что въ Павловки 16-го сентября на помощь мѣстнымъ толстовцамъ явятся изъ Кіева (будтобы уже) 400 вагоновъ съ толстовцами, такъ какъ на 16 Сентября назначенъ—де бунтъ во всей Россіи.

9 сентября Тодосіенко ушелъ, уведя съ собой одного парня, въ качествѣ ученика, и обѣщалъ, будто-бы вскорѣ вернуться съ 400 своихъ единомышленниковъ. Своимъ замѣстителемъ онь оставилъ Григорія Павленко, которому передалъ свою силу, вливши воду изъ своего рта въ его. Цѣлую недѣлю между сектантами царило какое то нервное оживленіе: о чемъ то переговаривались, постоянно собирались. Въ среду православныхъ стали проникать слухи, что готовится разгромъ церкви, но вѣрили этому далеко не всѣ; говорили о четырехъ вагонахъ „братьевъ,“ которыхъ будто бы, ожидаютъ сектанты. Слѣдить за сектантами должнымъ образомъ было некому: мѣстный урядникъ, человѣкъ зоркій и дѣятельный, отозванъ былъ въ Бѣлополье на ярмарку. И вотъ въ воскресенье, 16 сентября, павловскіе толстовцы рѣ-

шили разгромить свою слободу. Они постановили начать дѣло съ церкви-школы, войти туда во время обѣдни, убить священника, разрушить все и двинуться на каменную церковь, потомъ съ разныхъ концовъ зажечь село и начать всеобщее избіеніе грѣшниковъ. 16-го сентября всю ночь напролетъ сектанты провели въ избѣ, и о чемъ-то бесѣдовали. Здѣсь Григорій Павленко, замѣститель „пророка“,—до того извѣстный, какъ тихій, скромный, ничѣмъ не замѣчательный человѣкъ, вдругъ объявилъ присутствіе въ себѣ „высшей силы,“ которая завтра истребитъ кривду, а самъ онъ завтра же „возсядетъ на престолѣ“. Онъ настаивалъ, что все это должно совершиться завтра, такъ какъ врата Царствія Божія закрываются быстро и надо ловить моментъ, пока они открыты. Нервное возбужденіе, усталость, безсонница брали свое... Одна женщина упала въ обморокъ. „Братья, она умерла, но я ее воскрешу.“!— объявилъ почувствовавшій „высшую силу.“ Онъ взялъ воды, подулъ на нее и брызнулъ: женщина, конечно, очнулась. Такое же „чудо“ совершилъ онъ надъ мужикомъ, упавшимъ въ обморокъ.

16-го сентября, въ 6 ч. утра, по колокольному благовѣсту къ утренѣ въ каменной церкви, сектанты собрались большой толпою и подъ предводительствомъ Павленка двинулись къ церкви-школѣ. По пути одинъ новообращенный сектантъ Горовой, молодой 17-лѣтній парень, читалъ Евангеліе, носитель „высшей силы“ объяснялъ его. Въ телѣгѣ ѣхала дѣвица, сектантская „богородица“ Елисавета Павленко, съ ребенкомъ въ рукахъ и, отъ времени до времени подымая его, спрашивала: „вѣруете ли вы въ сего младенца?“ Сектанты кричали: „вѣруемъ!“ Толпа двигалась медленно, оглашая воздухъ криками: „Христосъ воскресъ! Правда наша!“ Въ этомъ концѣ села никого не было, такъ какъ весь народъ былъ частью въ приходской церкви, частью на

базарѣ, въ противоположномъ концѣ Павловокъ. Толпа подошла къ церкви-школѣ, гдѣ встрѣтила двухъ сторожей—сотскихъ; двери школы были заперты. Откинувъ въ сторону сторожей-сотскихъ, сектанты стали разбивать двери. Одинъ сектантъ (Ферапонтовъ) дернулъ за замокъ, но онъ не поддавался; къ нему подошла его незаконная жена и поцѣловала, онъ опять дернулъ за замокъ, но безуспѣшно; второй поцѣлуй—второе безуспѣшное усиліе; третій поцѣлуй третье усиліе,—и замокъ сломанъ. Съ крикомъ: „Царство Божіе открывается для жены во Христѣ“ сектанты ворвались въ церковь и принялись съ изувѣрствомъ все ломать и разбивать. Иконостасъ въ школѣ былъ закрытъ ширмовою перегородкою. Эту перегородку сектанты отодвинули, разбивъ на ней замокъ, вбѣжали въ алтарь, распахнули царскія двери, сдвинули престолъ съ мѣста. При этомъ, разсказываютъ, Павленко-пророкъ и двѣ дѣвки залѣзли на престолъ и съ него кричали: „кто здѣсь стоитъ?“—„Правда“. „На чемъ она стоитъ?“—„На неправдѣ“—шумѣлъ народъ. „Такъ ломайте же неправду!“—скомандовалъ Павленко,—и сектанты яростно бросились разрушать все. Жертвенникъ они повалили на бокъ, запрестольный крестъ поломали и выбросили изъ окна, напрестольное Евангеліе разорвали, въ изступленіи одна сектантка рвала зубами срачицу, одѣвавшую престолъ. Потомъ, какъ звѣри, выбѣжали они изъ алтаря и стали бить палками по иконамъ. Двѣ иконы въ царскихъ дверяхъ совсѣмъ выдавили, попортили и двери. Изломали и погнули подсвѣчники, паникадило разбили; стекла въ окнахъ всѣ побили палками, партами и желѣзными кружками. Словно въ средніе вѣка дикіе варвары ворвались въ св. храмъ и произвели въ немъ неистовыя опустошенія. Къ счастью, Богъ спасъ отъ поруганія антиминсъ: онъ упалъ съ престола на полъ и не былъ замѣченъ озвѣрѣлыми сектантами; въ дарохранительни-

цѣ на этотъ разъ не было запасныхъ даровъ.

Отъ церкви-школы сектанты, въ сопровожденіи женъ и дѣтей, также собравшихся зрителей, захвативши съ собою разные желѣзные и деревянные обломки, двинулись къ каменной церкви, отстоящей за $1^1/_2$ версты. Столь же медленно, съ тѣмъ же чтеніемъ Евангелія и пѣснопѣніями, шла ужасная процессія. Между тѣмъ вѣсть о разгромѣ церкви-школы стала распространяться по селу. Баба, видѣвшая это разрушеніе, побѣжала къ базару, чтобы разсказать о немъ православнымъ; по пути она встрѣтила станового пристава, которому и сообщила о происшедшемъ. Становой приставъ, въ сопровожденіи урядника и полицейскихъ, поѣхалъ на встрѣчу шествующимъ сектантамъ и просилъ ихъ остановиться. Сектанты опрокинули бричку, смяли пристава, помяли на немъ погоны и начали тискать его ногами. Урядникъ былъ на лошади и счастливо ускользнулъ изъ толпы. Дальше сектантамъ уже разстилался гладкій путь, препятствій не было. Съ крикомъ „ура“ они кинулись на каменную церковь. Священникъ, начавшій было совершать проскомидію, успѣлъ прекратить службу, запереть храмъ и уйти домой. Около запертаго храма остались православные, которые и постояли за святыню Божію. Когда сектанты ворвались въ церковную ограду, православные сначала стали ихъ упрашивать „не трогать церкви“. Но сектанты, подойдя къ двери каменнаго храма, стали бить ее палками, камнями, которые они отламывали отъ карнизовъ. Тогда православные забили въ набатъ. Между тѣмъ, баба добѣжала до базара и разсказала обо всемъ случившемся. Православные, схвативши колья, оглобли и все, что было подъ руками, бросились на защиту храма. Въ это время сектанты напали и избили церковнаго старосту, всѣми уважаемаго, 80-лѣтняго старика, защищавшаго дверь храма. Его хватилъ по головѣ коломъ родной племянникъ-сектантъ. Кровь раздробленнаго че-

рева брызнула на стѣну храма... Православные не выдержали и бросились на сектантовъ, произошла свалка, продолжавшаяся минутъ сорокъ. Сектанты были смяты и сильно избиты. Они пустились бѣжать изъ ограды, оглашая воздухъ криками: „за правду! ура!“.. Православные преслѣдовали бѣглецовъ и били ихъ. Картина ужасная; крики, стонъ, маханье палками, кровь!... Прибывшимъ сельскимъ властямъ и рабочимъ изъ сосѣдней помѣщичьей усадьбы кое-какъ удалось вырвать сектантовъ изъ рукъ ожесточенныхъ православныхъ и помѣстить въ сельскомъ правленіи. Но и послѣ того съ большимъ трудомъ приходилось защищать ихъ отъ православныхъ, осаждавшихъ правленіе и хотѣвшихъ ворваться туда для окончательной расправы. Во время общей свалки и драки, нѣкоторымъ православнымъ были нанесены побои, а сорока двумъ сектантамъ причинены преимущественно легкія поврежденія, не имѣвшія особо вредныхъ для ихъ здоровья послѣдствій, за исключеніемъ лишь сектанта Якова Коваленка, получившаго тяжкія побои, отъ которыхъ онъ на слѣдующій день умеръ.

Въ тотъ же день прибылъ въ Павловки начальникъ губерніи. По его требованію толпа разошлась, и арестованные виновники побоища въ числѣ 67 человѣкъ (47 мужчинъ и 20 женщинъ) отправлены были въ Бѣлопольскую тюрму. Для разслѣдованія дѣла командированы были судебные чины, членъ консисторіи и миссіонеръ. [1])

По окончаніи предварительнаго слѣдствія, опредѣленіемъ Харьковской судебной палаты, 5 декабря 1901 г., 68 обвиняемыхъ, въ томъ числѣ и Моисей Тодосіенко, были преданы суду по обвиненію: Тодосіенко въ подстрекательствѣ къ поруганію Святыни и въ распространеніи среди населенія с. Павловокъ тревожныхъ слуховъ, а всѣ остальные обвиняемые—въ поруганіи дѣйствіемъ

[1]) Описаніе событія сдѣлано на основаніи сообщенія Д. И. Боголюбова въ „Мисс. Обозр.“ 1901 г. Окт. 486—489 стр., а также корреспонденцій въ „Южномъ Краѣ“ №№ 7151, 7170, 7171 и въ „Полт. Губ. Вѣд.“ № 243.

священныхъ предметовъ, въ нападеніи на православное населеніе с. Павловокъ и въ сопротивленіи чинамъ полиціи. Разборъ дѣла происходилъ въ г. Сумахъ, Харьковск. губ. при закрытыхъ дверяхъ, въ продолжавшемся съ 28 января по 4 февраля судебномъ засѣданіи особаго присутствія Харьковской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. Приговоромъ судебной палаты, въ отношеніи 66 подсудимыхъ, за выдѣленіемъ производства о двухъ обвиняемыхъ, вслѣдствіе ихъ болѣзни, 17 подсудимыхъ были оправданы, а остальные 46 признаны виновными и присуждены: 45 подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Моисей Тодосіенко и Григорій Павленко на 15 лѣтъ, 37 подсудимыхъ на 12 лѣтъ, пять на 8 л. и одинъ на 4 г., трое подсудимыхъ—къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ и, наконецъ одинъ несовершеннолѣтній подсудимый—къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца, безъ ограниченія въ правахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ судебная палата постановила въ отношеніи 30 подсудимыхъ изъ числа присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ ходатайствовать чрезъ министра юстиціи предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ назначенныхъ имъ по закону каторжныхъ работъ ссылкою на поселеніе. [1])

Таковъ былъ печальный финалъ павловскаго „страшнаго дѣла“.

Если описанное выше событіе поставить въ связь съ прошлою исторіею павловскихъ сектантовъ и разсматривать его, вдвинувъ въ рамки сравнительно-исторической перспективы, то можно прійти къ заключенію, что павловское „страшное дѣло“ представляетъ собою результатъ своеобразнаго мистическаго движенія въ сектѣ павловскихъ толстов-

[1]) Пригов. Харьк. Суд. Пал. по дѣлу о Павловск. секг. „Мисс. Образ.“ 1902 г. т. 1, 598 стр.

цевъ, и что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ новымъ явленіемъ въ нашемъ сектантствѣ,—явленіемъ *мистической толстовщины.*

Благодаря пропагандѣ князя Хилкова, павловскіе сектанты познакомились съ ученіемъ Л. Н. Толстого. Ученіе это произвело полную анархію въ ихъ мысляхъ, чувствахъ и во всемъ ихъ душенастроеніи. Оно выбило ихъ изъ колеи обычнаго спокойнаго теченія жизни, разрушило вѣковой укладъ православнаго народнаго міросозерцанія и, поставивъ вмѣсто него призрачную, фантастическую перспективу царства Божія на землѣ, въ которомъ не будетъ „ни царівъ, ни попівъ, ни панівъ", возбудило народный духъ несбыточными утопіями и иллюзіями. Правда, ученіе это, въ силу основного принципа „непротивленія", не позволяло павловскимъ сектантамъ допускать насилія, но оно глубоко взволновало ихъ, нарушило ихъ душевное равновѣсіе и, вмѣсто христіанскаго чувства любви къ ближнимъ, возбуждало и питало въ нихъ острое чувство вражды и ненависти къ существующему строю жизни церковной и государственной, а также и ко всѣмъ, кѣмъ этой строй поддерживается и охраняется.

При такомъ настроеніи, въ среду павловскихъ сектантовъ врывается мистическая струя въ лицѣ сектанта-малеванца Моисея Наумова Тодосіенко; это была искра брошенная въ порохъ...

Вліяніе его на павловскихъ толстовцевъ тѣмъ понятнѣе, что мнѣнія малеванцевъ по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ такъ близко совпадаютъ съ крайними выводами анархическаго толстовства.

Весьма естественно, что, находясь въ возбужденномъ напряженномъ состояніи духа, павловскіе сектанты съ довѣріемъ отнеслись къ проповѣди Тодосіенко, который своими дикими бреднями и чудесами производилъ на нихъ неотразимое впечатлѣніе. Они увѣровали въ присут-

ствіе въ немъ „высшей силы“, и сами почувствовавъ эту силу въ сильномъ движеніи и волненіи смятеннаго духа, не могли болѣе спокойно ожидать наступленія царства Божія, имѣющаго осуществиться на землѣ путемъ „непротивленія“, а рѣшили ускорить наступленіе его инымъ путемъ...

Мистическая толстовщина представляетъ собою явленіе новое, но не случайное и неожиданное. Въ исторіи сектъ раціоналистическихъ часто наблюдаются движенія съ характеромъ мистическимъ; мистическія идеи проникали и своеобразно обнаруживались и въ молоканствѣ, и въ штундизмѣ. Поэтому и въ раціоналистической сектѣ толстовцевъ всегда можно было ожидать появленія движеній съ характеромъ мистическимъ.

Но интересно прослѣдить и сравнить, въ какихъ формахъ выражается мистическое движеніе въ разныхъ раціоналистическихъ сектахъ—въ молоканствѣ, штундизмѣ и толстовщинѣ.

Вотъ мистическое движеніе среди молоканъ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Возбужденные „предтечами втораго пришествія“, молокане большими толпами изъ разныхъ губерній, оставивши свою родину, съ торжествомъ и веселіемъ, громогласно распѣвая на пути духовные гимны, двигаются на Кавказъ въ обѣтованную землю, въ новый Іерусалимъ славнаго Царства Христова, имѣющаго открыться близъ Араратскихъ горъ. Есть среди нихъ „Илія и Енохъ“, есть „пророки и апостолы“, явился и самъ лжехристосъ Лукьянъ Петровъ, сообщавшій „высшую силу“ другимъ чрезъ „сопѣніе“ и прибѣгавшій для доказательства своего божественнаго достоинства къ чуду воскрешенія мертвыхъ дѣвъ; миссіи своей онъ, правда, не окончилъ, такъ какъ, собравши деньги и пожитки простодушныхъ молоканъ, бѣжалъ съ дороги въ обѣтованную землю...

Вотъ мистическое движеніе въ штундизмѣ, возбужден-

ное „спасителемъ міра“, мѣщанином гор. Таращи (Кіевск. губ.) Кондрою (Кодратіемъ) Малеваннымъ, находившимся долгое время въ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ въ г. Казани. Взволнованные распространившимися толками о кончинѣ міра, имѣющей наступить 1 ноября 1899 года, малеванцы всю ночь проводятъ въ бдѣніи и молитвѣ, ожидая пришествія Малеваннаго „въ славѣ и силѣ для суда надъ міромъ и для царства съ избранными“. Но когда прошло томительно ожидаемое 1-ое ноября и кончины міра не послѣдовало, то на слѣдующую ночь, на тайно нанятыхъ подводахъ, вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и всѣмъ скарбомъ домашнимъ, покидаютъ они землю Халдейскую и, предводительствуемые „Моисеемъ“, отправляются къ „Отцу“ своему Малеванному. Странное зрѣлище представлялъ собою этотъ караванъ психопатовъ, съ пѣніемъ, воплями, нервными гиками двигавшійся сотни верстъ по селамъ на пути въ Кіевъ: худыя, изможденныя лица съ воспаленными глазами, тихій экстазъ мужчинъ, нервныя всхлипыванія женщинъ, веселыя личики дѣтей, общая колѣнопреклоненная молитва, сопровождаемая рѣзкими конвульсивными движеніями и нервно-истерическими припадками...

Все это знакомыя, печальныя картины или грубой эксплоатаціи религіознаго чувства нашего темнаго, препростаго, наивнаго люда, со стороны разныхъ шарлатановъ, или же болѣзненнаго возбужденія его до размѣровъ нервно-психической эпидеміи подъ вліяніемъ душевнобольныхъ мистиковъ.

Но картины эти блѣднѣютъ предъ тѣмъ ужаснымъ зрѣлищемъ, какое представляетъ собою мистическое движеніе, развившееся среди анархической секты толстовцевъ и такъ рельефно выразившемся въ павловскомъ „страшномъ дѣлѣ“. Поистинѣ страшна и ужасна эта мистическая толстовщина, съ пѣніемъ и молитвою, но въ то же время съ кольями и дручьями торжественно шествую-

щая „ломать неправду“ и насаждать на землѣ толстовскую „правду“; слѣдами самаго грубаго, дикаго разрушенія и опустошенія, брызгами и пятнами человѣческой крови отмѣченъ и усѣянъ ея путь...

Таковъ всходъ и расцвѣтъ посѣваемыхъ толстовцами сѣмянъ анархіи въ религіозной оправѣ: попавъ въ среду народа, они затронули область темныхъ мистическихъ движеній духа народнаго и принесли плодъ по роду своему.

Секта „Іоаннитовъ".

I. Секта „іоаннитовъ": ея происхожденіе, организаторы и главные пункты ученія. II. Распространеніе секты іоаннитовъ. III. Пьеса г. Протопопова „Черные Вороны". IV. Іоаннитскіе книгоноши и пріемы пропаганды. V. Организація и обстановка іоаннитскихъ пріютовъ. VI. Отношеніе къ сектѣ о. Іоанна Кронштадтскаго, сужденія о ней IV всероссійск. миссіонерск. съѣзда и опредѣленіе Св. Синода. VII. Положеніе дѣтей въ іоаннитскихъ пріютахъ, закрытіе пріютовъ и отобраніе дѣтей. VIII. Послѣднія событія въ сектѣ іоаннитовъ.

I.

На общемъ сумрачномъ фонѣ замѣтно оживившагося въ послѣдніе годы сектантскаго движенія, темнымъ пятномъ выдѣляется одна изъ новыхъ сектъ, секта, извѣстная подъ именемъ «іоаннитовъ».

Названіе свое секта получила потому, что главное заблужденіе ея тѣсно связано съ именемъ приснопамятнаго, всероссійскаго пастыря и молитвенника, батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго. Заблужденіе это состоитъ въ томъ, что личность о. Іоанна Кронштадтскаго сектанты, именуемые «іоаннитами», обоготворяютъ, обоготворяютъ не въ какомъ либо переносномъ, а въ прямомъ, буквальномъ значеніи этого слова.

Изъ исторіи сектантства извѣстно, что обоготвореніе людей, или человѣкообожаніе, есть одно изъ давнихъ заблужденій, составляющихъ отличительную особенность сектъ мистическаго характера, называемыхъ у насъ «хлыстовщиной». Хлыстовщина дѣлается извѣстной въ Россіи около половины XVII в., и съ тѣхъ поръ она не-

прерывно существуетъ, принимая въ разныхъ мѣстахъ разныя названія: хлыстовъ, богомоловъ, монтановъ, бѣсѣдниковъ, бѣлоризцевъ, шалопутовъ и т. д.

Къ этой группѣ сектъ примыкаетъ и недавно появившаяся секта іоаннитовъ. По сущности своего заблужденія, и по нѣкоторымъ другимъ характернымъ чертамъ она представляется родственной сектѣ хлыстовъ. Это— отпрыскъ отъ одного корня, разновидность одного общаго типа мистическаго сектантства.

Обоготвореніе людей въ хлыстовщинѣ стоитъ въ связи съ ученіемъ о перевоплощеніи божества, которое составляетъ основной догматъ этой секты.

По вѣрованію хлыстовъ, Богъ не одинъ только разъ воплотился въ Единородномъ Сынѣ своемъ, какъ учитъ церковь православная, а многократно воплощался и нынѣ воплощается, для того чтобы открывать людямъ истину и указывать имъ путь ко спасенію. Это происходитъ такимъ образомъ, что Богъ вселяется въ «пречистую плоть" избраннаго праведнаго человѣка, по слову св. Писанія: «Азъ вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ Богъ» (Лев. 26. 12), вселяется на столько, что совершенно поглощаетъ личность человѣка, и что-бы человѣкъ ни дѣлалъ, дѣлаетъ уже не онъ, а живущій въ немъ Богъ.

Такой человѣкъ, по вѣрованію хлыстовъ, и есть «живой Богъ». Въ немъ обитаетъ св. Тройца, и слово его есть живое божественное слово, ведущее ко спасенію. Человѣкъ, сдѣлавшійся «живымъ Богомъ», обладаетъ, по представленіямъ хлыстовъ, и божескими свойствами —всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ. Онъ знаетъ самыя тайныя помышленія, знаетъ все, что у кого на сердцѣ, онъ видитъ, чего другіе не видятъ (напр., небо отверстое, кладязь воды живой), онъ можетъ творить чудеса. Для него, какъ для праведника, «законъ не ле-

житъ» (1 Тим. 1, 9), надъ нимъ нѣтъ суда ни божескаго, ни человѣческаго, а гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и грѣха. Поэтому, даже явныя пороки и безнравственныя дѣйствія «живыхъ боговъ» не ставятся имъ въ вину, и хлысты обыкновенно закрываютъ на нихъ свои глаза, слѣпо вѣруя, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ ихъ наставники водятся Духомъ Божіимъ, а «водимые Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи» (Рим. 8, 14).

Отсюда то божеское поклоненіе и почитаніе, которое воздаютъ хлысты своимъ «живымъ богамъ», молясь на нихъ, крестясь, падая на колѣни, цѣлуя руки и ноги и т. п. Отсюда тотъ безусловный авторитетъ, то неотразимое вліяніе и деспотическая власть, которую проявляютъ хлыстовскіе «живые боги» надъ своими послѣдователями и которой послѣдніе повинуются безпрекословно, безъ всякаго размышленія, какъ автоматы.

Низведя, такимъ образомъ, Бога на землю и помѣстивъ его въ «пречистую» хлыстовскую плоть, хлысты то же самое сдѣлали и по отношенію къ Божіей Матери, ангеламъ, святымъ и вообще ко всему міру горнему. Проповѣдуя, что на небѣ «нѣтъ ничего», что тамъ—«пусто», хлысты утверждаютъ, что Богъ, рай и всѣ угодники Божіи находятся среди нихъ, въ ихъ обществѣ, и, не стѣсняясь, распредѣляютъ между собою роли апостоловъ, пророковъ, архангеловъ и другихъ святыхъ. Исторія домостроительства нашего спасенія, по ихъ мнѣнію, постоянно повторяется, поэтому и всѣ прежнія дѣйствующія лица вновь появляются. Этимъ объясняется, почему вездѣ, гдѣ живутъ хлысты, во всѣхъ хлыстовскихъ общинахъ или «корабляхъ», всегда встрѣчаются и никогда не переводятся «боги», «христы», «апостолы», «пророки», «архангелы», «богородицы», «пророчицы», и имъ подобные, «богодуховные сосуды» и «жилища духа».

Въ такомъ видѣ сложилось у хлыстовъ, какъ основной ихъ догматъ, ученіе о перевоплощеніи, тѣсно свя-

занное съ обоготвореніемъ людей, или человѣкообожаніемъ.

Вотъ это именно хлыстовское заблужденіе слилось съ именемъ и личностью великаго всероссійскаго пастыря и молитвенника, батюшки о. Іоанна Кронштадскаго, и легло въ основу новой, родственной хлыстовщинѣ, секты «іоаннитовъ».

Медленно и постепенно разгорался дивный свѣточъ Кронштадтскій, пока не засіялъ ярко на всю Россію и далеко за ея предѣлы. Уже во вторую половину своего пастырскаго служенія, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій пріобрѣтаетъ всемірную извѣстность. Имя о. Іоанна, какъ духовнаго врача, собирало въ Кронштадтѣ десятки тысячъ богомольцевъ, искавшихъ здѣсь исцѣленія, утѣшенія и поученія.

Но—гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни.

Среди посѣтителей Кронштадта видное мѣсто принадлежало хлыстамъ. которые, приходя сюда изъ разныхъ мѣстъ Россіи, приносили съ собой свое ученіе о перевоплощеніи божества и примѣнили его къ батюшкѣ о. Іоанну. Въ домахъ, гдѣ останавливались Кронштадтскіе паломники, существовалъ обычай чтенія акаѳиста съ общимъ пѣніемъ присутствующихъ, послѣ прочтенія акаѳиста различные самозванные проповѣдники обращались съ рѣчами къ народу, въ которыхъ изъясняли тѣ или другія мѣста св. Писанія, излагали нравственныя истины и т. д. Такимъ порядкомъ вещей ловко воспользовались хлыстовскіе учители. Они стали сѣять среди довѣрчивыхъ почитателей и почитательницъ о. Іоанна свои сектантскія мудрованія о перевоплощеніи Сына Божія и толковали, что «въ батюшкѣ Кронштадтскомъ явился Богъ во плоти онъ оправдалъ себя въ духѣ, показалъ ангеламъ и въ народахъ проповѣданъ», «батюшка—селеніе Божіе, жилище Святой Тройцы», «въ батюшкѣ почиваетъ Св. Тройца: Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой».

Но помимо того, большой наплывъ богомольцевъ прив-

лекалъ въ Кронштадтъ много народа праздношатающагося, не имѣвшаго опредѣленныхъ занятій, а также разнаго рода религіозныхъ проходимцевъ, которые на религію смотрѣли, какъ на источникъ наживы. Эти люди, вкравшись въ довѣріе Кронштадтскаго пастыря, злоупотребляли его именемъ, нагло эксплоатируя горячую любовь почитателей о. Іоанна, выманивая у нихъ деньги и разныя вещи якобы для дорогого батюшки. Средствомъ для этого мошенничества служили обыкновенно разныя вещи, просфоры, вѣнки, портреты о. Іоанна Кронштадтскаго, остатки отъ его трапезы и проч., благословляемые будто бы самимъ батюшкой при посѣщеніи ихъ квартиръ, которыя и продавались за высокую цѣну, какъ имѣющія особую чудодѣйственную или, по крайней мѣрѣ, таинственную силу [1]).

Подъ вліяніемъ указанныхъ двухъ факторовъ,—хлыстовской пропаганды съ одной стороны, и мошеннической эксплоатаціи именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго—съ другой,—и возникла новая, родственная хлыстовской, секта іоаннитовъ. И какъ въ хлыстовствѣ наружное благочестіе и святошество близко соприкасалось съ явленіями нравственнаго безобразія, такъ въ іоаннитст ѣ искреннее религіозное увлеченіе перемѣшивалось съ сознательнымъ обманомъ и даже воровствомъ. Рядомъ съ людьми вполнѣ искренними и религіозно—настроенными, сердечно жаждущими «святой жизни», въ Кронштадтѣ дѣйствовали люди съ сожженной совѣстью, которые сознательно торговали именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго, и, распуская про него всякія небылицы, увѣряли, что о. Іоаннъ находится съ ними въ духовномъ общеніи и благословляетъ ихъ дѣятельность. Составляя правильно организованную шайку, они ловко эксплоатировали темный, препростый довѣрчивый деревенскій людъ, въ большомъ количествѣ

[1]) Н. Булгаковъ. Состояніе сектатнства въ г. С. Петербургѣ. „Православный Путеводитель.» 1905 г. т. 1. стр. 721.

стекавшійся къ Кронштадтскому пастырю и вербовали среди него послѣдователей, увеличивая ряды членовъ новой секты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои доходы. Большинство же рядовыхъ членовъ послѣдователей секты искренно вѣрило въ истину тѣхъ нелѣпостей, которыя проповѣдывались ихъ грамотными единомышленниками, и, обладая живымъ, но ложно направленнымъ религіознымъ чувствомъ, заслуживало лишь глубокаго сожалѣнія.

Первыя извѣстія объ іоаннитахъ, какъ организованной сектѣ, относятся къ самому началу текущаго столѣтія. Въ 1901 г. въ Кронштадтѣ и Ораніенбаумѣ сталъ замѣтно выдѣляться кружокъ особыхъ почитателей о. Іоанна Кронштадтскаго, которые говорили, что ему нужно воздавать божеское поклоненіе и почитаніе. Во главѣ этого кружка, носившаго явно сектантскій характеръ, стояла мѣщанка г. Ораніенбаума дѣвица Порфирія Ивановна Киселева. Она слыла у сектантовъ за «богородицу», и ее величали, какъ «дщерь Царя небеснаго», воспѣвая въ стихахъ:

«Дѣва мудрая Порфира
Ты страдала за Христа,
Христа камень многоцѣнный
Ты имѣла у себя» и т. д.

Это была женщина необразованная, но ловкая, умѣвшая выходить чистой изъ всѣхъ грязныхъ исторій и завоевавшая себѣ расположеніе и горячую защиту о. Іоанна. Въ іоаннитскихъ брошюрахъ Порфирія Ивановна восхваляется, какъ «дѣва чистая, непорочная, т. е. дѣвственница, которая ложа беззаконнаго не познала, мудро и законно подвизалась, за то Богъ вѣнчаетъ главу ея честную вѣнцемъ нетлѣннымъ красоты»,—какъ «свѣтлая премудрая личность», «великая праведница, добрыхъ святыхъ дѣлъ которой не описать на бумагѣ чернилами». Однако, же извѣстно, что эту «дѣвственницу» посѣщала акушерка при Ораніенбаумскомъ родильномъ

домѣ герцога Мекленбургскаго, Михалева, и что Порфирія Киселева была вообще дѣвица съ довольно темнымъ прошлымъ. [1])

Ближайшими помощниками и сотрудниками іоаннитской „богородицы» были «архангелъ Михаилъ» и «Іоаннъ Богословъ». Подъ именемъ «архангела Михаила» извѣстенъ крестьянинъ Ярославской губ. Михаилъ Петровъ, который нѣсколько разъ попадалъ подъ уголовное преслѣдованіе за мошенническое обираніе довѣрчиваго люда именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго. «Іоанномъ Богословомъ» назывался проживавшій въ Новгородской губ. около ст. Подбережье, а затѣмъ переселившійся въ Кронштадтъ, Назарій Дмитріевъ. Въ близкихъ отношеніяхъ къ „архангелу Михаилу“ и «Іоанну Богослову» стояла «мироносица Соломонія», всюду имъ сопутствовавшая; это крестьянская дѣвица Новгородской губ. Екатерина Коргачева. Видное мѣсто среди сектантовъ занимали также: пророкъ Илья—крестьянинъ Калужской губ., К. Виноградовъ, пророчица Евдокія (Ручьевская), апостолъ Прохоръ (Костинъ) и жительница г. Кронштадта Анна Миссюрова. Послѣдняя осенью 1901 г. представила въ Петербургскій духовный цензурный комитетъ рукопись своего сочиненія въ которой доказывала, что о. Іоаннъ Кронштадтскій—Христосъ.

Къ этой же сектантской организаціи примыкали: распространявшій въ Новгородской губ. іоаннитскія заблужденія крестьянинъ Петръ Трофимовъ, извѣстный среди мѣстнаго населенія подъ именемъ „Петьки Казенника“, также крестьянинъ Костромской губ. Пономаревъ и мѣщанинъ г. Царицына Скоробогатченко.

Главная мысль, которая волновала сектантовъ, властно покоряя ихъ умы и сердца, была мысль о „второмъ пришествіи“. Пришествіе это, по мнѣнію сектантовъ, уже „наступило“, но видятъ его только „избранные“.

---

1) Н. Булгаковъ. „Мисс. Обозр“. 1907 г. т. 2. 1489—1490 стр.

Сынъ Божій вторично сошелъ на землю въ лицѣ протоіерея Кронштадтскаго собора Іоанна Ильича Сергіева, сошелъ для суда надъ грѣшнымъ родомъ человѣческимъ. Этотъ судъ и совершается въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ чрезъ публичную исповѣдь народа предъ „батюшкой". Къ Кронштадтскому „батюшкѣ" относятся и слова ап. Павла о Первосвященникѣ святомъ, непричастномъ злу, непорочномъ и отдѣленномъ отъ грѣшниковъ (Евр. VII,26).

Въ іоаннитской рукописи „Благовѣстіе о второмъ славномъ пришествіи Господа нашего Іисуса въ лицѣ отца Іоанна Ильича Сергіева Кронштадтскаго», послѣ эпилога: «Въ началѣ было слово, и слово было у Бога, и слово было Богъ», возвѣщается всѣмъ возлюбленнымъ Господомъ Богомъ православнымъ христіанамъ «великая радость о томъ, что слово Божіе, которое есть Богъ, стало вторично воплощеннымъ Словомъ, Совершенный Богъ—Господь нашъ Іисусъ Христосъ вторично явился совершеннымъ человѣкомъ, пастыремъ и священникомъ». Затѣмъ усиленно подчеркивается и нѣсколько разъ повторяется мысль что «досточтимый пастырь православной Церкви отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ Кронштадтскій есть Самъ истинный Господь нашъ Іисусъ Христосъ во второмъ славномъ пришествіи Своемъ". Пришествіе это совершилось съ „силою и славою многою" и проявилось „въ дѣлахъ благихъ, божественныхъ, подобно тому, какъ блистаетъ молнія и видна бываетъ отъ края небесъ до края ихъ". [1])

Въ іоаннитскомъ сочиненіи „Ключъ разумѣнія" говорится: „Св. Ангелъ, возвѣщавшій о близкой кончинѣ міра и страшномъ судѣ, грядущемъ и приближающемся, есть божественный, святый мужъ о. Іоаннъ Кронштадскій. Въ немъ пребываетъ Господь на престолѣ славы Своей, а посему онъ и есть Самъ Господь, раскрывшій книгу вѣдѣнія о скорой кончинѣ міра".

[1]) Къ характеристикѣ „іоаннитовъ". „Правосл. Путевод." 1905 г. 2 т. 372 с.

Христосъ воплотился въ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ, по мнѣнію сектантовъ, въ послѣдній разъ. Другихъ перевоплощеній Его уже не будетъ, такъ какъ скоро настанетъ кончина міра. Всѣ признаки кончины міра уже на-лицо. Антихристъ явился въ лицѣ графа Л. Н. Толстого, котораго „батюшка—Христосъ, поразилъ духомъ устъ своихъ», т. е. обличилъ всенародно въ проповѣдяхъ. Пророки Илія, и Энохъ тоже явились и исполняютъ свою миссію. Это главари іоаннитовъ—бывшій банщикъ, а затѣмъ редакторъ-издатель журнала „Кронштадтскій Маякъ“ Н. И. Большаковъ и В. Ѳ. Пустошкинъ, извѣстный Петербургскому епархіальному начальству еще съ 1896 г. по мошенническому дѣлу о собираніи денегъ на коляску для о. Іоанна Кронштадтскаго. Эти „обличители“ антихриста, а также упомянутые выше „ап. Іоаннъ Богословъ“ и „архангелъ Михаилъ“ ведутъ дѣятельную борьбу съ антихристомъ, они извѣщаютъ объ антихристѣ, препятствуютъ злымъ дѣйствіямъ его и благовѣствуютъ міру, дабы вѣрные слуги Христа не принимали печати антихриста.

Время кончины міра и начала страшнаго суда въ сочиненіи „Ключъ разумѣнія“, изданномъ въ 1907 г., опредѣляется такъ: „На восьмую тысячу (по окончаніи семи тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра) пройдетъ 430 лѣтъ. Разсчитаемъ: до Рождества Христова было 5508 лѣтъ. Отъ Рождества Христова прошло 1907 лѣтъ. Сложимъ 5508 и 1907 и получимъ 7415. На восьмую тысячу остатокъ получился 415 лѣтъ. Слѣдовательно, до страшнаго суда осталось 15 лѣтъ... Лазарь былъ воскрешенъ въ 5-ый день, рано утромъ. Сіе знаменуетъ, что общее воскресеніе и страшный судъ будетъ въ началѣ 5-ой сотни на 8-мую тысячу“.

Тѣ люди, которые вѣруютъ, что о. Іоаннъ Кронштадтскій—Христосъ, „вкушаютъ сокровенную манну“ второго пришествія Христова, и за свою вѣру получаютъ новое

таинственное имя Откр. II, 17). Они—„истинные православные христіане, свято чтущіе и оберегающіе завѣты святой православной церкви", они „во всемъ стараются итти по стопамъ великаго пастыря и молитвенника о. Іоанна Кронштадтскаго, за что и получили почетное и славное наименованіе іоаннитовъ". Кто же не вѣруетъ въ „батюшку—Христа", вторично явившагося во плоти, тотъ—антихристъ, вторично распинающій Христа (2 Іоан. 7).

Живущіе здѣсь на землѣ и увѣровавшіе въ „Господа—батюшку" должны достойно встрѣчать его (1 Сол. IV.12), измѣняя свою плоть. Средствами для этого измѣненія служатъ—удаленіе отъ „міра и мірскихъ прелестей", т. е. брака для лицъ небрачныхъ и супружескаго сожитія—для лицъ брачныхъ, и поступленіе въ трудовое общество „овецъ Кронштадтскаго пастыря", а затѣмъ возможно частая исповѣдь предъ „батюшкой—Христомъ" и причащеніе изъ его собственныхъ рукъ животворящаго тѣла и крови Христовыхъ. [1])

Іоаннитство, какъ секта родственная хлыстовству, раздѣляетъ взглядъ послѣдняго на природу человѣка, брачное состояніе его, на пищу и напитки. Въ человѣкѣ, говорятъ эти сектанты, два начала: доброе, чистое—душа и злое, скверное—тѣло. Между ними состоянная борьба. Чтобы душа восторжествовала надъ тѣломъ, необходимо обезсилить тѣло, это злое скверное начало лишеніемъ мясной пищи и напитковъ, какъ особенно способствующихъ здоровью его. Бракомъ также, по мнѣнію сектантовъ, питается, усиливается тѣло, этотъ исконный врагъ души, котораго напротивъ нужно обезсилить, а не питать. Отсюда іоанниты избѣгаютъ и чуждаются брака, какъ «скотской блажи», мясной пищи, спиртныхъ напитковъ и проповѣдуютъ необходимость порабощенія плоти, путемъ изнуренія ея.

---

[1]) Н. Булгаковъ. „Правосл. Путевод". 1905 г. 1 т. 722 стр.

Въ іоннитскихъ сочиненіяхъ по этому поводу говорится: «Терпѣніе, кротость, смиреніе, трудолюбіе, воздержаніе, аскетическое умерщвленіе плоти и всѣхъ человѣческихъ страстей, посредствомъ молитвы и поста—вотъ главныя характерныя черты духовнаго устава общинъ (іоаннитовъ)». «Они (іоанниты) не употребляютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, не курятъ табаку; не ѣдятъ мясной пищи, не носятъ щеголеватой одежды, не играютъ въ карты... Кладутъ, изнуряя плоть свою, такъ много поклоновъ, что у иного миссіонера, пожалуй, спина не выдержитъ. Придетъ ли въ голову, благодаря такому режиму, скотская блажь,— предоставляю судить читателю», говоритъ Пустошкинъ.

При устныхъ бесѣдахъ іоанниты высказываются по затронутымъ вопросамъ гораздо прямѣе и откровеннѣе. Одному священнику Херсонской епархіи іоаннитка —книгоноша говорила: «Вы не дорогой батюшка, а грѣшный; табакъ курите, вино пьете, блудъ творите и грѣшки ваши видны, указывая на его дѣтей, сказала она. Все тѣшите тѣло, а душу губите. Мясо ѣдите... А вѣдь пища эта скверная». Отъ православныхъ, побывавшихъ въ дебряхъ іоаннитскихъ г. г. Кронштадта и Петербурга, миссіонеру—священнику той же епархіи неоднократно приходилось выслушивать тѣ наставленія, которыя давали имъ іоанниты: „женатые—разженитесь, а неженатые —не женитесь, винцомъ и мясцомъ не сквернитесь, тѣло нужно изнурять, чтобы душу спасать". «Все они (іоанниты) запрещаютъ, грѣхомъ считаютъ: женитьбу, дѣтей, мясо ѣсть; о душѣ, говорятъ, нужно горевать, а на тѣло наплевать». [1])

Однако, для іоаннитскихъ «святыхъ», какъ и для хлыстовскихъ «живыхъ боговъ», «законъ не лежитъ». Обычная мораль, обязательная для рядовыхъ членовъ секты, для нихъ не представляется безусловно обязательной, ибо они «внѣ» и «выше» закона. Поэтому, іоаннит-

[1]) Мисс. свящ. Ѳ. Кирика. Іоанниты и ихъ книгоноши, „Херсонск. Епарх. Вѣд.» 1909 г. № 15. 360—361 стр.

скіе вожаки не рѣдко нарушаютъ правила своей секты, встрѣчаются между ними такіе, которые и табакъ курятъ, и водку пьютъ. Православнымъ они въ такихъ случаяхъ говорятъ, что табакъ въ ихъ устахъ превращается въ чистый ѳиміамъ, а водка—въ святую воду. Что же касается проповѣди іоаннитовъ объ удаленіи брака и заповѣди: «женатые разженитесь, неженатые не женитесь«, то практическіе результаты ея оказались самые плачевные. Въ іоаннитскихъ притонахъ, какъ и въ хлыстовскихъ корабляхъ, воцарился грубый развратъ. Въ доказательство достаточно сослаться на одинъ письменный документъ, представленный въ числѣ другихъ произведеній іоаннитской литературы на IV всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ Кіевѣ. Въ этомъ документѣ съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ изображается закулисная сторона іоаннитства, такъ возмутительно—пошло священныя имена перемѣшиваются съ разными выраженіями самыми нецензурными, что положительно не только сказать стыдно, но и подумать страшно.

Удаляясь «отъ міра и мірскихъ прелестей», іоанниты заповѣдуютъ своимъ послѣдователямъ возможно часто исповѣдываться предъ «батюшкой—Христомъ» и причащаться изъ его собственныхъ рукъ животворящихъ таинъ Христовыхъ. Спасеніе, говорятъ они, только у дорогого батюшки, судіи міра и вселенной. Кому онъ дастъ печать свою, того и спасетъ. Печать же его—это причащеніе изъ рукъ о. Іоанна. Поэтому «радуйтеся и поспѣшите къ Нему истинному жениху небесному, говорится въ іоаннитскомъ «Благовѣстіи», ибо въ настоящее время совершается великая брачная вечеря, въ настоящее время уневѣщиваются Ему Сладчайшему Господу Іисусу вѣрные христіане въ покаяніи притекающіе... Какъ счастливы тѣ, которые удостаиваются быть у Него, говорить съ Нимъ, приносить сердечное покаяніе о грѣхахъ своихъ и

причащаться св. пречистыхъ и животворящихъ таинъ Его съ пречистыхъ рукъ Его». [1])

Въ виду наступившаго «второго пришествія» и скораго конца этого міра, неразумно и грѣшно привязываться къ тлѣннымъ земнымъ богатствамъ. Поэтому, личную собственность, по ученію іоаннитовъ, должно отдать въ распоряженіе «батюшки—Христа», или же «Его святыхъ», которые изъ суетнаго земного имущества сдѣлаютъ самое душеспасительное употребленіе. «На что земные капиталы, пишетъ Пустошкинъ, людямъ, отрекшимся отъ всѣхъ сатанинскихъ прелестей ради небеснаго богатства»... Исходя изъ такого ученія, іоанниты обираютъ народъ православный, обираютъ «по совѣсти», дочиста. Обобрать богатаго человѣка они считаютъ даже дѣломъ добродѣтельнымъ. Самъ Христосъ, говорятъ они, сказалъ: «богатому трудно войти въ царство небесное, поэтому обирая такихъ, добро имъ дѣлаешь, къ царству небесному приближаешь»...

Такимъ образомъ, вѣра въ наступленіе второго пришествія Спасителя на землю, которое совершилось въ лицѣ батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго, удаленіе отъ міра и мірскихъ прелестей, запрещеніе брачной жизни, ѣды мясной пищи, спиртныхъ напитковъ, требованіе аскетическихъ подвиговъ для изнуренія и порабощенія плоти, частая исповѣдь и причастіе (печать) изъ рукъ о. Іоанна, отреченіе отъ всякаго земнаго имущества и пожертвованіе его въ пользу «батюшки» и его «святыхъ», —таковы существенныя характерныя черты новой секты, которая свила себѣ гнѣздо въ Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ, и оттуда распространялась, прикрываясь и злоупотребляя именемъ и авторитетомъ о. Іоанна Кронштадтскаго.

II.

Изъ Кронштадта ученіе іоаннитовъ было занесено въ

[1]) „Правосл. Путевод". 1905 г. 2. т. 373 стр.

Костромскую губернію. Проповѣдникомъ этого ученія здѣсь явился крестьянинъ д. Хорошева, Солигаличскаго уѣзда, Иванъ Артамоновъ Пономаревъ.

Свѣдущіе люди подозрѣвали въ немъ скрытаго хлыста. Пономаревъ проживалъ нѣкоторое время въ Кронштадтѣ и составилъ акафистъ о. Іоанну. Секта, распространяемая имъ, росла въ своемъ числѣ, и когда о ея существованіи узналъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, то послалъ сектантамъ грозное письменное обличеніе. Однако, возбужденіе, вызванное проповѣдью Пономарева, не унималось. Тогда, по ходатайству мѣстнаго преосвященнаго еп. Виссаріона, св. Синодъ, въ 1902 г. командировалъ о. Іоанна въ Костромскую губернію съ миссіонерскою цѣлью, для вразумленія сектантовъ на мѣстѣ. Получивъ указъ, о. Іоаннъ немедленно отправился въ путь въ захолустную весь, до которой отъ Костромы нужно было ѣхать 140 верстъ на лошадяхъ по проселочнымъ дорогамъ и осенней непролазной грязи.

Выѣхавъ изъ Костромы 1 октября, по окончаніи богослуженія, о. Іоаннъ только на другой день къ вечеру прибылъ въ д. Хорошево и тотчасъ отправился въ церковь. Сюда же явились и сектанты во главѣ съ Пономаревымъ. Помолившись, о. Іоаннъ обратился съ рѣчью къ сектантамъ объ ихъ заблужденіи, разъясняя, какой великій грѣхъ принимаютъ они на душу, считая его святымъ. «Я такой же грѣшный человѣкъ, какъ и всѣ другіе, говорилъ онъ. Чѣмъ замолите вы передъ Богомъ этотъ великій грѣхъ?» Долго продолжалась рѣчь пастыря, то гнѣвная по отношенію къ сектантамъ, то приглашавшая ихъ къ покаянію. Глубокое впечатлѣніе оставила она въ слушателяхъ. По окончаніи ея изъ среды сектантовъ раздались голоса: «прости насъ, батюшка, прости насъ окаянныхъ». На глазахъ у нихъ были слезы.

Нѣкоторые, упавъ на колѣни, не поднимали глазъ на

о. Іоанна, повторяя только: «прости насъ».—«Молитесь, сказалъ имъ о. Іоаннъ, горячо молитесь Всевышнему, чтобы Онъ простилъ вамъ тяжкій грѣхъ и очистилъ сердца ваши», и, обратившись къ алтарю, самъ о. Іоаннъ долго молился. По окончаніи собесѣдованія, о. Іоаннъ вышелъ изъ церкви и направился въ домъ священника, гдѣ имѣлъ ночлегъ. До поздней ночи ходилъ по селу народъ, останавливаясь подъ окнами, въ которыхъ виднѣлась фигура о. Іоанна, склонившагося въ молитвѣ.

Утромъ, 3 октября, о. Іоаннъ служилъ литургію въ храмѣ и произнесъ слово о людскомъ невѣріи и человѣческихъ заблужденіяхъ, призывая заблудшихъ къ покаянію и совѣтуя имъ въ минуты своего сомнѣнія обращаться къ своимъ духовнымъ пастырямъ и не слушать разныхъ смутьяновъ. Послѣ литургіи о. Іоаннъ снова обратился къ сектантамъ; «Искренно ли вы раскаялись?» «Каемся, батюшка, каемся; помолись за насъ». Подозвавъ къ себѣ руководителя секты Пономарева, о. Іоаннъ неоднократно предлагалъ и ему тотъ же вопросъ. Пономаревъ приносилъ полное раскаяніе, прося о. Іоанна простить ему его грѣхъ. Выйдя изъ церкви, о. Іоаннъ по просьбѣ Пономарева, посѣтилъ его домъ, гдѣ совершилъ водосвятіе. Рядомъ съ домомъ была молельня, гдѣ изображеніе о. Іоанна висѣло рядомъ съ св. иконами и передъ нимъ зажигались свѣчи. Пройдя въ молельню, при видѣ своего портрета въ такой обстановкѣ, о. Іоаннъ покачалъ головой и велѣлъ немедленно убрать портретъ со стѣны и снять крестъ съ крыши молельни. Исполнивъ свою миссію, о. Іоаннъ направился въ обратный путь. [1])

Однако же, оказалось, что раскаяніе Пономарева было неискреннимъ, и онъ продолжалъ дѣйствовать по прежнему въ духѣ сектантскаго заблужденія.

[1]) „Мисс. Обозрѣніе“ 1902 г. 2 т. 709—710 стр.

Мало того, онъ воспользовался посѣщеніемъ его дома о. Іоанномъ въ своекорыстныхъ цѣляхъ, и вода, которая была освящена здѣсь о. Іоанномъ, сдѣлалась источникомъ дохода Пономарева. Она вся почти была распродана почитателямъ о. Іоанна, а остатки ея Пономаревъ вылилъ въ свой колодецъ, который и заперъ на замокъ, чтобы другіе безъ его вѣдома не могли брать «святую воду». Затѣмъ на пожертвованія, поступавшія къ нему отъ многочисленныхъ послѣдователей, Пономаревъ соорудилъ особое помѣщеніе, гдѣ нарисовалъ на полотнѣ (онъ маляръ—живописецъ) громадную картину, изображающую, по его словамъ, «небесное служеніе» о. Іоанна въ Хорошевѣ 2 октября 1902 г.

Костромской окружной судъ, на основаніи освидѣтельствованія Пономарева врачами, призналъ его, 27 января 1903 г., страдающимъ умственнымъ разстройствомъ, извѣстнымъ подъ именемъ mania religiosa. Центральный пунктъ его религіозно-бредовыхъ идей составляетъ убѣжденіе, что суть заключается не въ нашемъ тлѣнномъ тѣлѣ, а въ духѣ, который есть Богъ причемъ въ доказательство онъ ссылался на слова 81 псалма: «Богъ сталъ среди боговъ». [1])

Въ концѣ 1909 года Пономаревъ обращался въ св. Синодъ съ прошеніемъ о разрѣшеніи ему въ верхнемъ этажѣ новаго трехъэтажнаго дома открыть молельню съ продажей при ней свѣчей, масла и ладана, а въ нижнемъ этажѣ устроить пріютъ для странниковъ и богомольцевъ.

Изъ Костромской губерніи ученіе Пономарева объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ стало распространяться въ Донской области. Здѣсь нашелся послѣдователь Пономарева въ лицѣ крестьянина слободы Карповки Прохора Скоробогатенкова. Послѣдній былъ зараженъ хлыстов-

[1]) Правосл. Путевод." 1903 г. 1 т. 380—381 стр.

ствомъ и, находясь въ перепискѣ съ Пономаревымъ, увлекся его ученіемъ и сталъ ревностнымъ пропагандистомъ его.

Подъ вліяніемъ новаго ученія Прохоръ Скоробогатенковъ однажды безъ вѣсти скрылся изъ дома своихъ родителей, оставивъ свою молодую жену съ грудным ребенкомъ. По возвращеніи изъ своего долгаго путешествія онъ заявилъ радостно встрѣтившей его послѣ долгой разлуки женѣ, что онъ—святой человѣкъ, что онъ жилъ все время въ Кронштадтѣ у о. Іоанна въ качествѣ приближеннаго человѣка, отказался отъ суеты міра сего и теперь занятъ только однею молитвою.

Вѣсть о близости Скоробогатенкова къ о. Іоанну Кронштадтскому скоро разнеслась изъ слободы Краповки въ сосѣднія села: Мариновку (Донской области), Песочанку, Рассошку (Саратовской губ.) и въ г. Царицынъ. Къ Прохору стали стекаться простодушные и невѣжественные жители этихъ селъ, преимущественно женщины, чтобы послушать его проповѣдь. Желая скрыть движеніе народа отъ мѣстнаго священника, Прохоръ принималъ посѣтителей только по ночамъ. Главнымъ положеніемъ его ученія было слѣдующее: «о. Іоаннъ Кронштадтскій есть Богъ; въ немъ поселилась св. Тройца, въ немъ воплотился самъ Господь Іисусъ Христосъ; онъ (о. Іоаннъ) все знаетъ, а я (Скоробогатенковъ) близкій у него человѣкъ. Меня Отецъ прислалъ объявить вамъ, что вы всѣ—страшные грѣшники, что у васъ настоящій адъ».

Смущенные слушатели спрашивали провѣдника: «что же намъ теперь дѣлать?»—«Нужно просить Отца молиться за васъ, отвѣчалъ онъ, и вотъ, если хотите, я буду ходатайствовать за васъ предъ Отцомъ, а вы должны жертвовать на молебенъ Отцу; жертву давайте мнѣ для передачи, я запишу ваши имена и имена вашихъ родственниковъ для помина».

Потомъ Скоробогатенковъ отправился по домамъ простецовъ, служилъ что то въ родѣ молебна, раздавалъ портреты о. Іоанна въ качествѣ св. иконъ, требуя при этомъ пожертвованій на имя о. Іоанна. Принимая пожертвованія деньгами и вещами, онъ записывалъ имена жертвователей. Собравъ достаточно подаянія, Прохоръ задумалъ снова уѣхать въ Кронштадтъ, сманивъ съ собою мѣщанина г. Царицына Ивана Землянскаго и дѣвушку Домну Близгареву, внушивъ имъ, что имъ необходимо ѣхать въ Кронштадтъ: „васъ Отецъ зоветъ къ себѣ“, говорилъ имъ Скоробогатенковъ.

Выѣхавъ въ Кронштадтъ въ мартѣ 1902 г., Прохоръ Скоробогатенковъ въ августѣ того же года снова возвратился въ слободу Карповку въ сопровожденіи Ивана Землянскаго, Домны Близгаревой и неизвѣстной до того времени личности Екатерины Трушниной, крестьянки Новгородской губ., слывущей въ обществѣ сектантовъ за „скорбящую богородицу“.

Ревностной пропагандисткой ученія Прохора явилась теперь и Домна Близгарева. Интересно, что Домна до отъѣзда въ Кронштадтъ была одной изъ самыхъ нравственныхъ дѣвушекъ: она обрекла себя на безбрачіе, и мѣстный священникъ предлагалъ ей должность просфорни. Проповѣдь Домны производила сильное впечатлѣніе на ея сверстницъ дѣвушекъ. „Теперь я только и узнала, говорила имъ Домна, что я грѣшница; въ Кронштадтѣ живемъ мы у Отца, Отецъ насъ и поитъ и кормитъ, мы ничего не знаемъ, только одно: Богу молимся“.

Прохоръ стремился всѣми мѣрами подорвать авторитетъ мѣстнаго священника въ глазахъ его прихожанъ, говоря: „если священникъ живетъ безъ благодати, то ничто его молитва; вотъ и въ Евангеліи сказано, что есть пастырь добрый: это и есть о. Іоаннъ Кронштадтскій; онъ душу свою полагаетъ за овцы своя, т. е. раздаетъ всѣмъ деньги, а всѣ другіе священники суть разбойники, они не

радятъ о своихъ овцахъ, а только съ нихъ все берутъ". Спутникъ же его Иванъ Землянскій выражался публично такъ: „причастіе священника—грѣшника не есть причастіе, а полова".

Скоробогатенкову удалось склонить 17 человѣкъ, преимущественно дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, въ возрастѣ отъ 17 до 25 лѣтъ, поѣхать въ Кронштадтъ „спасаться". На это обстоятельство обратило вниманіе мѣстное гражданское начальство, и въ ноябрѣ того же года всѣ Карповскіе поломники были выпровожены этапнымъ порядкомъ изъ Кронштадта.

Разочарованныя, быть можетъ, поѣздкой, а также находясь подъ вліяніемъ убѣжденій мѣстнаго священника всѣ дѣвушки чистосердечно раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ и расказали все про смущенія Прохора.

Анна Л. расказала, какъ Прохоръ училъ о божествѣ о. Іоанна и приказывалъ имъ: „не обращайтесь къ священникамъ, иначе пропадетъ ваша душа. У вашихъ родителей рога на головѣ, они—черти, только вы этого не видите, а когда получите благодать, то сами увидите; родителей слушать не нужно, а то поселится въ васъ сатанище". Прохоръ спалъ въ отдѣльной комнатѣ вмѣстѣ съ Екатериной, что дѣвушекъ сильно смущало; но полагая, что такъ нужно для спасенія, онѣ старались удалять отъ себя сомнѣнія. Екатерина заставляла ихъ всѣхъ красть свѣчи въ Кронштадтскомъ соборѣ, понуждала ходить по городу побираться, а также просить милостыню въ церквахъ. Все собранное онѣ отдавали Екатеринѣ. Кто мало приносилъ сбору, того Екатерина ругала, а кто больше добывалъ, тому была похвала.

По временамъ къ нимъ пріѣзжала старшая богородица Параскева, которая присутствовала при чтеніи акаѳиста и, когда пѣли припѣвъ: „радуйся, невѣсто неневѣстная," то поднимала руки и махала ими, а когда пѣли: «Іисусе, Сыне Божій, помилуй насъ», поднимала руки горѣ. По

окончаніи молитвы всѣ кланялись Параскевѣ въ ноги и цѣловали ея ноги. Анна Л. скоро покаялась и торжественно отреклась отъ своихъ заблужденій. 15 декабря, когда священникъ вышелъ со св. дарами для пріобщенія говѣющихъ, Анна вошла на амвонъ и чистосердечно покаялась въ своемъ заблужденіи, громко и отчетливо разсказала, какъ и что дѣлали онѣ по приказанію Прохора и Екатерины въ Кронштадтѣ. Картина была настолько трогательная, что многіе молящіеся въ храмѣ прослезились.

Домна Близгарева, дѣвица 20 лѣтъ, жила въ Кронштадтѣ около 8-ми мѣсяцевъ, почему знала о продѣлкахъ Прохора болѣе, чѣмъ другія дѣвицы. Она подтвердила все сказанное Анною Л., добавивъ слѣдующее. Екатерина Трушнина, крестьянка Новгородской губ., раньше служила въ Петербургѣ въ качествѣ домашней прислуги, затѣмъ случайно познакомилась съ Прохоромъ Скоробогатенкомъ и съ того времени сдѣлалась его спутницей. Екатерина внушала дѣвушкамъ, что «теперь нашли мы Бога въ мірѣ—о. Іоанна Кронштадтскаго, теперь нужно искать Богородицу, безъ нея мы будемъ сироты, отецъ есть, а матери нѣтъ». Прохоръ, говоря то же самое, добавлялъ: «молитесь, скоро откроется вамъ богородица въ Екатеринѣ». Прохоръ не разъ дѣлалъ слѣдующее: рѣзалъ просфоры на маленькіе кусочки, клалъ ихъ въ стаканъ, наливалъ туда краснаго вина, подносилъ наполненный стаканъ къ портрету о. Іоанна Кронштадтскаго и вслухъ говорилъ: «Ты, Господи въ о. Іоаннѣ, ты все знаешь и видишь, претвори просфору въ тѣло Христово, а вино въ кровь Христову». Послѣ этого онъ исповѣдывалъ вслухъ свои грѣхи, молился за наши грѣхи, а потомъ читалъ молитву «вѣрую, Господи и исповѣдую«... Но прочтеніи этой молитвы, онъ причащался самъ, причащалъ ложечкою Екатерину и всѣхъ дѣвушекъ. Однажды Прохоръ и Екатерина повезли Домну по желѣзной доро-

гѣ въ Новгородскую губ. къ какому то старцу Назарію, котораго всѣ секанты считаютъ за Іоанна Богослова, Получивъ отъ него благословеніе, они ходили по Новгородской губ., дѣлая не болѣе 7-ми верстъ въ сутки, заходили въ дома, служили молебенъ съ чтеніемъ Евангелія, читали акѳисты. Довѣрчивый народъ ласково принималъ ихъ и хорошо угощалъ. Преданность Екатерины Прохору была удивительна. Онъ безъ пощады билъ ее палкою толщиною въ мужскую руку и билъ до упаду. Екатерина въ это время кричала ему: «хоть до смерти убей, только не бросай меня». Екатерина въ свою очередь не мало била Домну. По истолкованію Прохора, этимъ Екатерина изгоняла сатану. Очень больно бывало, но Домна утѣшала себя тѣмъ, что черезъ это она будетъ святой. Изъ желенія быть святыми многія дѣвушки просили Екатерину бить ихъ.

Во время ареста карповскихъ паломниковъ въ Кронштадтѣ Скоробогатенковъ былъ въ Карповкѣ и ничего не зналъ о случившемся. Проживая въ Карповкѣ, онъ продолжалъ работать и все свое вниманіе сосредоточилъ на семьѣ Якова Полякова, имѣющаго богатыя средства и слывущаго за богобоязненнаго человѣка. Прохоръ сталъ внушать Полякову ѣхать въ Кронштадтъ, а за указаніе пути туда просилъ 300 р., каковую суму денегъ Поляковъ не согласился дать. Тогда Прохоръ сталъ дѣйствовать на сноху Полякова, солдатку Дарію, которой внушилъ, чтобы она все ей принадлежащее (одежду и обувь), принесла ему тайкомъ отъ своихъ для передачи о. Іоанну. Дарія исполнила его приказаніе: все изъ своего сундука перенесла Скоробогатенкову и, по приказанію послѣдняго, заняла у различныхъ лицъ 20 руб., затѣмъ тайно уѣхала съ нимъ въ Кронштадтъ.

Послѣдній поступокъ Скоробогатенкова переполнилъ мѣру долготерпѣнія мѣстнаго крестьянскаго общества. Крестьяне собрались на сходъ 15-го декабря 1902 г. и

единогласно рѣшили просить г. окружного атамана о выселеніи изъ Карповки Прохора Скоробогатенкова и его единомышленниковъ.

Скоробогатенковъ не долго жилъ въ Кронштадтѣ съ Даріей. Они тамъ были арестованы и доставлены по мѣсту приписки въ г. Царицынъ въ январѣ 1903 г. Дарія вскорѣ сознала свою ошибку.

Жертвами обмана Скоробогатенкова сдѣлались Иванъ Землянскій, Степанъ Л. и Евсей К. Убѣдившись въ святости Скоробогатенкова, они продали дома, вырученныя деньги и все имущество отдали Прохору, а сами уѣхали въ Кронштадтъ «спасаться». Возвратившись оттуда, они остались безпріютными. [1])

III.

Въ 1905 г. на страницахъ свѣтской прессы начали появляться разоблаченія іоаннитскихъ безобразій. Указывались многіе факты, когда послѣдователи этой секты обирали темный вѣрующій народъ, стекающійся въ Кронштадтъ, злоупотребляя именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго.

О сектѣ заговорили и въ обществѣ, и въ печати. Особенно много шума вызвала пьеса г. Протопопова «Черные вороны», въ которой выводились на сцену сектанты іоанниты: «богородица» Порфирія въ лицѣ матушки Гусевой и другіе ея «сподвижники». Объ этой пьесѣ заговорили и въ мірѣ церковномъ, и въ сферахъ правительственныхъ, и въ періодической печати разныхъ направленій, и особенно въ театральныхъ кругахъ. Но отношеніе къ пьесѣ было до крайности противоположное. Одни видѣли здѣсь осмѣяніе православнаго монашества

[1]) Свящ. Е. Овсянниковъ. Новые обожатели о. Іоанна Кронштадтскаго въ Донской области. «Прав. Пут.» 1903 г. 1 т. 489—494 стр.

и чтимаго православною Русью о. Іоанна Кронштадтскаго, усматривали даже издѣвательство надъ христіанскою благотворительностью. Другіе, наоборотъ, доказывали, что «Черные вороны» клеймятъ религіозныхъ шарлатановъ -сектантовъ іоаннитовъ, что пьеса оберегаетъ православіе отъ наносныхъ и грязныхъ элементовъ, что она вскрываетъ религіозные сектантскіе тайники и т. п. Поэтому, въ то время какъ, съ одной стороны, пьеса Эта почти не сходила съ репертуара, выдерживала десятки представленій подрядъ, дѣлала полные сборы,—съ другой стороны, она возбуждала негодованіе настолько сильное, что къ власти стали обращаться съ настойчивыми просьбами о запрещеніи постановки ея на сценѣ.

Содержаніе пьесы вкратцѣ таково. У богатой, еще молодой, вдовы купца и фабриканта Анны Николаевны Краевой есть взрослая падчерица Елена Сергѣевна. Сама Краева—типъ красивой, ловкой, умной, но совершенно безсердечной, безприципной, жадной до чувственныхъ удовольствій женщины. Падчерица представляетъ ей полную противоположность. Это глубокая, сосредоточенная натура съ страстною жаждою правды Божіей, сильно страдающая отъ обмана и грязи окружающей среды. Въ силу противоположности своихъ натуръ мачеха и падчерица глубоко антипатичны другъ другу; эта антипатія еще усиливается вслѣдствіе коллизіи на почвѣ женскаго чувства.

Въ домѣ появляется въ качествѣ учителя дѣтей Краевой молодой студентъ Пальскій. Своими идеальными стремленіями онъ вполнѣ гармонируетъ съ Еленой, и между молодыми людьми зарождается обоюдное нѣжное чувство. Но Елена, склонная къ религіозной экзальтаціи, подпадаетъ подъ вліяніе сектантокъ Елены и Ирины. Послѣднія представляютъ въ ея глазахъ всѣ житейскіе радости великимъ соблазномъ, влекущимъ къ полной душевной гибели. Нравственная борьба Елены, вѣроятно,

окончилась бы побѣдою чувства, но въ дѣло вмѣшалась мачеха, увлекшаяся молодымъ человѣкомъ. Желая устранить падчерицу съ своей дороги, она вступаетъ въ союзъ съ сектантками и устраиваетъ такъ, что Елена видитъ, какъ любимый ею человѣкъ цѣлуетъ руки ненавистной мачехи. Разбитая въ своей послѣдней вѣрѣ, страдающая отъ мнимой измѣны, она бросается въ объятія сектантокъ, увлекающихъ ее разсказами объ «учителѣ«, къ которому стремятся со всѣхъ сторонъ алчущіе правды жизни и страждущіе сердцемъ. Елена рѣшается бѣжать съ ними и скрывается ночью, оставляя записку «не ищите—не найдете». Страстно любящій ее Пальскій рѣшается, во что бы то ни стало, разыскать Елену и спасти ее изъ рукъ сектантовъ.

Между тѣмъ Елену привозятъ въ гнѣздо сектантовъ, гдѣ она присутствуетъ на ихъ радѣніи, происходящемъ въ такой обстановкѣ: на высокомъ сѣдалищѣ сидитъ покрытая покрываломъ женщина, надъ головой которой зажигается вѣнецъ изъ электрическихъ лампочекъ. Эту женщину сектанты называютъ „матушкой“, приписываютъ ей не земную силу. Обстановка радѣнія возбуждаетъ въ Еленѣ сомнѣніе. Но „матушка“ подзываетъ къ себѣ Елену и говоритъ, что она духомъ видѣла, какъ душа Елены страдала, какъ она рвалась къ свѣту и какъ побѣдила искушеніе, рѣшившись порвать съ домомъ и начертивъ огненныя слова: «не ищите—все равно не найдете». Елена поражается прозорливостью «матушки«, — не подозрѣвая, что ея записка передана мачехой сектантамъ, и преклоняется предъ нею.

Матушка вручаетъ новообращенную женщинѣ Варварѣ. Елена страстно желаетъ видѣть «учителя», жаждетъ слышать его, но Варвара увѣряетъ, что только пожертвовавъ все свое имущество въ пользу сектантовъ, она можетъ предстать предъ учителемъ. Елена соглашается

на это. Между тѣмъ одновременно съ Варварой Елену окружаютъ два сектантскихъ пророка Семенъ и Илья. Варвара внушаетъ Еленѣ, что это святые люди, въ которыхъ воплотились древніе пророки. На дѣлѣ же оказывается иное. Семенъ съ гнусными намѣреніями хочетъ пробраться въ комнату Елены, но ее спасаетъ отъ насилія другой человѣкъ, который тоже пришелъ къ сектантамъ въ поискахъ правды. Узнавъ всю ихъ грязь, онъ хотя не имѣетъ силы порвать съ ними, но не участвуетъ въ ихъ мерзостяхъ. Когда онъ увидѣлъ Елену, новую жертву обмана, то проникся жалостью къ ней и, желая спасти ее изъ рукъ сектантовъ и открыть ей глаза, устраиваетъ такъ, что Елена слышитъ, какъ сектанты откровенно говорятъ о своихъ дѣлахъ, ссорятся и попрекаютъ другъ друга разными гадостями, видитъ, какъ они пьютъ, дерутся. Елена узнаетъ все и рѣшается порвать всякія отношенія съ сектантами. Варвара, ничего не подозрѣвая, приноситъ ей для подписи бумагу, въ которой все ея имущество завѣщается въ пользу сектантовъ. Елена отказывается дать свою подпись, и ее запираютъ въ комнатѣ, угрожая, что она не выйдетъ изъ подъ замка, пока не подпишетъ бумагу. Далѣе на сценѣ появляется сама матушка Гусева. Въ интимной бесѣдѣ съ Варварой она хвастается что открыла секретъ, какъ вліять на душу русскаго народа. Этотъ секретъ заключается въ томъ, чтобы дѣлать добро путемъ раздачи милостыни. Милостыня, котрую раздаетъ она и учитель, есть только средство привлечь къ себѣ народъ, который сторицею вернетъ то, что они раздадутъ. При помощи этого средства она и учитель достигли славы и богатства. Въ это время Семенъ и Иванъ приносятъ вина, и начинается безобразная пьяная оргія. Опьяненные сектанты не замѣтили, какъ Илья взялъ ключи и отперъ комнату Елены. Въ самый разгаръ оргіи вдругъ врываются Пальскій и старый управляющій отца Елены

и, угрожая револьверами, требуютъ выдачи Елены. Гусева отказываетъ, но Илья выводитъ освобожденную Елену. Пьеса заканчиваетъя уходомъ отъ сектантовъ Елены, съ которою вмѣстѣ и уходитъ и Илья.

Изъ содержанія пьесы видно, что основной замыселъ ея не представляетъ ничего новаго. Борьба между экзальтированнымъ религіознымъ чувствомъ, требующимъ отреченія отъ міра и его радостей, и естественнымъ влеченіемъ къ нимъ не разъ уже служила темою художественныхъ произведеній. Грубая эксплотація религіозныхъ запросовъ вѣрующей души также не одинъ разъ выводилась въ классическихъ произведеніяхъ нашей литературы. Ни тема пьесы, ни выведенные характеры не могли создать ей шумнаго успѣха.

Интересъ пьесы заключался въ изображеніи бытовой стороны и внутренняго уклада сектантской общины, не давно появившейся и связанной съ именемъ высокочтимаго о. Іоанна Кронштадтскаго.

Конечно, если бы пьеса «Черные вороны» имѣла въ виду только разоблаченіе плутовскихъ продѣлокъ этой секты, если бы она, дѣйствительно, только бичевала изувѣрное сектантство и религіозное шарлатанство, прикрывающее себя именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго, то появленію ея оставалось бы только радоваться. Но дѣло въ томъ, что авторъ пьесы не отдѣлилъ личности высокочтимаго пастыря отъ тѣхъ, кто прикрывается его авторитетомъ и пользуется его именемъ для прикрытія своекорыстныхъ цѣлей. Изъ его пьесы получается впечатлѣніе, какъ будто на самомъ дѣлѣ о. Іоаннъ стоитъ во главѣ этой секты. Въ пьесѣ сектанты постоянно говорятъ о Кронштадтскомъ пастырѣ, какъ своемъ дѣйствительномъ руководителѣ. Матушка Гусева, говоря о вѣрномъ способѣ эксплоатированія русскаго народа, отождествляетъ съ собою о. Іоанна и утверждаетъ, что этотъ способъ открытъ

ею и учителемъ, достигшимъ имъ того, чего желалъ. Такимъ образомъ, Гусева выставляетъ о. Іоанна такимъ же обманщикомъ и эксплоататоромъ, какъ и она сама, и во всей пьесѣ нѣтъ ни одного намека на то, что это ложь, что о. Іоаннъ не солидаренъ и не имѣетъ ничего общаго съ этими ловкими аферистами. А недобросовѣстные актеры (особенно изъ іудейскаго племени), при исполненіи пьесы, старались усилить впечатлѣніе и прозрачными подчеркиваніями и возмутительными прибавленіями внѣ программы въ каррикатурной и крайне оскорбительной для религіознаго чувства формѣ осмѣивали монашество, о. Іоанна Кронштадтскаго и всѣхъ вообще его почитателей. Кромѣ того, на сценѣ употреблялись церковныя свѣчи, свѣтильники, монашескія одѣянія, произносились нѣкоторыя обычныя церковно-молитвенныя слова и выраженія, исполнялись даже церковныя пѣснопѣнія, напр., «да исправится молитва моя» и т. п.

Въ виду этого понятнымъ дѣлается, почему пьеса «Черные вороны» возбудила негодованіе въ людяхъ искренно-вѣрующихъ и преданныхъ церкви, для которыхъ такъ дорого имя о. Іоанна Кронштадтскаго.

«Тяжелое гнетущее впечатлѣніе, сообщаетъ одинъ очевидецъ, вынесъ я отъ «Черныхъ Вороновъ». Предо мною проходили сцены, ярко говорящія о томъ, что все это происходитъ въ православныхъ монастыряхъ. Ни одной яркой картины, ни одной ясной рѣчи, которая бы напомнила зрителямъ, что все это происходитъ въ «сектантскихъ гнойникахъ», я не видѣлъ и не слышалъ въ театрѣ. Наоборотъ, знакомая всѣмъ обстановка монастырей, дѣйствующія лица—монахи, въ монашескомъ одѣяніи и съ монашеской рѣчью,—все это уносило зрителей въ глубь православныхъ монастырей и давало имъ понять, что тамъ именно и творится созерцаемое ими на сценѣ... И я въ антрактахъ усиленно ис-

пытывалъ мнѣніе публики, въ кружкахъ толковавшей о пьесѣ. Люди вѣры негодовали а кощунственное поруганіе православнаго монашества, а извѣстнаго сорта публика открыто издѣвалась надъ «закулисной» жизнью якобы православныхъ монастырей и въ лицѣ сектанта Ивана, любимца Гусевой, прямо видала о. Іоанна. Да,—не «вскрытіе религіозныхъ сектантскихъ гнойниковъ», какъ о томъ говоритъ г. Протопоповъ, видѣлъ я на театральной сценѣ при постановкѣ «Черныхъ вороновъ», а сплошное издѣвательство надъ православными монастырями, ихъ благотворительностью и религіознымъ укладомъ. Самая христіанская мораль на сценѣ собственно зло осмѣивалась. Получалось обычное соціалъ- демократическое издѣвательство: «христіанское ученіе-утопія, и въ жизни оно не только не осуществимо, но даже ведетъ ко злу». 1)

Такой отзывъ о пьесѣ дѣлаетъ человѣкъ твердой вѣры, который, какъ видно, можетъ и умѣетъ дать отчетъ о своемъ упованіи. Что же касается «малыхъ сихъ», вѣрующихъ въ простотѣ сердца, то для нихъ пьеса «Черные вороны» служила большимъ соблазномъ. По свидѣтельству другого очевидца, наблюдая, какъ пьянствуютъ и развратничаютъ на сценѣ актрисы въ монашескихъ одѣяніяхъ, простодушные зрители «верховъ», особенно женщины, охаютъ: «Такъ вонъ онѣ-то какія. А я то имъ жертвы приносила... Теперь—на-кось—выкуси!». А юркіе сосѣди іудейскаго типа предупредительно разъясняютъ: «Развѣ вы не понимаете,—это же вашъ святой о. Іоаннъ Кронштадтскій и его клика»... и проч. въ этомъ же родѣ.

Но вліяніе «Черныхъ вороновъ» не ограничилось одними театральными подмостками. Сюжетъ показался слишкомъ интереснымъ и сталъ варьироваться на разные лады. Въ одномъ изъ Петербургскихъ клубовъ фигурировала маска, въ короткомъ платьѣ «бебе», съ распущенными во-

1) „Черные вороны“ (на сценѣ харьковскаго театра). „Колок.“ № 543.

лосами, съ развѣвающимися на головѣ на проволкахъ девятью «Черными воронами» и надписью на спинѣ: «Дора, похищенная іоаннитами». Маска держала въ рукахъ книгу формата и вида Евангелія, на которой красовалась крупная печатная надпись: «по завѣтамъ іоаннитовъ», и портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Еврейское дитя «Дору» сопровождали двѣ какихъ то сомнительнаго поведенія особы въ костюмахъ монахинь, которыя расталкивая публику, несли вздоръ о Кронштадтѣ и пускали настоящія ракеты, трескомъ, выстрѣлами и фонтакомъ искръ заставлявшія вздрагивать нервно настроенную публику. Говоря о своей сектѣ, Дора допускала возмутительныя кощунства и показывала отвратительныя картинки и даже раздавала открытки, порочащія всѣми уважаемое лицо. Въ 2 часа ночи, подъ звуки шумнаго военнаго оркестра, при аплодисментахъ и крикахъ «браво», жюри отъ публики, стоящее изъ юркихъ еврейчиковъ, объявило, что Дора получила первый призъ за костюмъ. [1])

Такъ, грязными руками и нечистыми устами трепалось и позорилось имя доблестнаго пастыря, всенародночтимаго о. Іоанна Кронштадтскаго.

Понятно, поэтому, почему «Черные вороны"' возбудивъ негодованіе, вызвали многочисленные протесты и ходатайства о снятіи пьесы съ репертуара. Въ отвѣтъ на эти ходатайства, подкрѣпленныя также соотвѣтствующимъ представленіемъ Св. Синода въ Совѣтъ министровъ, послѣдовало изданное въ декабрѣ 1907 г. распоряженіе г. предсѣдателя Совѣта министровъ, которымъ постановка пьесы г. Протопопова «Черные вороны» на театральной сценѣ была воспрещена.

IV.

Въ октябрѣ 1905 г. умерла іоаннитская «богородица» Порфирія Киселева и погребена была на ораніенбаумскомъ го-

[1]) Н. Н. Кузьминъ. „Дора похищенная іоаннитами". „Колок." № 543.

родскомъ кладбищѣ. На могилу ея сектанты начали совершать ежедневныя паломничества, читали здѣсь акаѳисты и, уходя, брали могильный песокъ себѣ на память.

Послѣ ея смерти во главѣ секты стали упомянутые выше вожаки—Большаковъ и Пустошкинъ. Пользуясь объявленной въ 1905 г. свободой печатнаго слова, они, въ видахъ болѣе успѣшной пропаганды, занялись усиленной издательской дѣятельностью, начали издавать еженедѣльный журналъ „Кронштадтскій Маякъ“ съ многочисленными къ нему приложеніями. Сначала издавалъ и редактировалъ „Кронштадтскій Маякъ“ В. Максимовъ, пріобрѣвшій себѣ въ Петербургѣ громкую славу по части изданія уличныхъ лживыхъ листковъ съ кричащими заглавіями; а въ послѣдующее время отвѣтственнымъ редакторомъ--издателемъ этого органа состоялъ Н. Большаковъ.

Въ „Кронштадтскомъ Маякѣ“ помѣщались выдержки изъ сочиненій о. Іоанна Кронштадтскаго, а также различныя статьи, стихотворенія и размышленія, принадлежащія перу руководителей іоаннитской секты, въ которыхъ красною нитью проходила идея обоготворенія о. Іоанна Кронштадтскаго. Кромѣ „Кронштадтскаго Маяка“, проводниками іоаннитскихъ воззрѣній являлись многочисленныя приложенія къ нему въ видѣ книгъ, брошюръ и листковъ, каковы, напр.: „Правда о сектѣ іоаннитовъ“, „Какъ нужно жить, чтобы богато жить и чисто ходить“, „Къ свободѣ призвалъ насъ Господь“, „Еще днемъ закатися солнце“, „Сборникъ стиховъ въ честь о. Іоанна Ильича Сергіева, два изданія“, „Ключъ разумѣнія. Продолженіе книги „XX вѣкъ. О кончинѣ міра и страшномъ судѣ“, „Россійская слава протоіерей отецъ Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій)“, „Новыя грозныя слова о. Іоанна Кронштадтскаго о страшномъ поистинѣ Судѣ Божіемъ, грядущемъ и приближающемся“, „Судъ Іоаннитовъ“, „IV всероссійскій миссіонерскій съѣздъ и современные ревнители православія“, „О еретичествѣ графа Льва Толстого“ и т. д.

Для распространенія обширной іоаннитской литературы

была организована цѣлая армія книгоношъ, которая находилась подъ руководствомъ Н. И. Большакова. Въ концѣ 1908 г. іоаннитскихъ книгоношъ насчитывалось618 человѣкъ обоего пола. Теперь число ихъ, несомнѣнно, увеличилось; „насъ такъ много, такъ много, говорятъ сами книгоноши, что на каждый уѣздъ придется по четыре души".

Обычно каждый іоаннитскій книгоноша снабженъ, за подписью Н. Большакова, „книжкою для разносчика журнала „Кронштадтскій Маякъ" съ приложеніями книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, портретовъ, (эстамповъ), листковъ и т. д." Книжка эта испещрена разрѣшеніями духовныхъ, гражданскихъи военныхъ начальствъ г. Большакову чрезъ книгоношъ распространять свои и синодальныя изданія. Есть и отъ хозяйственнаго управленія св. синода отъ 30 ноября 1907 г. за № 28736 увѣдомленіе Большакова „о дозволеніи распространять ему чрезъ особыхъ книгоношъ синодальныя и другія религіозно-нравственныя сочиненія, и отпуска книгъ на комиссію". Есть разрѣшеніе епископа Оренбурскаго Іоакима, въ которомъ, между прочимъ, прописано: „призываю на васъ и дѣятельность вашу во благо Святой Церкви Православной и Русской державы Божіе благословеніе" (отъ 20 апр. 1908 г. № 4336). Есть еще разрѣшенія Томской и Таврической духовныхъ Консисторій (первой—отч. 9 іюля 1908 г. за № 9903, второй—отъ 12 іюля 1908 г. за № 10607). Озабочиваясь пропагандою и среди войскъ всѣхъ родовъ оружія, Большаковъ подалъ военному министру прошеніе съ просьбой „приказать выдать ему надлежащее удостовѣреніе для свободной продажи книгоношами его и синодальныхъ изданій среди войскъ Россійской Имперіи".

Свое званіе синодальнаго комиссіонера, благословеніе епископа Іоакима и разрѣшенія духовныхъ консисторій Большаковъ широко использовалъ въ цѣляхъ пропаганды. Посланные имъ іоаннитскіе книгоноши говорятъ: „мы ересей не разносимъ, худыхъ книгъ не продаемъ, иначе

—Синодъ, архіереи и консисторіи не благословили бы на это дѣло. Вотъ прочтите нашу книжку, тамъ и найдете отъ нихъ намъ разрѣшеніе". Книжка эта парализуетъ зоркость и энергію сельскихъ властей, когда они начинаютъ прочитывать копіи разрѣшеній отъ разныхъ лицъ и учрежденій на право распространенія Большакову книгъ и брошюръ. Простой народъ по адресу книгоношъ говоритъ: „они имѣютъ документъ", поэтому охотно покупаетъ у нихъ все.

Въ котомкѣ книгоноши всегда можно найти *одинъ* экземпляръ Евангелія, нѣсколько молитвенниковъ, поминальницъ и много различныхъ іоаннитскихъ изданій. Здѣсь, кромѣ того, имѣются: крестики, ладонки, шейные портреты о. Іоанна и Порфиріи Кисилевой, пояса съ вышитыми словами: „Живый въ помощи Вышняго"...и „Да воскреснетъ Богъ"... Есть кабинетные портреты о. Іоанна въ священническомъ или служебномъ одѣяніи.

Книгоноши своимъ „матеріаломъ" торгуютъ прибыльно и шибко, хотя, конечно, они не столько торговцы, сколько пропагандисты. Въ котомкѣ Евангеліе (одинъ экземпляръ) и молитвенники держатся только „для отвода глазъ". Вся сила книгоношъ состоитъ въ томъ, что они прежде всего пропагандисты и ведутъ дѣло это фанатично. Отъ книгоноши въ 5—10 минутъ собесѣдованія вы узнаете всю суть іоаннитства безъ всякой утайки. Такая „скоропалительность" ихъ даже не нравится Большакову, который говоритъ: „вѣдь это люди простые, сѣрые, земные и могутъ многое сказать „ни къ селу, ни къ городу".[1])

Пермскій епархіальный миссіонеръ А. Куляшевъ такъ изображаетъ картину іоаннитской пропаганды и ту обстановку, среди которой она происходитъ.

„Съ лаской, любовью, кротко и мирно войдутъ іоанниты въ села, деревни и умѣлой рукой поведутъ пропаганду. Своей новизной поразятъ они многихъ. Быстро и ско-

[1]) Іоанниты и ихъ книгоноши. Мис. свящ. Ѳ. Кирика. „Херсонск. Епарх. Вѣд."1909 г. № 16, стр. 384—387.

ро откликается людъ, гдѣ послышится слово о жизни святой, гдѣ разносится вѣсть объ угодникахъ Божіихъ... Они говорятъ о томъ старцѣ Кронштадтскомъ, имя котораго извѣстно уже всѣмъ... О молитвѣ его, о дивныхъ дѣлахъ слыхалъ каждый. Но вотъ появляются тѣ Кронштадтскія женщины, которыя скажутъ: „мы не только слыхали, а все на себѣ испытали, все увидали глазами своими: нашъ батюшка родной истинный Христосъ. Онъ больныхъ исцѣляетъ, бѣсовъ изгоняетъ, знаетъ, что у каждаго въ сердцѣ. Всѣхъ онъ зоветъ къ себѣ, такъ какъ въ міру теперь христіанину жить невозможно. Скоро наступитъ антихристъ; отступленіе уже началось. Илья и Енохъ и Іоаннъ Богословъ давно уже живутъ среди насъ. Нашъ батюшка родной какъ только лишь умретъ, тогда и міръ скончаться долженъ. Теперь же всѣ должны, продавъ имѣнія, ѣхать къ намъ въ Кронштадтъ и Петербургъ". Подобная рѣчь іоаннитокъ имѣетъ громадный успѣхъ. Умѣло, тактично ведутъ они свое дѣло. Во-первыхъ, онѣ не просятъ, не попрошайничаютъ, напротивъ—или сами помогутъ, или даже на свой счетъ свозятъ васъ въ Кронштадтъ; во-вторыхъ, онѣ глубоко убѣждены въ истинности своихъ словъ, всей душей предаются своей пропагандѣ, въ неискренности ихъ заподозрить нельзя. Фанатизмъ у нихъ доведенъ до крайности, найти для себя вѣнецъ мученичества—это для нихъ великая честъ. Ловкія и опытныя, онѣ блестяще замаскируютъ дурныя стороны, или оправдаютъ ихъ, весьма умѣло. Жизнь ихъ проходитъ въ трудахъ; живутъ онѣ скромно, скудная пища. Непрестанно поютъ акаѳисты, читаютъ молитвы и воспѣваютъ въ честь о. Іоанна кантаты. Поютъ онѣ довольно стройно; одушевленіе сильное, поклоны истовые. Все это привлекаетъ къ нимъ простой народъ. Съ нимъ іоаннитки обращаются ласково и въ разговорахъ незамѣтно дойдутъ до современныхъ событій, обличатъ въ невѣріи пастырей церкви, укажутъ на наши недостатки и прикуютъ вниманіе слушателей своими

разсказами о дорогомъ батюшкѣ, о близкомъ пришествіи антихриста. Результатомъ подобной бесѣды является пополненіе рядовъ іоаннитокъ. Продавая цвѣты и вѣнки, іоаннитки несутъ свою пропаганду: незамѣтно съ этимъ товаромъ снабдятъ васъ и брошюрой и книгой. Народъ увлекается, собирается къ нимъ на моленія. Многіе склоняются съѣздить въ Кронштадтъ. Тамъ ихъ встрѣтятъ, обласкаютъ и покажутъ, конечно, лишь одну казовую привлекательную сторону. Многіе возвращаются изъ Кронштадта съ твердымъ рѣшеніемъ все распродать и для спасенія души уѣхать въ Кронштадтъ. („Пермск. Еп. Вѣд.“).

Въ такомъ же духѣ представляетъ типичную обстановку и способы іоаннитской пропаганды и миссіонеръ— священникъ Херсонской епархіи Ѳ. Кирика. Въ „божницѣ“ крестьянской избы, гдѣ примѣрно остановился Черновъ (іоаннитъ), есть уже портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго и мѣщанки Порфиріи Кисилевой. Передъ портретомъ о. Іоанна теплится лампадка. Черновъ истово кладетъ передъ нимъ крестное знаменіе, цѣлуетъ его и возглашаетъ: «Благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа». Аминь и идетъ пѣніе «Царю Небесный,»... «Достойно есть»... «Воскресеніе Христово видѣвше»... Потомъ идутъ канты въ честь о. Іоанна Кронштадтскаго (напр. «Ты сподвижникъ всего рода») и Порфиріи Киселевой («Дѣва мудрая Порфира»). Послѣ этого произноситъ онъ поученіе, бичуя обыденные пороки людскіе, часто роняя и слезу. Затѣмъ идетъ чтеніе изъ дневника о. Іоанна «Моя жизнь во Христѣ», которое онъ заканчивалъ призывомъ слушателей: «спѣшите въ Кронштадтъ, спѣшите, минуя церкви и монастыри! Спасенія нѣтъ въ нихъ. Оно только у дорогого батюшки, судіи міра и вселенной. Кому онъ печать (причастіе) дастъ свою, того и спасетъ. Эта его печать есть и при мнѣ, но дорогой батюшка скорбитъ, если его минаютъ». Затѣмъ идутъ« повѣствова-

нія» о безчисленныхъ чудесахъ «дорогого батюшки», о святой жизни его сподвижниковъ, любимыхъ имъ... Послѣ «повѣствованій» на столѣ раскладывается товаръ: портреты о. Іоанна, его сочиненія, иногда портреты и Профиріи Киселевой, крестики, ладонки съ портретомъ о. Іоанна и іоаннитская обширная литература изданій Большакова... «Берите, приглашалъ Черновъ, торговаться только нельзя, потому что все это благословеніе самого дорогого батюшки и деньги идутъ ему». Брали и давали щедро. Между тѣмъ, вся эта печатная литература- правильнѣе безграмотная стряпня, за исключеніемъ, конечно сочиненій о. Іоанна, есть пропаганда іоаннитства и защита его, съ обливаніемъ клеветою, злобою и ненавистью православнаго духовенства и особенно миссіонеровъ, якобы слугъ сатаны. Послѣ этой «операціи» идетъ чтеніе акаѳистовъ и часто цѣлую ночь. Есть «акаѳистъ и о. Іоанна Кронштадскому», который всегда читалъ самъ Черновъ, остальные же поручалъ и другимъ. Утромъ, послѣ долгой и продолжительной молитвы, предъ вкушеніемъ обыкновенной пищи изъ чашки съ портретомъ о. Іоанна поѣстъ онъ просфоры съ водою и присутствующимъ предлагаетъ. Въ дни же воскресные и праздничные въ ту же чашку вливалъ онъ и краснаго вина, и тогда присутствующіе обязаны были «запричаститься" такимъ образомъ. И такъ, изо дня въ день въ каждой мѣстности, куда только заносили ноги Чернова, все это творилось, пока и слѣдъ его не простылъ изъ Херсонслой губерніи[1]).

V.

Кромѣ организаціи стройной арміи книгоношъ, необходимыхъ для пропаганды своего ученія, іоанниты создали

[1]) Іоанниты въ Херсонской епархіи. Мис.—свящ. Ѳ. Кирика. „Миссіонерск. обзр." 1909 г. № 2, стр. 225.

еще и другую организацію, въ которой осуществлялся, по ихъ мнѣнію, идеалъ жизни святой, богоугодной,—организацію іоаннитскихъ пріютовъ, или, правильнѣе «притоновъ».

Проповѣдуя, что спастись можно только въ Кронштадтѣ, іоанниты приглашали всѣхъ желающихъ спасенія поспѣшить ѣхать въ Кронштадтъ, чтобы тамъ поступить въ трудовое «общество овецъ Кронштадтскаго пастыря» Только тамъ, вблизи и подъ руководствомъ „дивнаго Кронштадтскаго пыстыря» возможно осуществленіе жизни праведной, святой и богоугодной. И вотъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ возникаютъ іоаннитскія общежитія или на языкѣ сектантовъ, „обители Христовы“, гдѣ «въ добромъ христіанскомъ обществѣ трудящихся въ Господѣ» проживали «любимые сподвижники» дорогого батюшки.

Какъ во главѣ издательской дѣятельности іоаннитовъ и организаціи книгоношъ стоялъ Н. И. Большаковъ, такъ во главѣ организаціи іоаннитскихъ пріютовъ стоитъ другой видный вожакъ этой секты В. Ф. Пустошкинъ. Всѣ паломники, которыхъ іоаннитскіе книгоноши направляютъ къ о. Іоанну Кронштадтскому, прежде чѣмъ пріѣхать въ Кронштадтъ, обязательно попадаютъ въ главный іоаннитскій притонъ Пустошкина въ Петербургѣ. Здѣсь Пустошкинъ эксплоатируетъ ихъ самымъ наглымъ образомъ, отбираетъ у всѣхъ деньги «на сохраненіе», а потомъ выдаетъ лишь на билетъ и на харчи, а остальное оставляетъ на братство. Вліяніе Пустошкина на простой народъ удивительно велико. Запугивая страшнымъ судомъ, онъ настолько экзальтируетъ попавшихъ къ нему, что остается удивляться, какъ люди, вполнѣ благоразумные, грамотные и развитые, притомъ предупрежденные мѣстнымъ священникомъ передъ отъѣздомъ обо всемъ, снабженные совѣтами,—все таки за нѣсколько дней пребыванія въ Петербургѣ обращаются въ какихъ то изступленныхъ фанатиковъ, рѣшающихся продать все имуще-

ство, оставить жену и дѣтей и идти «туда», ибо скоро будетъ страшный судъ.

Всѣмъ паломникамъ Пустошкинъ обыкновенно говоритъ, что безъ даровъ къ «батюшкѣ» нельзя ходить, что у него нѣтъ хорошей ризы къ предстоящему празднику, нѣтъ евангелія,—дѣлая этимъ намекъ на необходимость пожертвованія. Если паломники люди бѣдные и смущаются, ибо у нихъ нѣтъ денегъ, то Пустошкинъ заявляетъ: «не смущайтесь, я вамъ повѣрю»,—даетъ ризу и евангеліе и тутъ же прибавляетъ: »когда придете къ батюшкѣ, скажите, что Пустошкина не знаете». Являются къ о. Іоанну. Онъ спрашиваетъ: «Откуда вы дары принесли? Это опять продѣлки Пустошкина и Большакова». Пришедшіе падаютъ на колѣни и говорятъ, что «мы Пустошкина не знаемъ».

Всѣхъ дѣвицъ и мужчинъ, способныхъ къ труду, Пустошкинъ оставляетъ у себя, тщательно скрывая ихъ отъ полиціи. Многихъ онъ тотчасъ же разсылаетъ съ книгами и иконами торговать, а иныхъ держитъ въ затхлыхъ своихъ квартирахъ на очень скудномъ содержаніи, и они занимаются тамъ чтеніемъ акафистовъ и рукодѣліемъ, дѣлаютъ цвѣты и т. п. Нѣкоторые и рады бы вернуться оттуда, но денегъ не даютъ на проѣздъ. Въ письмахъ посылаемыхъ на родину, они обыкновенно пишутъ о близкомъ наступленіи страшнаго суда и призываютъ всѣхъ идти въ Кронштадтъ и причаститься у дорогого батюшки, который есть самъ Іисусъ Христосъ и т. п.

Какъ «обрабатываютъ» іоаннитскіе вожаки богомольцевъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ, ясно можно видѣть изъ описанія тѣхъ паломничествъ, которые неоднократно организуемы были упомянутымъ выше іоаннитомъ Черновымъ изъ Херсонской губ. въ Кронштадтъ.

Партія «паломниковъ» прежде всего явилась предъ очи В. Ф.Пустошкина (Вознесенскій пр. д. 27, кв. 44). Здѣсь приняли отъ нихъ вещественные дары (хлѣбъ, ковры,

платки, лишнюю одежду) для «раздачи бѣднымъ» около «дорогого батюшки». Потомъ—приставленные мальчуганы поводили «паломниковъ» немного по петербургскимъ церквамъ и предложено было собираться въ Кронштадтъ. Помолились. Затѣмъ Черновъ держалъ рѣчь: «Братіе и сестры! Деньги, которыя при васъ есть, это—змія, онѣ будутъ мѣшать вамъ увидѣть Господа, поэтому отдайте ихъ сюда. Дорожите спасеніемъ, а къ деньгамъ сердца не прилагайте. Мы сами уже передадимъ ихъ «дорогому батюшкѣ». И довѣрчивыя сердца отдали всѣ деньги, остались, какъ липки. Билеты въ Кронштадтъ покупалъ „паломникамъ“ самъ Черновъ.

Въ городѣ онъ поселилъ всѣхъ въ домѣ Борисова по Андреевской улицѣ (притонъ іоаннитовъ), выдавая этотъ домъ за „Домъ Трудолюбія“.

Въ соборъ повелъ ихъ самъ Черновъ. Увидѣли «дорогого батюшку», нѣкоторые и запричастились у него. Впечатлѣніе получилось двойственное: у однихъ—что о. Іоаннъ обыкновенный человѣкъ, священникъ, у другихъ —что онъ—богъ.

Стали подогрѣвать вѣру у невѣрующихъ. Съ этою цѣлью было пущено въ ходъ «чудо»: одинъ изъ паломниковъ заявилъ, что «чирьи у него зажили только здѣсь, послѣ причащенія у «дорогого батюшки». Старецъ Назарій, душа притона, объявилъ „поученіе“. Вечеромъ горница его наполнилась слушателями. Бичутъ онъ невѣріе (конечно, въ бога-Іоанна) и языческую жизнь мірянъ. Въ время рѣчи старца Назарія Черновъ съ остальными «плакальщиками» рыдали навзрыдъ, чѣмъ заражали и многихъ. Старецъ, наконецъ, и утѣшилъ слушателей: «завтра дорогой батюшка совершитъ у насъ водосвятіе». «И дѣйствительно, совершилъ, за что преподнесли о. Іоанну около девяти руб. По уходѣ о. Іоанна, котораго всѣ встрѣтили и провожали, стоя на колѣняхъ, старецъ Назарій сказалъ; „Вотъ вы своими глазами видѣли Госпо-

да и что онъ духомъ своимъ святымъ освятилъ намъ воду". Дали потомъ „паломникамъ" понять, что пора имъ и по домамъ разъѣзжаться. Купили всѣмъ билеты домой. Въ дорогѣ расколъ между паломниками принялъ рѣзкую форму: одни твердо за бога—Іоанна, другіе—противъ такой вѣры и стали при этомъ поговаривать объ обманахъ, шарлатанствѣ и обдирательствѣ людей. Поразило ихъ и то, что дѣвицы въ «батюшкинъ монастырь» не поступили, а остались у Пустошкина.

На слѣдующую осень Черновъ возвращается въ Херсонскую губ. и снова организуетъ поѣздку въ Кронштадтъ. Среди поломниковъ снова есть и дѣвицы краснозрачныя, но есть и соглядатаи, не упускающіе изъ глазъ Чернова. Прибыли въ Петербургъ, предстали предъ тѣ же очи Пустошкина, но обобрать, какъ липокъ, эту партію Чернову не удалось. Давали всѣ, но мало. Со скорбію Черновъ сказалъ имъ: «вы же больше изъ дому денегъ взяли«. Двинулись въ Кронштадтъ безъ Чернова, но ихъ все же заловили въ домъ Борисова. Были въ соборѣ на общей исповѣди; нѣкоторые и запричастились. Впечатлѣніе общее, что о. Іоаннъ—не богъ. Опять «поученіе» старца Назарія, тѣ же »плакальщики» съ Черновымъ во главѣ, и въ результатѣ нѣсколько женщинъ изъ партіи были окончательно обобраны и на дорогу получили даровой проѣздъ, какъ книгоноши. Изъ партіи остается въ Петербургѣ дѣвица Ксенія Довгань, которую Пустошкинъ отправляетъ книгоношей въ Псковскую губ. Возвратившіеся поселили на мѣстахъ дома еще большій скепсисъ въ «дѣло» Чернова и К°, открыто обвиняя ихъ въ шарлатанствѣ.

Черезъ нѣкоторое время, однако, Черновъ снова возвращается и снова вербуетъ нѣсколькихъ охотниковъ ѣхать съ нимъ на «поклоненіе«. Ѣдетъ съ нимъ и Довгань искать дочь свою Ксенію. Въ Петербургѣ и Кронштадтѣ тѣ же «операціи», что и съ предшествовавшими бого-

мольцами «дорогого батюшки»... Причемъ—между Черновымъ съ К° и Довганемъ произошелъ характерный разговоръ. Довгань пожертвовалъ для «батюшки» только три рубля. Черновъ ему замѣтилъ: »ты же взялъ съ собою шестьдесятъ рублей«. Въ Кронштадтѣ Довганю пришлось выдержать цѣлый натискъ изъ за остальныхъ денегъ. «Давай сокровище и давай! Ты хлѣбопашествомъ занимаешься... А мы съ чего будемъ жить«?—уговаривали Довганя Черновъ съ К°, но не уговорили, а карты свои окончательно раскрыли... Дочь свою Довгань случайно встрѣтилъ здѣсь же, въ домѣ Борисова, и у ней на рукахъ былъ уже даровой билетъ на проѣздъ домой. Откровенность Черновка и К° въ разговорѣ съ Довганемъ сдѣлалась извѣстной среди мѣстнаго населенія Херсонской губ., гдѣ ранѣе «работалъ» Черновъ, и авторитетъ его послѣ этого здѣсь значительно палъ. [1])

Интересно познакомиться съ обстановкой и жизнью сектантовъ въ іоаннитскихъ притонахъ. Для этого воспользуемся помѣщеннымъ въ «Петербургской газетѣ» описаніемъ Д. Костровскаго, посѣтившаго одинъ изъ главныхъ іоаннитскихъ притоновъ въ Петербургѣ.

«Попасть въ притонъ іоаннитовъ весьма трудно. Для этого необходимо имѣть крупныя связи съ представителями этого темнаго міра или заслужить довѣріе. Въ настоящее время (1908 г.), въ одномъ только Петербургѣ насчитывается шесть іоаннитскихъ притоновъ, во главѣ съ штабъ -квартирой на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ 38. Квартира помѣщается во дворѣ дома, въ четвертомъ этажѣ; и называется на языкѣ іоаннитовъ «обитель Христова». Ранѣе этотъ вертепъ снимался на имя главарей іоаннитской шайки, банщика Большакова и Василія Пустошкина, но послѣ неоднократныхъ скандаловъ обманутыхъ богатыхъ посѣтителей, квартира переведена на имя іоаннита Лукьянова. Главарь Большаковъ переѣхалъ на

[1]) Тамъ же 221—223 стр.

Новую Подъяческую улицу, а В. Пустошкинъ, онъ же апостолъ іоаннитовъ, числится только жильцомъ. Въ этомъ притонѣ, между прочимъ, найдены были двѣ похищенные дѣвушки Василиса Аверкина и Татьяна Добрякова.

Вы поднимаетесь вверхъ по четвертой лѣстницѣ и звоните въ квартиру притонъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, запертая всегда на замокъ дверь открывается, и выходитъ опытная іоаннитка съ обычнымъ вопросомъ: что нужно? Необходимо имѣть рекомендацію, или знать іоаннитскій пароль, чтобы попасть въ ихъ обитель, и только послѣ допроса васъ впустятъ въ притонъ. Притонъ состоитъ изъ пяти комнатъ. Входъ во всѣ комнаты разрѣшенъ только для избраныхъ. Обстановки въ притонѣ, если не считать длиннаго стола и скамеекъ, абсолютно никакой. Обитатели спятъ въ—повалку на полу и лишь «святые» іоаннитовъ пользуются преимуществомъ спать на имѣющихся нѣсколькихъ кроватяхъ. За то множество иконъ. Первыя мѣста занимаетъ портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, умершей Кронштадтской богородицы Порфиріи и другихъ іоаннитскихъ богородицъ въ бѣлыхъ костюмахъ, а за ними слѣдуютъ общія христіанскія иконы. Передъ всѣми иконами и портретами, разукрашенными вѣнчиками, горятъ лампадочки. Получается впечатлѣніе, что находитесь въ тайной молельнѣ раскольниковъ. Въ настоящее время въ притонѣ насчитывается до 30 дѣвушекъ, въ большинствѣ это больные люди съ физическими недостатками, и трое здоровыхъ мужчинъ—братцевъ. За большимъ столомъ работаютъ въ платочкахъ всѣ іоаннитки, выдѣлывая вѣнчики. Болѣе красивыя и способныя іоаннитки днемъ занимаются промысломъ вербовки новыхъ членовъ, сборомъ пожертвованій, проповѣдью и продажей книжекъ и крестиковъ. На вопросъ: что дѣлаете, сестрицы? іоаннитки изъ подъ опущенныхъ на лобъ платковъ, съ келейнымъ выраженіемъ лица, дружно отвѣчаютъ: «Бога хвалимъ и работаемъ».

Жизнь въ притонѣ начинается съ пяти часовъ утра. Іоаннитки дружно поютъ собственные псалмы, а братцы читаютъ самодѣльныя молитвы, изготовляемыя главарями секты. Пѣніе іоаннитокъ довольно дружное и производить пріятное впечатлѣніе. Днемъ нѣсколько разъ продолжаются общія моленія, смотря по пріѣхавшимъ гостямъ, съ которыхъ берутъ сборы въ особую книжку. Эта штабъ —квартира служитъ іоаннитамъ также сортировочнымъ отдѣленіемъ доставляемяго живого товара изъ дальнихъ провинцій. Каждое утро, въ особенности осенью, прибываютъ большія партіи завербованныхъ дѣвушекъ. Спеціальные агенты іоаннитовъ отправляются исключительно на Николаевскій вокзалъ, оттуда привозятъ группами живой товаръ, присланный изъ деревень и дальнихъ городовъ разъѣзжающими по провинціи іоаннитами. Прибывшихъ іоанниты встрѣчаютъ пѣніемъ особеннаго стиха: Радуйтесь и веселитесь, васъ Христосъ —Іоаннъ спасутъ. Въ аду грѣшники рыдаютъ, муку грѣшники несутъ!..

Далѣе въ стихѣ призываютъ прибывшихъ очиститься отъ грѣховъ и новыхъ іоаннитокъ осматриваютъ, отбирая всѣ вещи. Главари іоаннитовъ, разобравъ живой товаръ, отправляютъ часть въ другіе притоны на Васильевскій островъ, за Нарвскую заставу и даже въ другіе города. Болѣе опасный товаръ отправляютъ въ конспиративные квартиры, а иногда даже въ дальніе города, такъ разыскиваемая Василиса Аверкина, для сокрытія слѣдовъ, была отправлена на Кавказъ. Прибывшихъ, первымъ дѣломъ, начинаютъ обучать пѣнію и работѣ, подъ руководствомъ братцевъ -іоаннитовъ. Таинственная обстановка притона при избиліи иконъ, вѣчныя запугиванія дѣвушекъ загробными муками ада и соблазномъ дьявола быстро подчиняютъ жертвы вліянію іоаннитовъ. Даже на посторонняго человѣка атмосфера притона дѣйствуетъ какъ-то одуряюще. Спорить съ іаоннитами и открыто интересоваться немыслимо. Братцы и іоаннитки строго слѣдятъ

за каждымъ, даже профильтрованнымъ посѣтителемъ и довольно неосторожнаго слова, чтобы васъ выставили вонъ изъ притона.

Въ каждой обители іоаннитовъ есть свои обычные «святые». Въ штабъ—квартирѣ сейчасъ находится апостолъ и архангелъ Михаилъ. Архангеломъ его іоанниты нарекли отъ слова губерніи. Святой іоаннитъ крестьянинъ Архангельской губ. Видѣть апостола и архангела сразу нельзя. Только послѣ того, когда іоанниты удостовѣрятся, что вы вѣрите имъ іоаннитамъ, жертвующимъ на Бога деньги, только тогда вы удостоитесь этого счастья. Апостолъ—здоровый мужчина, лѣтъ сорока, съ большой бородой, съ подстриженными, какъ выражаются въ просторѣчіи, подъ горшокъ волосами. Архангелъ Михаилъ не уступаетъ по дородности апостолу, важно расхаживая въ длинномъ купеческомъ сюртукѣ. По виду святые скорѣе напоминаютъ деревенскаго кулака—кабатчика. Архангелъ Михаилъ, между прочимъ, часто мѣняетъ свои головные уборы, нося иногда для оргинальности фуражку русскаго фасона, краснаго, бѣлаго и чернаго цвѣта. Въ торжественные дни въ притонѣ появляется на службу богородица, замѣняющая умершуюПорфирію. Имя новой богородицы Ирина. На торжественныя службы, такъ называемыя іоаннитами —съ участіемъ живыхъ боговъ попасть очень трудно. Службы эти отличаются отъ обыденыхъ лишь присутствіемъ іоаннитскихъ святыхъ, переодѣтыхъ изъ сюртуковъ въ бѣлыя одежды. Очевидцы передаютъ, что богородица является окруженная апостоломъ и двумя архангелами Михаилами. Второй архангелъ, горбатый старикъ, пріѣзжаетъ изъ-за Московской заставы. Богородица эта—здоровая женщина среднихъ лѣтъ. Во время службы іоаннитки поютъ особыя стихи, преклоняясь вмѣстѣ съ присутствующими живымъ богамъ. Послѣ прикладыванія и благословенія собираются за службу деньги. Побывать на торжественной службѣ и видѣть „живого бога“, по словамъ братцевъ и

іоаннитокъ, можно лишь отрекшись отъ суеты земной. Отреченіе состоитъ въ отдачѣ имущества іоаннитамъ.

Въ притонѣ можно остаться на ночлегъ, за это удовольствіе взимается 20 коп., причемъ за службы, которыхъ бываетъ двѣ, уплачивается особо въ кружку. Если іоанниты видятъ, что пришедшій посѣтитель скупится на подачки, то открыто заявляютъ: „Бѣсъ-то глубоко впустилъ когти въ тебя... Молись, спасайся, вѣдь скоро конецъ міра, а ты самъ въ адъ лѣзешь“... Всѣ эти наставленія дѣлаются со скромной жалостью на лицѣ. На прощаніе даютъ посѣтителямъ іоаннитскія книжки, съ напутствіемъ не забывать Бога, ибо антихристъ уже на землѣ.

Выбравшись на чистый воздухъ изъ притона, вы невольно легко вздохнете. „Много бываетъ посѣтителей въ притонѣ іоаннитовъ?“—задаете вопросъ администраціи дома. „Не дай Богъ, сколько глупыхъ еще людей ходитъ къ нимъ, а попробуемъ посовѣтовать не ходить, такъ обругаютъ еще... Да что, все больше самая темная публика, изъ далекихъ губерній... изъ паспортовъ въ прописке видно“... Въ это время мимо насъ прошелъ новый братецъ іоаннитъ и, подозрительно посмотрѣвъ, замѣтилъ: „Бѣса тѣшите“... и скрылся на лѣстницѣ. „Хозяину дома жаловались на насъ за то, что смѣемся на нихъ“,— добавилъ дворникъ. Наверху началась ночная служба, іоаннитки дружно запѣли. День въ притонѣ кончился“.

VI.

Широкая постановка дѣла пропаганды іоаннитской секты содѣйствовала быстрому ея распространенію. Въ короткое время секта эта проникла въ губерніи: Архангельскую, Вятскую, Пермскую, Казанскую, Нижегородскую, Самарскую, Астраханскую, Орловскую, Харьковскую, Полтавскую, Курскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, епархію Хелмскую и др.

Много скорби причинило это обстоятельство высокочтимому всероссійскому пастырю, батюшкѣ о. Іоанну Кронштадтскому. Съ разныхъ епархій онъ получалъ запросы о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ нему находятся проповѣдующіе и дѣйствующіе отъ его имени іоанниты и іоаннитки. О. Іоаннъ многократно отрекался отъ нихъ и просилъ истинныхъ сыновъ церкви не вѣрить имъ, такъ какъ они самовольно и беззаконно дѣлаютъ свое дѣло.

Еще въ половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда въ деревнѣ Крестахъ, сычевскаго уѣзда, смоленской губ., стоявшая во главѣ мѣстныхъ сектантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ богомоловъ (хлыстовъ), крестьянская дѣвица Васса Потапова начала устраивать у себя молитвенныя собранія и увѣряла своихъ почитателей и всѣхъ православныхъ христіанъ, что на такую дѣятельность благословилъ ее „отецъ Іоаннъ Кронштадтскій“, то смоленскій миссіонеръ свящ. Николай Соколовъ обратился по этому поводу къ о. Іоанну съ письмомъ, въ которомъ спрашивалъ, правда-ли, что о. Іоаннъ благословилъ Вассу Потапову устраивать молитвенныя собранія и учить народъ. Въ отвѣтъ на этомъ же письмѣ, 7 января 1897 г., о. Іоаннъ написалъ: „И не думалъ поручать этой невѣжѣ Вассѣ Потаповой устраивать молитвенныя собранія. Нелѣпица подобная видна съ перваго раза и бьетъ въ глаза: ничего общаго не имѣю съ такими личностями“! Однако же, этотъ отвѣтъ не вразумилъ сектантовъ, и они продолжали устраивать молитвенныя собранія прикрываясь именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Такъ дѣлалъ, напр., крестьянинъ Лаврентій. Поэтому о. Іоаннъ, 7 декабря 1898 г., снова писалъ тому же миссіонеру: „Симъ увѣдомляю васъ, что крестьянинъ Лаврентій дерзко клевещетъ на меня, будто я благословляю его дѣлать народныя собранія. Я и не знаю его. Никогда и никому ни изъ простолюдиновъ, ни изъ благородныхъ я не благо-

словлялъ учительства, памятуя слова апостола: какъ проповѣдятъ, аще не посланы будутъ отъ благословенной власти?". [1])

Въ 1907 г., по поводу появленія во многихъ епархіяхъ іоаннитскихъ проповѣдниковъ, о. Іоаннъ писалъ: „Пройдохи—странники, разсѣявшись по разнымъ городамъ и селамъ и освѣдомившись о простодушныхъ и довѣрчивыхъ крестьянахъ, смущаютъ ихъ разсказами, будто-бы отъ меня слышанными, что скоро страшный судъ будетъ, что скорѣе нужно заботиться о своихъ душахъ и отлагать всѣ житейскія отношенія, продавать имѣнія и отдавать деньги имъ, проходящимъ, какъ бы для врученія мнѣ для нищихъ. При этомъ они внушаютъ довѣрчивымъ, что нужно ѣхать въ Кронштадтъ, ибо тамъ только будто-бы можно спасеніе получить. Изъ многихъ мѣстностей я получалъ подобныя заявленія отъ благочинныхъ и простыхъ священниковъ и отписывался имъ, что я ничего общаго съ такими пройдохами не имѣю и никого изъ нихъ никогда не просилъ помогать мнѣ матеріально и не просилъ собирать ни съ кого не только рублей, но и копѣекъ, зная, что лучше давать, нежели принимать".

Въ виду быстраго распространенія пропаганды іоаннитокъ въ Перми, епископъ Никаноръ обратился къ о. Іоанну отъ 29 октября 1907 г. съ такой телеграммой: „Соблаговолите отвѣтить, имѣютъ ли какое отношеніе къ вамъ тѣ женщины, которыя отъ вашего имени проповѣдуютъ въ Перми и устрашая довѣрчивыхъ и темныхъ людей скорымъ пришествіемъ антихриста, побуждаютъ ихъ продавать имѣнія и ѣхать въ Кронштадтъ, яко бы въ вашу общину". На другой день, 30 октября, о. Іоаннъ далъ такой отвѣтъ: „Никакого отношенія ни я къ помянутымъ въ телеграммѣ женщинамъ, ни онѣ ко мнѣ не

[1]) „Мисс. Обозр". 1900 г. 1. 166 стр.

имѣютъ и дѣлаютъ свое безумное дѣло самоизмышленно и самовольно".

Лѣтомъ 1908 г., члены Ярославскаго Отдѣла Союза Русскаго народа Н. В. Сабанѣевъ, М. И. Мошковъ, А. П. Шапиро, Н. Н. Соколовъ и Л. Н. Журавлевъ предприняли поѣздку къ о. Іоанну Кронштадтскому, проживавшему тогда въ Ярославской губ., для того чтобы просить молитвъ и благословенія чтимаго старца и вмѣстѣ съ тѣмъ лично убѣдиться въ справедливости слуховъ о продѣлкахъ іоаннитовъ, къ которымъ принадлежалъ и крестьянинъ Ярославск. губ. Михаилъ Ивановичъ Петровъ, называемый у нихъ „Михаиломъ Архангеломъ".

Вышеупомянутыя лица, удостоившись быть принятыми о. Іоанномъ, записали всѣ подробности своего посѣщенія и бесѣды съ батюшкою въ слѣдующемъ документѣ:

„Мы нижеподписавшіеся члены Ярославскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа, въ виду усилившейся дѣятельности секты „іоаннитовъ" и участившихся обмановъ ими довѣрчивыхъ почитателей о. Іоанна Кронштадтскаго, по порученію г. предсѣдателя и членовъ нашего Отдѣла Союза Русскаго Народа, 23 іюля 1908 г., прибыли въ Вауловскій скитъ во имя Успенія Божіей Матери, устроенный попеченіемъ и трудами о. Іоанна Кронштадтскаго, находящійся въ Романовскомъ у. Ярославской губ., гдѣ и пребывалъ въ это время самъ устроитель, который насъ и принялъ. Мы спросили о. Іоанна, знаетъ ли онъ мошенническія продѣлки „іоаннитовъ", прикрываемыя его именемъ, и что эти сектанты почитаютъ его за Господа Іисуса Христа, вторично пришедшаго на землю для страшнаго суда, вмѣстѣ съ небесными силами въ лицѣ Михаила Ивановича Петрова, признаваемаго за св. Михаила Архангела, Василія Ѳедоровича Пустошкина и прочихъ „іоаннитовъ", выдающихъ себя за Ангеловъ и Апостоловъ? При этихъ словахъ батюшка всплеснулъ руками, плюнулъ въ

сторону и сказалъ: „Я и раньше заявлялъ въ печати, что ничего общаго съ „іоаннитами“ не имѣю, и ихъ неоднократно проклиналъ, и теперь я, какъ православный священникъ, предъ Вами, какъ предъ свидѣтелями, проклинаю ихъ опять“.

На вопросъ же нашъ объ отношеніи его къ журналу „Кронштадтскій Маякъ“, батюшка сказалъ, что никакого отношенія къ журналу „Кронштадтскій Маякъ“ не имѣетъ, и что когда названный журналъ къ нему подсовываютъ, то онъ, не распечатывая, отсылаетъ обратно. Послѣ этого мы, отъ имени Союза Русскаго Народа, поставившаго первою своею задачею защиту Православія, попросили благословенія о. Іоанна на борьбу съ сектой іоаннитовъ. Батюшка съ радостью исполнилъ нашу просьбу и, благословляя насъ, сказалъ: „дѣлайте это по вашему усмотрѣнію, я вамъ довѣряю, какъ русскимъ людямъ“.

Выслушавъ все вышеизложенное, о. Іоаннъ тотчасъ-же распорядился позвать Михаила Ивановича Петрова, проживавшаго въ монастырской гостинницѣ, и обратился къ нему съ слѣдующими словами: «ты обманщикъ! ты много разъ меня обманывалъ! тебя называютъ Михаиломъ Архангеломъ, ты много разъ приносилъ мнѣ ризы и всегда я тебя спрашивалъ, откуда ты берешь эти жертвы, и что ни одна жертвенная копейка не должна быть приносима черезъ насиліе и обиду для ближняго. Ты всегда мнѣ отвѣчалъ, что это жертва добровольная. Ты видишь, сколько противъ тебя уликъ?» Михаилъ упалъ въ ноги батюшкѣ и сказалъ: «Я въ этомъ великій грѣшникъ!“ и просилъ прощенія. На это батюшка сказалъ: «Я много разъ тебя прощалъ, но теперь не прощаю, и сегодня же уходи отъ меня со своей шайкой, и передай имъ, что я тебя и ихъ проклинаю Именемъ Бога!“ и прибавилъ: «Я не прощу тебя до тѣхъ поръ, пока ты не раскаешься и не заявишь печатно о лживости и пагубности этого ученія, такъ чтобы отъ тебя

самого узнали-бы объ этомъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть твои послѣдователи».

Документъ этотъ помѣченъ датой: «1908 г. іюля 23 дня». Далѣе слѣдуютъ подписи пяти вышеупомянутыхъ представителей отъ Ярославскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа и десяти свидѣтелей, которые находились при этомъ у батюшки. Одинъ изъ свидѣтелей между прочимъ написалъ: «Нахожу нужнымъ добавить, что батюшка о. Іоаннъ, предоставляя право бороться съ «іоаннитами», просилъ дѣйствовать на законномъ основаніи. Намѣстникъ Московскаго Каѳедральнаго Чудова монастыря Архимандритъ Арсеній». Въ концѣ находится слѣдующая помѣтка самого о. Іоанна: «Читалъ и одобряю все написанное здѣсь, какъ дѣйствительно мною сказанное предъ лицемъ Всевидящаго Бога. Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ. 24 іюля 1908 г.» [1]).

Для характеристики отношеній о. Іоанна къ секантамъ можно еще привести сообщеніе книгоноши Россійскаго билейскаго общества Ф. П. Петрова, блуждавшаго ранѣе во тьмѣ іоаннитства. Разоблачая на страницахъ газеты «Колоколъ» (№ 1060) еретическія заблужденія іоаннитовъ, онъ говоритъ: «Долгомъ считаю также засвидѣтельствовать, что я лично слышалъ, въ присутствіи многихъ людей, какъ однажды покойный дорогой батюшка о. Іоаннъ въ бытность свою у меня на квартирѣ, іоаннитскихъ главарей: Виноградова, который проповѣдывалъ, что на небѣ остался одинъ крестъ, а вся сила небесная уже на землѣ, Пустошкина, Большакова, Михаила Петрова и всю ихъ темную компанію, назвалъ *еретиками* и строго намъ заповѣдалъ *остерегаться ихъ*, а когда мы показали изданія «Кронштадтскаго Маяка», *приказалъ сжечь* ихъ, а про Пустошкина сказалъ: какъ пустая фамилія, такъ и онъ пустой человѣкъ, вы ни въ чемъ съ нимъ не соединяйтесь».

[1]) „Вѣра и Разумъ“ 1908 г. № 16, стр. 527–530.

Однако же, то обстоятельство, что о. Іоаннъ многократно и письменно обличалъ сектантовъ, и устно увѣщевалъ, и даже проклиналъ ихъ, не оказывало никакого дѣйствія на сектантовъ и нисколько не колебало въ глазахъ сектантовъ истины ихъ главнаго положенія, будто Іоаннъ Кронштадтскій есть Богъ. Съ своеобразной, чисто сектантской логикой они разсуждали: «правда, о. Іоаннъ говоритъ и пишетъ, что онъ не Богъ, а человѣкъ; но онъ говоритъ это для невѣрующихъ, а если кто вѣруетъ и свидѣтельствуетъ предъ нимъ свою вѣру, тѣмъ сказано: «пусть будетъ по вѣрѣ вашей». Вѣдь и Іисусъ Христосъ не всѣмъ открывалъ свое божественное достоинство. Христосъ сказалъ одному собесѣднику: «ты называешь меня благимъ, но никто же благъ, только одинъ Богъ». Слѣдовательно, какъ Іисусъ Христосъ отъ невѣрующихъ скрывалъ Свое Божественное достоинство, такъ же скрываетъ о. Іоаннъ свое божественное достоинство среди миссіонеровъ и епископовъ и открываетъ его только своимъ истиннымъ послѣдователямъ. Вѣрьте и не сомнѣвайтесь, и Богъ откроетъ очи ваши, и вы ясно увидите, что батюшка воистину Господь».

Вызванное іоаннитами и широко распространившееся новое сектантское движеніе было подвергнуто всестороннему обсужденію на IV всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Съѣздъ этотъ, происходившій лѣтомъ 1908 г. въ Кіевѣ, въ четырехъ засѣданіяхъ занимался разсмотрѣніемъ вопроса о, такъ называемыхъ, іоаннитахъ и пришелъ къ заключенію, что «іоаннитство есть секта, родственная съ хлыстовствомъ». Правда, раздавались на съѣздѣ немногіе голоса и въ пользу іоаннитовъ. Высказывалось мнѣніе, что «іоаннитство не есть секта, а огромное движеніе богословской мысли русскаго народа, какъ протестъ противъ безбожія и вообще современнаго упадка религіозныхъ и нравственныхъ устоевъ жизни что это—«идейное религіозно-нравственное исканіе выс-

шей правды» и «своеобразное проявленіе православныхъ религіозныхъ чувствъ» (Д. И. Боголюбовъ), что это— «движеніе громадной нравственной силы и громаднаго воодушевленія» (Епископъ Андрей Мамадышскій).

Но мнѣніе это, какъ погрѣшающее излишнимъ оптимизмомъ, не оправдываемымъ дѣйствительностью, съѣздомъ не было принято. При голосованіи вопроса: признавать ли іоаннитство сектой или религіозно-нравственнымъ направленіемъ, въ засѣданіи комиссіи большинствомъ 114 голосовъ противъ 12, а въ общемъ засѣданіи съѣзда подавляющимъ большинствомъ было признано, что «іоаннитство есть секта, родственная съ хлыстовствомъ».

Затѣмъ съѣздъ выработалъ рядъ мѣръ, необходимыхъ въ борьбѣ съ сектой іоаннитовъ и постановилъ: 1) просить Св. Синодъ засвидѣтельствовать объ еретическомъ характерѣ іоаннитской секты, 2) просить Св. Синодъ предложить о. Іоанну произнесть первое слово миссіонерскаго увѣщанія іоаннитовъ, обличивъ ихъ жизнь и дѣятельность по пунктамъ, которые имѣютъ быть представлены, 3) просить о. Іоанна запретить Большакову помѣщать въ журналѣ «Кронштадтскій Маякъ» и въ другихъ іоаннитскихъ изданіяхъ портреты и вообще сочиненія о. Іоанна, 4) просить о томъ же архіепископа Волынскаго Антонія и другихъ іерарховъ, а также бѣлому и черному духовенству воспретить сотрудничество въ іоаннитскихъ изданіяхъ, 5) просить о. Іоанна объ удаленіи отъ него лицъ, злоупотребляющихъ его именемъ, 6) необходимо публичное обличеніе іоаннитовъ при помощи очевидцевъ о. Іоанна и лицъ, непосредственно слышавшихъ его проповѣди, сравнивая ихъ показанія съ ученіемъ іоаннитовъ и въ печати разобрать ихъ, 8) необходимо предавать гласности путемъ печати мошенническія продѣлки іоаннитовъ, 9) необходимо дать нормальное удовлетвореніе мистическимъ запросамъ души народа, которые влекутъ его къ іоаннитамъ,—въ православной церкви посредствомъ тор-

жественнаго истоваго богослуженія, крестныхъ ходовъ и т. п., 10) необходимо къ проповѣдникамъ іоаннитства относится съ осторожностью, допускать ихъ къ св. тайнамъ только по предъявленіи ими удостовѣреній о нихъ благонадежности изъ мѣстъ ихъ жительства, 11) приспособить содержаніе проповѣдей въ мѣстахъ появленія іоаннитства къ пунктамъ ихъ заблужденія (о судѣ, второмъ пришествіи, перевоплощеніи Божества), объяснять что прославленіе человѣка совершается только послѣ смерти, и что благодатное дѣйствіе таинства покаянія не зависитъ отъ личныхъ достоинствъ духовника, 12) предложить приходскимъ пастырямъ предостерегать лицъ, отправляющихся въ Кронштадтъ, отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны іоаннитовъ.

Означенныя постановленія Кіевскаго миссіонерскаго съѣзда относительно, такъ называемыхъ, іоаннитовъ были разсмотрѣны Св. Синодомъ, который, по поводу ихъ, издалъ слѣдующее опредѣленіе отъ 4—11 декабря 1908 г.: 1) ученіе такъ называемыхъ „іоаннитовъ“, признающихъ о. Іоанна Сергіева Богомъ,—считать ученіемъ еретическимъ, кощунственымъ и богохульнымъ, сроднымъ съ хлыстовствомъ; 2) въ виду неоднократнаго осужденія самимъ о. Іоанномъ ученія „ іоаннитовъ“, предложенное Кіевскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ предложеніе о. Іоанну произнести слово обличенія «іоаннитовъ» —признать излишнимъ; 3) поручить С.-Петербургскому духовному цензурному комитету слѣдить за изданіями «Кронштадтскаго Маяка»; 4) поручить духовенству съ особенною осторожностью относиться къ лицамъ, подозрѣваемымъ въ принадлежности къ «іоанитамъ», при совершеніи надъ ними таинствъ, требуя отъ нихъ отреченія отъ главныхъ заблужденій «іоаннитовъ»; 5) поручить духовенству предостеречь лицъ, отправляющихся къ о. Іоанну за благословеніемъ и религіознымъ утѣшеніемъ, отъ возможности различныхъ злоупотребленій со стороны

вожаковъ «іоаннитовъ»; 6)лицъ, упорныхъ въ іоаннитствѣ, послѣ увѣщаній, подвергать отлученію отъ православной церкви». [1])

Такимъ образомъ, тому религіозному движенію которое такъ искусно прикрывалось именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго, произнесено Св. Синодомъ осужденіе, съ указаніемъ и мѣръ пастырскаго воздѣйствія на заблудшихъ и огражданія пасомыхъ. Когда о. Іоннъ Кронштадтскій, незадолго до смерти, получилъ извѣщеніе Св Синода объ осужденіи секты іоаннитовъ, то выразилъ по этому поводу полное удовлетвореніе, заявивъ, что теперь онъ можетъ умереть спокойно.

VII.

Между тѣмъ пропаганда іоаннитства продолжалась, захватывая собою не только взрослыхъ, но и дѣтей. Скоро іоаннитскіе пріюты стали наполняться дѣтьми, которыхъ отдавали сюда іоанниты на воспитаніе въ религіозно-нравственномъ духѣ по завѣту, данному будто бы самимъ батюшкой о. Іоанномъ. Съ цѣлью пропаганды Пустошкинъ разыскивалъ по столицѣ безработныхъ женщинъ, имѣющихъ дѣтей, и предлагалъ имъ помѣщать своихъ дѣтей въ іоаннитскіе пріюты, гдѣ обѣщалъ вести дѣтей въ строгомъ религіозно-нравственномъ направленіи по завѣтамъ о. Іоанна Кронштадтскаго, а матерямъ онъ предлагалъ заняться уличной продажей книгъ его изданія. Понятно бѣдныя матери съ удовольствіемъ соглашались на оба предложенія и повсюду прославляли Пустошкина, какъ великаго благотворителя, распространяя среди столичнаго населенія книги о его благодѣяніяхъ.

Помѣщенныя въ іоаннитскіе пріюты дѣти, помимо молитвы и пѣнія псалмовъ, должны были заниматься разными ремеслами, рукодѣліемъ, изготовленіемъ изъ бумаги цвѣтовъ и вѣнчиковъ. Никакія дѣтскія игры, развлече-

нія, прогулки и даже бесѣды въ пріютахъ не допускались. Кормили дѣтей впроголодь исключительно постною пищею, и настолько грязно содержали, что почти всѣ они были покрыты чесоточною сыпью и другими болѣзнями и всѣ поголовно имѣли изнуренный, угнетенный видъ. Никакой рѣзвости и жизнерадостности, свойственной ихъ возрасту, дѣти не проявляли, даже въ выраженіяхъ ихъ лицъ не оставалось ничего дѣтскаго. Это были полуживые автоматы, потерявшіе всякій разумъ и всякую волю. Именно такія дѣти нужны были Пустошкину, какъ они нужны каждому профессіональному нищему: эти дѣти вызывали болѣе состраданія въ сердобольныхъ благодѣтеляхъ и, особенно, благодѣтельницахъ, посѣщавшихъ пріюты по приглашенію Пустошкина и по распространяемой имъ молвѣ о его великихъ подвигахъ благотворительности. Передъ этими темными, но часто толстосумными посѣтителями Пустошкинъ жаловался на недостаточность средствъ на содержаніе несчастныхъ дѣтей. Дѣтскія страданія трогали посѣтителей и они щедро вносили Пустошкину свою лепту, которая полностью и безотчетно, иногда и въ тысячныхъ размѣрахъ, попадала въ карманъ Пустошкина который твердо помнилъ, что даже «съ міру по ниткѣ— голому рубашка». Такимъ путемъ Пустошкинъ быстро сталъ обогащаться, подготовляя для матушки Россіи цѣлый контингентъ нищихъ.

Семья Чернушенка (отецъ, мать, сынъ и дочь), попавшая въ сѣти іоаннитовъ, но затѣмъ оставившая секту и предъявившая къ Пустошкину искъ на сумму свыше тысячи рублей, передавала слѣдующее о «воспитаніи» дѣтей въ іоаннитскихъ притонахъ. « Мнѣ жутко вспомнить, расказывала дочь Чернушенко, о томъ, какимъ жестокостямъ подвергаются бѣдные дѣти въ рукахъ іоаннитовъ. Всѣ они такъ запуганы и заколочены, что отъ нихъ самихъ узнать о перенесенныхъ ими страданіяхъ едва ли возможно. Кромѣ хлѣба и воды они не знаютъ

никакой пищи; многихъ изъ дѣтей калѣчатъ съ завѣдомой цѣлью—посылать за милостынею: «калѣкѣ, молъ, больше подадутъ». Братъ ея подтверждалъ: «У 7—8 лѣтняго ребенка вывернутъ ногу или руку и посылаютъ милостыню собирать. Спрашиваю ихъ «старшаго»—«преподобнаго Макарія», для чего калѣчатъ дѣтишекъ, а онъ въ отвѣтъ: «они—ангелы, имъ не больно». Много тамъ дѣтей калѣчатъ и морятъ, продолжалъ разсказчикъ, а упаси Богъ, если кто пожалуется,—того такъ истерзаютъ, что вѣкъ не забудетъ. Жаль мнѣ дѣтей измученныхъ, несчастныхъ, беззащитныхъ. Мнѣ врѣзались въ память вопли одного мальчика лѣтъ 7; когда его били, онъ кричалъ: «Боженька! Милый! Спаси»!.. а они продолжали изгонять „сатану“. На вопросъ, какими путями іоанниты пріобрѣтаютъ дѣтей,—Чернушенко передалъ такую картину: „Богомольцы сотнями стекаются на іоаннитскія подворья, гдѣ іоанниты быстро сортируютъ «зажиточныхъ» и «неимущихъ». Все свое вниманіе они, конечно, сосредоточиваютъ на первыхъ, берутъ на храненіе ихъ вещи, а имъ предоставляютъ постъ и молитву. Собирается, наконецъ, семья въ обратный путь,—имущество оказывается исчезнувшимъ «невѣдомо куда», іоанниты видятъ въ этомъ «указаніе свыше» и убѣждаютъ семью или ликвидировать дѣла на родинѣ и остаться при іоаннитахъ или оставить дѣтей на «служеніе Богу» съ извѣстнымъ денежнымъ возносомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣтей сплавляютъ въ пріютъ и ужъ родителямъ никогда не удается ихъ видѣть, ибо «земная привязанность — смертный грѣхъ» [1]).

Бѣдственное положеніе дѣтей въ іоаннитскихъ пріютахъ скоро обратило на себя вниманіе Общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Нѣкоторыми изъ родителей заявлено было о жестокомъ обращеніи въ іоаннитскомъ пріютѣ, содержавшемся Уткинымъ въ д. № 3, по Ново-

[1]) Россія №№ 1108—10.

сивковской улицѣ. Изъ того же пріюта въ городскую Выборгскую дѣтскую больницу, съ 20 января по 8 марта 1909 г., было доставлено 19 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 1 года до 13 лѣтъ. Три изъ нихъ вскорѣ умерли: 1) Клавдія Миронова, Тверской губ., одного года; доставлена была по даннымъ медицинскаго освидѣтельствованія, въ очень тяжеломъ состояніи, блѣдная, истощенная; 2) Федосья Няжина, Пермской губ., 8 л., поступила съ явленіями инфлуэнцы, кожа всего туловища покрыта расчесами и корами, на ноги гнойникахъ и язвы, пальцы рукъ отечны—не сгибаются; 3) Юліанія Дубецъ, 13 лѣтъ, поступила до крайности истощенной, блѣдной, съ невыносимымъ гнилостнымъ запахомъ изъ рта; все время лежала безъ движенія, не говорила и похожа была на живого мертвеца. Остальныя дѣти —почти всѣ съ признаками истощенія и плохого питанія. Многія изъ нихъ покрыты струпьями, болячками, язвами, всѣ страдаютъ чесоткой, гноетеченіемъ и т. п. Сверхъ того, нѣкоторыя дѣти страшно забиты, выглядятъ идіотами и не охотно говорятъ. Общество защиты дѣтей возбудило дѣло объ отобраніи дѣтей изъ этого іоаннитскаго пріюта и обратилось къ градоначальнику съ просьбой закрыть пріютъ, въ которомъ систематическн калѣчатъ и морятъ дѣтей [1]) С.-Петербургскій градоначальникъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпина, произвелъ разслѣдованіе объ іоаннитахъ, которое и закончилось закрытіемъ, 2 іюля 1909 г., всѣхъ іоаннитскихъ пріютовъ и отобраніемъ находившихся тамъ дѣтей, взятыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россійской имперіи у состоятельныхъ родителей и привезенныхъ въ Петербургъ. Закрыто было 5 пріютовъ и отобрано 119 дѣтей. Первымъ закрытъ былъ главный іоаннитскій пріютъ, содержавшійся Скорпнымъ въ д. 4 по Теряевой улицѣ, гдѣ въ квартирѣ № 13 помѣщалось 79 дѣвочекъ и 12 мальчиковъ

[1]) „Слово“ № 846.

въ возрастѣ отъ 2 до 17 л. На предложеніе полиціймейстера Галле и сопровождавшаго его члена Общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія Н. А. Оппеля немедленно освободить дѣтей для отправленія ихъ въ пріютъ г-жи Михельсонъ, Скоринъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился. Дѣти, родители которыхъ не проживали въ этомъ домѣ, были увезены въ пріютъ для безпріютныхъ дѣтей г-жи Михельсонъ. Воторымъ былъ закрытъ пріютъ въ д. 3 по Новосивковской ул., гдѣ было взято 20 дѣтей. На вопросъ о причинѣ болѣзненнаго вида дѣтей Уткинъ отвѣчалъ: «По вашему—струпья, по нашему—бисеръ, это старая плоть сходитъ и замѣняется новой». Далѣе отобраны были дѣти изъ пріютовъ: Пустошкина въ д. 38 по Вознесенскому пр., въ д. 11 по Ср. Подъяческой ул. и въ д. 19—1 по Апраксину пер. При появленіи полиціи въ пріютѣ Пустошкина одна изъ іоаннитокъ, узнавъ о цѣли прихода полиціи, набросилась на мѣстнаго пристава и до крови укусила его за руку.

Изъ отобранныхъ въ іоаннитскихъ пріютахъ 119 дѣтей обоего пола 30 (20 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ старшаго возраста) были перевезены въ убѣжище Общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія (на Головинской ул. въ Лѣсномъ), остальныя 89 оставлены въ пріютѣ для безпріютныхъ дѣтей г-жи Михельсонъ. Сюда были вызваны врачи и сестры милосердія. Въ присутствіи члена Общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія дѣти были подвергнуты медицинскому освидѣтельствованію. Медицинскій осмотръ далъ ужасающіе результаты: 90 проц. всѣхъ дѣтей оказались чесоточными, 80 проц.—больныхъ трахомой, 10 проц. рахитиковъ на почвѣ истощенія; одна дѣвочка оказалась больной наслѣдственнымъ сифилисомъ и одна туберкулезомъ легкихъ; кромѣ того, почти всѣ дѣти были истощены до крайности, тѣла большей частью у нихъ были покрыты кровоподтеками и синяками. При освидѣтельствованіи женщиной—врачемъ

Бѣлоколоцкой дѣвочекъ помѣщенныхъ въ пріютъ общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, оказалось, что изъ 11 дѣвочекъ, находившихся въ пріютѣ, пять пострадали отъ гнуснаго сладострастія. Послѣ медицинскаго осмотра дѣтей обмыли и накормили, имъ предложенъ былъ чай и горячее блюдо. Дѣти старшаго возраста (отъ 13 лѣтъ) на отрѣзъ отказались принимать какую бы то ни было пищу, говоря, что «мірская пища отъ діавола». Протестъ старшихъ естественно передавался загнаннымъ и забитымъ малюткамъ, которыя также сначала отказывались отъ пищи, но затѣмъ большая часть изъ нихъ пила чай и ѣла хлѣбъ; къ мясному же никто изъ нихъ не прикоснулся, даже самые юные. Когда дѣтей повели въ церковь, то многія изъ дѣтей старшаго возраста отказались идти туда.

Весь вечеръ 2 іюля дѣти не могли освоиться съ новой обстановкой. Уложить дѣтей спать было очень трудно. Большинство настойчиво требовало обратнаго возвращенія въ пріютъ, многіе буйствовали и угрожали бѣгствомъ. Около 10 ч. вечера дѣти пропѣли нѣсколько іоаннитскихъ молитвъ и затѣмъ улеглись спать. Нѣкоторые же изъ нихъ продолжали пѣть молитвы и не спали до часу ночи. Вечеромъ нѣсколько дѣтей пытались бѣжать изъ пріюта, но попытка ихъ не имѣла успѣха.

Утромъ 3 іюля дѣти встали очень рано, такъ какъ привыкли у себя въ пріютахъ вставать въ 4 ч. утра. Часть дѣтей, дѣйствительно, проснулась въ 4 ч. утра и къ 7 ч, всѣ уже были на ногахъ. Утро было встрѣчено пѣніемъ іоаннитскихъ молитвъ. Попытка прекратить пѣніе успѣха не имѣла, напротивъ, она вызвала со стороны дѣтей протесты. Пѣніе продолжалось около часу День 3 іюля прошелъ уже значительно спокойнѣе. Правда, среди дѣтей выдѣлилась небольшая группа маленькихъ фанатиковъ—агитаторовъ, рѣшившихся до конца

бороться со своими «похитителями». Это были дѣти, проведшія въ пріютахъ іоаннитовъ 6—7 лѣтъ. Они смѣло вступали въ диспуты на религіозныя темы со служебнымъ персоналомъ пріюта причемъ, старались оттѣнить, что только «іоанниты служатъ Богу и что они— дѣти-ангелы, которыхъ Богъ скоро возьметъ на неба«.

«Скоро насъ возьмутъ на небо, мы все равно здѣсь не останемся». Отъ завѣдующей пріютомъ они не скрывали, что при первомъ удобномъ случаѣ они убѣгутъ и вернутся къ іоаннитамъ, гдѣ ихъ ожидаетъ «праведная жизнь«, за которой послѣдуетъ вѣчная блаженная жизнь за гробомъ.

Однако, большинство дѣтей относилось ко всему происшедшему совершенно безучастно и только страхъ передъ старшими, страхъ, явившійся слѣдствіемъ постоянныхъ побоевъ и преслѣдованій въ іоаннитскихъ пріютахъ, заставлялъ ихъ при каждомъ окрикѣ старшихъ пугливо прятаться въ уголъ, отказываться отъ пищи, чая и т. п. На обѣдъ имъ данъ былъ постный супъ и каша; отъ скоромнаго они отказывались, даже чай пили безъ сахару, такъ какъ сахаръ—грѣхъ. Нѣкоторымъ дѣтямъ принесена была изъ магазина обувь для примѣрки, но они отказывались отъ нея. На лицъ, посѣтившихъ пріютъ, дѣти производили самое тягостное впечатлѣніе. Насколько измучены были ихъ маленькія беззащитныя тѣла, настолько искалѣчены ихъ души. Дѣти смотрѣли на всѣхъ постороннихъ исподлобья, видя въ нихъ враговъ. На вопросы, обращенные къ нимъ, дѣти въ отвѣтъ или бросали тупые испуганные взгляды, или бормотали безсвязныя изреченія изъ тѣхъ псалмовъ, которые они распѣвали съ утра до ночи. Ласки ихъ пугали, они съ ужасомъ отстранялись съ жуткимъ шопотомъ «антихристъ», искушеніе».

3 іюля пріютъ г-жи Михельсонъ осаждали въ теченіе всего дня какія-то женщины, называвшія себя матерями ото-

бранныхъ дѣтей и требовавшія ихъ возвращенія. Но въ виду предположенія, что они были подосланы іоаннитами, имъ было отказано въ требованіи и пріютъ охранялся городовыми.

4 іюля изъ пріюта г-жи Михельсонъ дѣти, въ числѣ 90 человѣкъ, на 4-хъ омнибусахъ доставлены были на Варшавскій вокзалъ, а оттуда въ спеціальномъ поѣздѣ отправлены на ст. Преображенскую, гдѣ помѣщаются дачи—пріюты г-жи Михельсонъ. Тамъ предполагалось оставить ихъ до полнаго выздоровленія, а затѣмъ отправить ихъ къ родителямъ, если послѣдніе согласятся принять ихъ, или же помѣстить въ ремесленныя и торговыя заведенія.

Закрытіе іоаннитскихъ пріютовъ взволновало темное іоаннитское подполье. «Главари» каждый день устраивали совѣщанія для обсужденія дальнѣйшей тактики. Предположено было временно разъѣхаться изъ Петербурга по крупнымъ провинціальнымъ пунктамъ.

3 іюля Путошкинъ скрылся изъ Петербурга. Въ тотъ же день по Николаевской и Варшавской ж. д. изъ Петербурга цѣлыми массами уѣзжали іоаннитки съ дѣтьми. Оказалось, что отобранныя дѣти составляютъ лишь незначительной процентъ, такъ какъ всѣхъ дѣтей, призрѣваемыхъ іоаннитами, они насчитывали около 2-хъ тысячъ. Недѣли за двѣ до закрытія пріютовъ іоанниты два самыхъ обширныхъ пріюта перевели на новыя квартиры.

Переѣздъ этотъ былъ сопряженъ съ такою осторожностью, что даже многіе изъ іоаннитовъ не знали, куда и зачѣмъ перевезли дѣтей.

«Взяли 20 дѣтей, а у насъ появится 100», говорилъ Уткинъ корреспонденту, посѣтившему іоаннитскій пріютъ по Сивковской ул. № 3, гдѣ наканунѣ было задержано 20 дѣтей. «Къ намъ посылаютъ дѣтей со всѣхъ концовъ Россіи. Наши общество іоаннитовъ насчитываетъ нѣсколько тысячъ членовъ, отдѣлы общества суще-

ствуютъ во всѣхъ городахъ. Всѣми дѣлами вѣдаютъ выборные. Живемъ мы только для Бога. Вина пьемъ въ театры не ходимъ. Насъ обвиняютъ, что мы плохо кормимъ и убиваемъ дѣтей. Но всѣ мы работаемъ для ближнихъ. Иконъ, крестовъ и книгъ продаемъ на десятки тысячъ рублей. Нигдѣ нѣтъ такихъ честныхъ людей, какъ у насъ. Если что-нибудь сдѣлаемъ противъ закона, то все равно Богъ накажетъ». Уткинъ—старикъ, лѣтъ 60, очень бодрый и на видъ энергичный. 44 года служилъ въ Ярославлѣ на фабрикахъ, пять лѣтъ держалъ пріютъ. Во всѣхъ комнатахъ Уткина горятъ лампадки. Въ комнатахъ сидитъ десятокъ дѣтей, преимущественно мальчики въ красныхъ рубахахъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ спали «сестры«, лѣтъ 20—30. На вопросъ, почему дѣти остались здѣсь, Уткинъ отвѣтилъ, что нѣкоторыя не попали, въ списки, а многіе имѣютъ здѣсь родителей.

Съ закрытіемъ пріютовъ іоаннитскіе дѣятели лишились самого главнаго источника своихъ доходовъ. Ранѣе, всѣ приготовляемыя дѣтьми вѣнчики къ иконамъ, въ массѣ распространявшіеся по Россіи, давали имъ большіе доходы. Обсудивъ создавшееся положеніе, они рѣшили обратиться съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ вновь открыть пріюты, но уже на другихъ основаніяхъ.

Между тѣмъ отобраніе дѣтей изъ іоаннитскихъ пріютовъ вызвало цѣлый рядъ ходатайствъ родителей дѣтей, обращенныхъ какъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и на имя С.-Петербургскаго грядоначальника. Вслѣдствіе этого и. д. градоначальника, генералъ-маіоромъ О. И. Вендорфомъ было сдѣлано распоряженіе о возвратѣ этихъ дѣтей, но лишь по удостовѣреніи полиціей о правѣ просителей на возвратъ имъ дѣтей, какъ родителямъ и опекунамъ. При этомъ просители предупреждались, чтобы дѣти не были помѣщены снова въ іоаннитскіе пріюты, о чемъ отъ нихъ и были взяты подписки.

3 сентября отобранныя дѣти были возвращены лично ихъ родителямъ.

Но скоро оказалось, что многіе родители были «фиктивные», и значительное число дѣтей, находившихся ранѣе въ пріютахъ благотворительныхъ обществъ и возвращенныхъ родителямъ, снова попали въ іоаннитскіе пріюты. Въ одномъ изъ этихъ пріютовъ, на Теряевой улицѣ, оказалось 112 дѣтей, изъ нихъ 60 снова вернулись изъ пріютовъ общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія и общества попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ. Вслѣдствіе этого, 17 сентября, и. д. С.-Петербургскаго градоначальника Вендорфъ вновь сдѣлалъ распоряженіе о закрытіи іоаннитскаго пріюта на Теряевой улицѣ и о размѣщеніи дѣтей, по распоряженію Общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, въ пріюты какъ этого, какъ и другихъ обществъ.

Жестокое обращеніе съ дѣтьми въ іоаннитскихъ пріютахъ заставило обратить вниманіе на главарей іоаннитскихъ общежитій и вызвало необходимость собранія матеріала для привлеченія виновныхъ къ судебной отвѣтственности.

Но іоаннитскіе вожаки, въ томъ числѣ особенно Пустошкинъ, начали выражать неудовольствіе, зачѣмъ за несчастныхъ дѣтей вступилась столичная администрація и общество защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Нашелся адвокатъ, который явился защищать интересы Пустошкина въ высшихъ инстанціяхъ, и въ прессѣ, и со стороны іоаннитскихъ главарей была подана жалоба въ сенатъ на незаконныя дѣйствія и. д. градоначальника г-м. Вендфора, по передачѣ іоаннитскихъ дѣтей въ руки Общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.

VIII.

Въ тоже время іоанниты предпринимаютъ рядъ попытокъ реабилитировать себя и добиться законнаго при-

знанія своей секты, Съ цѣлью заручиться поддержкой монархическихъ организацій, они проникаютъ въ «Союзъ русскаго народа». Среди членовъ «Союза русскаго народа» іоаннитскій вооросъ произвелъ раздѣленіе. Главный совктъ «Союза» отказывалъ отъ поддержки іоаннитскаго движенія и, раскусивъ студодѣянія іоаннитскихъ главарей, извергъ ихъ изъ своей срады Но въ одномъ изъ столичныхъ отдѣловъ «Союза», Александро-Невскомъ, іоанниты нашли благопріятную почву, убѣдивъ нѣкоторыхъ союзниковъ, что они «невинные агнцы», отмѣнные православные и патріоты. На эту удочку попались, между прочимъ, Б. А. Васильевъ. состоящій ранѣе членомъ главнаго совѣта «Союза», и Н. Н. Жеденевъ, бывшій начальникъ отдѣленія канцеляріи градоначальника, извѣстный нынѣ подъ именемъ «брата Николушки». Главнымъ же защитникомъ іоаннитовъ явился игуменъ Арсеній, бывшій синодальный миссіонеръ.

При содѣйствіи этихъ лицъ въ Петербургѣ учреждено было новое «Іоанновское братство». Открытіе іоанновскаго братства происходило 8 сентября и совершено было съ подобающей торжественностью. Во главѣ новоучрежденнаго братства, въ званіи «блюстителя», сталъ В. Васильевъ.

Согласно утвержденному правительствомъ уставу, братство ставило своей цѣлью прославленіе памяти отца Іоанна Кронштадтскаго путемъ составленія и изданія подробнаго его жизнеописанія и устройства просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій его имени.

Но скоро оказалось, что въ составъ членовъ новаго братства вошелъ главарь секты іоаннитовъ Н. И. Большаковъ и другіе іоанниты, и что учрежденіе новаго «іоанновскгго братства» представляетъ собою легализацію общины іоаннитовъ—сектантовъ. Дѣятельность братства проявлялась въ томъ, что имъ устраивались собранія членовъ братства, на которыхъ читались проповѣди о.

Іоанна Кронштадтскаго, а членъ правленія игуменъ Арсеній произносилъ поученія религіознаго харектера, совершалъ тамъ же молебны и водосвятія, не имѣя на это разрѣшенія епархіальной власти. Въ своихъ поученіяхъ о. Арсеній боролся съ открытой имъ ересью Фаррара, о которой слушатели не имѣли ровно никакого понятія, а также много и часто распространялся о своихъ подвигахъ, сравнивалъ себя съ о. Іоанномъ Кранштадтскимъ, внушая мысль, что онъ въ состояніи въ нѣкоторой степени его замѣнить. И вотъ психопатическое хлыстовско-сектантское обожаніе іоаннитовъ опочило на о. Арсеніи...

Никакихъ благотворительныхъ или просвѣтительныхъ учрежденій братство не устраивало, но въ кругъ своей дѣятельности включило осуществленіе миссіонерскихъ задачъ, и, занявшись обличеніемъ баптистовъ, пашковцевъ и другихъ сектантовъ, стало защищать, въ лицѣ игумена Арсенія, дѣйствія іоаннитовъ, признанныхъ на Кіевскомъ всероссійскомъ съѣздѣ вредными сектантами.

Получивъ свѣдѣнія объ этомъ, С.-Петербургское особое городское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе, разрѣшившее регистрацію общества, подъ названіемъ «Іоанновское братство», нашло, что общество это уклонилось отъ опредѣленныхъ въ уставѣ его условій дѣятельности и приняло характеръ общества религіознаго, вслѣдствіе чего постановило—общество это, въ виду ст. 4 и 33 разд. I, зак. 4 марта 1906 г. о союзахъ и обществахъ, закрыть.

Іоанновское братство было закрыто 23-го ноября. Св. Синодъ, узнавъ о дѣятельности игумена Арсенія въ «Іоанновскомъ братствѣ», предложилъ ему въ двухнедѣльный срокъ отправиться въ ранѣе еще ему назначенный для мѣстопребыванія Драндскій монастырь, Сухумской епархіи. Когда назначенный срокъ истекъ, то 30 ноября игуменъ Арсеній, за неповиновеніе и ослу-

шаніе церковной власти, Св. Синодомъ былъ запрещенъ въ священнослуженіи. Съ тѣхъ поръ онъ неизвѣстно куда скрылся и разыскивается полиціей для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ водворенію его въ Дрангскій монастырь.

Помимо «Іоанновскаго братства», іоанниты пытались еще легализоваться подъ именемъ общества «Іоанновское общежитіе» въ честь и славу праведника о. Іоанна Кронштадтскаго. Ходатайство въ этомъ смыслѣ было возбуждено іоаннитами Скоринымъ, Брязгиннымъ, Кореннымъ и Саломатовымъ, обывателями закрытаго пріюта на Теряевой улицѣ. Но С.-Петербургское городское по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствіе въ регистраціи этого общества отказало. Въ то же время іоаннитская газета «Гроза», по распоряженію градоначальника, была прекращена.

Однако, эти неудачи не смущали іоаннитовъ, которые проявляли усиленную и энергичную дѣятельность, съ цѣлью добиться пересмотра дѣла объ іоаннитахъ и отмѣны постановленія Кіевскаго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда, признавшаго іоаннитство сектой.

5-го ноября, къ высокопреосвященному митрополиту Антонію являлась іоаннитская депутація, въ составѣ 6 человѣкъ, въ главѣ съ Большаковымъ и Уткинымъ. Входя въ залу митрополичьихъ покоевъ, іоанниты набожно крестились и молились передъ иконами, владыкѣ сдѣлали земной поклонъ. Получивъ благословеніе, депутація вручила архипастырю прошеніе, въ которомъ доказывалось, что іоанниты вѣрные сыны церкви, о. Іоанна почитаютъ за угодника Божія, (о Порфиріи умолчано), желаютъ во всемъ быть покорными духовному начальству, согласны отдать свои изданія подъ духовную цензуру, обвиненія ихъ со стороны миссіи и печати въ сектантствѣ считаютъ обидною несправедливостью, просятъ дать имъ возможность безвозбранно молиться, трудиться и жить,

подобно перво-христіанскимъ общинамъ. Владыка, прочитавъ вслухъ ихъ прошеніе, спросилъ объясненія нѣкоторыхъ неясныхъ положеній, какъ напр. о томъ, въ какомъ смыслѣ эти іоанниты понимаютъ, что о. Іоаннъ угодникъ Божій, когда на языкѣ церкви угодниками называются только прославленные церковью святые люди,—имя же о. Іоанна, его вѣра, благочестіе и добрыя дѣла только почитаются людьми, какъ добродѣтельнаго пастыря, но не какъ святого прославленнаго угодника Божія. Повидимому, депутація и съ этимъ соглашалась. Въ заключеніе владыка митрополитъ сказалъ іоаннитамъ, что дѣло о сектантствѣ іоаннитовъ весьма осложненное, и онъ не можетъ сразу довѣриться ихъ словамъ, а поручитъ своимъ помощникамъ, викарнымъ преосвященнымъ, произвести тщательное изслѣдованіе по содержанію ихъ прошенія. Депутаты снова сотворили земное поклоненіе и удалились.

10-го ноября, депутація отъ іоаннитовъ—Большакова, Пустошкина и др. представлялась Петербургскому градоначальнику съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ мѣръ, принятыхъ противъ іоаннитовъ. Депутація просила градоначальника не возбранять имъ жить общинами: «мы люди бѣдные,—намъ выгоднѣе жить сообща,—мы сразу капусту и другіе продукты вагонами выписываемъ, а это дешевле»...

Конечно, ни митрополитъ Антоній, ни генералъ Драчевскій ничего положительнаго и утѣшительнаго не могли сказать іоаннитской депутаціи. Однако въ своихъ подпольяхъ іоаннитскіе вожаки куражились и прибывшихъ изъ провинціи простаковъ воодушевляли: «что-де владыка митрополитъ ихъ любезно благословлялъ, а генералъ ручку подавалъ».

Любопытно при этомъ отмѣтить, что въ тотъ самый день, когда іоаннитская депутація представлялась начальству, агенты Уткина и Большакова провожали партію человѣкъ въ 8 новыхъ книгоношъ—дѣвицъ и муж-

чинъ съ Николаевскаго вокзала куда-то въ далекіе края, нагрузивъ тяжелыя корзины іоаннитской литературой. А чуть ли не въ тотъ же вечеръ, когда въ покояхъ владыки сектанты утверждали, что въ ихъ упованіи, образѣ жизни и рѣчахъ нѣтъ ничего неправославнаго,—одинъ изъ бывшихъ въ депутаціи проповѣдывалъ передъ новичками, прибывшими въ общежитіе изъ разныхъ городовъ, тѣ же бредни о наступленіи второго пришествія, гоненія на истинныхъ христіанъ со стороны книжниковъ и фарисеевъ—духовенства, распявшаго Христа, уговаривалъ, что все мірское надо оставлять, какъ равно жену и дѣтей, и идти «спасаться» въ ихъ іоаннитскія общины.

Для большаго успѣха своего дѣла іоанниты снова попытались втянуть въ защиту «іоаннитства» монархическія огранизаціи.

Еще въ октябрѣ, при открытіи въ Москвѣ съѣзда русскихъ людей, членъ—учредитель іоаннитскаго братства Н. Н. Жеденевъ телеграммой просилъ разрѣшить ему сдѣлать съѣзду доклалъ въ защиту іоаннитовъ. На это предложеніе президіумъ съѣзда отвѣтилъ Женденеву отрицательно: «строго храня церковную дисциплину и повинуясь опредѣленію Св. Синода о такъ называемыхъ іоаннитахъ, комитетъ съѣзда не можетъ удовлетворить вашей просьбы». Тогда Жеденевъ обратилъ свои взоры на «Русское Собраніе» въ Петербургѣ. Отсюда и предполагалось побудить монархистовъ къ защитѣ іоаннитства. 2-го декабря Н. Жеденевъ сдѣлалъ докладъ въ «Русскомъ Собраніи» объ іоаннитахъ. Сообщеніе докладчика было тенденціозной апологіей іоаннитства и восхваленіемъ игумена Арсенія. Говоря о высокихъ добродѣтеляхъ и благочестіи «рабы Божіей Порфиріи», «старца Назарія», докладчикъ предложилъ публикѣ для осмотра гравюрные большіе ихъ портреты, а на хорахъ демонстри-

ровались живые іоанниты—пѣвчіе. Лица типичныя, такъ и просящіяся въ коллекцію сектантской галлереи. Послѣ перерыва предсѣдатель собранія кн. Лобановъ—Ростовскій предоставилъ слово епископу Вологодскому Никону, который сказалъ, что іоаннитство есть еретическая секта, ее слѣдуетъ не прославлять, а обличать, и просилъ В. М. Скворцова дать собранію разъясненіе по содержанію сказанаго докладчикомъ. В. М. Скворцовъ подробно разобралъ фальшь и тенденціозность доклада и привелъ изъ литературы іоаннитской, изданной Большаковымъ, доказательства, что іоанниты дѣйствительно еретики и кощунники. Собраніе пришло въ большое возмущеніе отъ происковъ іоаннитовъ, проникшихъ въ «Русское Собраніе», да еще съ своимъ хоромъ, и предсѣдатель объявилъ, что продолженіе доклада г. Жеденева онъ не считаетъ возможнымъ допустить.

Нашли себѣ іоанниты союзниковъ и среди нѣкоторыхъ правыхъ органовъ печати. Въ то время какъ «Русское Знамя» и «Колоколъ» открыли свои страницы для разоблаченій іоаннитства, «Свѣтъ„ и «Земщина» взяли іоаннитовъ подъ свою защиту и помѣщали горячія статьи разныхъ апологетовъ этой секты. Успѣли, наконецъ, проникнуть іоанниты и въ Государственную Думу и тамъ посѣтять недоразумѣнія среди правой думской фракціи.

Однимъ словомъ, въ послѣднее время іоаннитами нажаты всѣ кнопки, пущены въ ходъ всѣ пружины, чтобы добиться пересмотра іоаннитскаго вопроса и рѣшенія его въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Но пока это имъ не удается.

Между тѣмъ пропаганда іоаннитства продолжалась, принося съ собою бѣдствія и разореніе. Херсонскій епархіальный миссіонеръ М. А. Кальневъ сообщаетъ, что весною 1909 г. въ с. Марьинскомъ появился нѣкій Василій Горобецъ изъ м. Никополя, Екатеринославской губ., и сталъ проповѣдывать объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ, какъ

Богѣ, имѣющемъ скоро явиться для всеобщаго надъ міромъ суда. Сылаясь на 9 ст. 3 гл. посланія ап. Павла къ Евреямъ, Горобецъ училъ, что для вразумленія рода человѣческаго Богъ явился въ плоти о. Іоанна Кронштадтскаго и сорокъ лѣтъ священствовалъ на землѣ, призывая народъ къ покаянію. Теперь настало время суда его надъ міромъ, время котораго Горобецъ назначилъ сперва на 20 мая, потомъ на 15 августа, и, наконецъ, отсрочилъ на 1 января. Въ своихъ собраніяхъ въ Никополѣ, Горобецъ ссылаясь на мѣста Писанія, обыкновенно приводимыя хлыстами, сталъ проповѣдывать чисто хлыстовское ученіе о христіанскомъ бракѣ и неяденіи мясной пищи, и совращенные уже заявили, что супружескія отношенія они прекращаютъ, какъ блудъ, мясное перестали ѣсть, какъ скверну. Въ Никополѣ Горобецъ сталъ служить акаѳисты о. Іоанну Кронштадскому, кадя предъ его портретомъ, и наконецъ объявилъ имъ, что къ 1 числу января 1910 г. весь міръ погибнетъ въ огнѣ, спасутся только тѣ, которые уйдутъ въ Никополь, гдѣ будетъ зимовать самъ ап. Павелъ, какъ объ этомъ онъ пишетъ въ посланіи къ Титу: «когда пришлю къ тебу Артему или Тихика, поспѣши прійти ко мнѣ въ Никополь, ибо я положилъ тамъ провести зиму» (3 гл. 12 ст). Если хотите спастись,—училъ Горобецъ марьинцевъ,—то продайте свое имущество, и на вырученныя отъ его продажи деньги я устрою въ Никополѣ общежительный монастырь, гдѣ мы и встрѣтимъ судію міра—о. Іоанна Кронштадтскаго. Проповѣдь Горобца имѣла полный успѣхъ: марьинскіе крестьяне Антоній Радько, Степ. Радько, Пант. Радько, Степ. Шмиголь, Ив. Шмиголь, Пав. Шмиголь, Пав. и Дав. Прохорецъ, Мак. Филиппенко продали все свое имущество, даже надѣлы, и вручили свои деньги Горобцу, который затѣялъ строить въ Никополѣ двухъэтажный домъ для своихъ послѣдователей. Разоренные іоанниты со своими семьями перебрались на жительство

къ Горобцу въ Никополь. Все огромное с. Марьинское взволновалось проповѣдью Горобца. Энергичный мѣстный земскій начальникъ В. М. Клопотовъ сообщилъ епархіальному миссіонеру о народной смутѣ и пригласилъ его для бесѣдъ съ іоаннитами.

Проведенныя опытнымъ миссіонеромъ М. А. Кальневымъ бесѣды значительно успокоили народъ, собравшійся въ громадномъ количествѣ. Когда бредни вступившихъ съ миссіонеромъ въ преніи іоаннитовъ были разоблачены, то, какъ говорятъ, Ант. Радько потребовалъ отъ Горобца данныя ему деньги, но получилъ отвѣтъ отъ него, что «мертваго изъ гроба не возвращаютъ».

«Дѣло марьинскихъ іоаннитовъ, говоритъ въ заключеніе своего сообщенія М. А. Кальневъ, только началось, но и начало его разорило до тла и пустило по міру 9 семействъ. Это ясно говоритъ, какую большую опасность и какой великій вредъ можетъ принести секта іоаннитовъ и церкви и православному русскому народу, если не будетъ во время обращено на нее вниманіе дѣятелей миссіи и властей»[1]).

Начало 1910 года ознаменовалось печальнымъ для іоаннитовъ событіемъ. 2 января скоропостижно скончался вожакъ сектантскаго іоаннитскаго движенія Ник. Ив Большаковъ, 59л. Это была неожиданная и крупная для нихъ потеря. Личность Большакова довольно интересна. Уроженецъ Смоленской губ., онъ пѣшкомъ изъ своей деревни прибылъ въ Петрбургъ. 12-лѣтній мальчикъ, самоучкой обучившійся грамотѣ, поступилъ слугою въ «Восточныя бани», гдѣ и прослужилъ 26 лѣтъ. Чувство глубокаго поклоненія и почитанія о. Іоанна Кронштадтскаго началось у Большакова послѣ того, какъ его жена, страдающая неизлѣчимой болѣзнью, получила по молитвамъ пастыря чудесное исцѣленіе. Попавъ въ кружокъ почитателей Порфиріи Киселевой, Большаковъ укло-

[1]) М. Кальневъ. «Іоанниты». Колок. № 1117.

нился на путь іоаннитской пропаганды и зачялъ видное мѣсто въ сектѣ, какъ главный апологетъ іоаннитства, редакторъ-- издатель «Кронштадтскаго Маяка» и многихъ другихъ сектантскихъ изданій. Смерть застигла Большакова совершенно неожиданно, скончался онъ, придя домой изъ бани, отъ разрыва сердца. Іоанниты торжественно похоронили его на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Крики, плачъ, пѣніе и причитанія сопровождали погребальную процессію. «Помолись за насъ грѣшныхъ!.. Заступись!..» кричали іоанниты. »Ушелъ въ рай·,. Горе намъ!..» причитали іоаннитки. Прощаясь съ Большаковымъ, сектанты клали въ гробъ портреты о. Іоанна Кронштадтскаго. На гробъ былъ посыпанъ песокъ, привезенный изъ Ораніенбаума, съ могилы Порфиріи, и съ могилы о. Іоанна Кронштадтскаго, а также брошено много вѣнчиковъ.

Здѣсь мы достигли послѣдней страницы исторіи секты іоаннитовъ. Но прежде чѣмъ перевернуть и закрыть ее, бросимъ бѣглый взглядъ назадъ, чтобы лучше запечатлѣлись въ памяти главныя характерныя особенности этой секты.

Іоаннитство—отпрыскъ хлыстовства, почему оно и осуждено Св. Синодомъ, какъ ересь. Іоанниты проповѣдуютъ кощунственное ученіе, что о. Іоаннъ Кронштадтскій —Богъ, что въ немъ Св. Троица, что онъ—судья живыхъ и мертвыхъ. Іоанниты учатъ о бракѣ, какъ скверно, въ замѣнъ брака проповѣдуютъ «братскую« любовь мужчинъ къ женщинамъ, дѣтей, раждающихся отъ законныхъ браковъ, называютъ «чертенятами». Сколько семействъ разстроено врагами семьи—іоаннитами, сколько женъ оторвано отъ законныхъ мужей, сколько хозяйствъ разорено, сколько слезъ пролито несчастными жертвами іоаннитовъ!.. И вотъ, если мы все это вспомнимъ, вспомнимъ эту затхлую одуряющую обстановку іоаннитскихъ

притоновъ, вспомнимъ этихъ блѣдно-лицыхъ, жалкихъ забитыхъ, запуганныхъ, искалѣченныхъ дѣтей,—то чувствомъ скорби и сожалѣнія о заблудшихъ невольно наполняется сердце и изъ груди готовъ вырваться громкій вопль: «свѣта, свѣта!.. больше свѣта!..»

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественныхъ наукъ

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
14	15 сверху	превославные	православные
19	6 —	соктантство	сектантство
—	7 —	духовной	духовной,
—	11 —	идей	идей,
22	8 снизу	односторонне	одностороннее
23	16 сверху	е	Не
—	17 —	сво образное	своеобразное
27	4 снизу	раница	разница
28	7 —	двоственный	двойственный
57	13 сверху	ядъ	рядъ
93	1 —	Іертконъ	Іорктонъ
100	9 снизу	прнбывшими	прибывшими
134	1 —	то,	то
141	6 сверху	руковдителя	руководителя
182	4 снизу	выразившемся	выразившееся
236	8 сверху	огражданія	огражденія
246	4 —	воорось	вопросъ
—	5 —	совктъ	совѣтъ
—	— —	отказывалъ.	отказался
—	8 —	срады	среды
	4 снизу	іоанновскгго	іоанновскаго